Ла Ё

Перевод с хун - Александр Гоноровский

Перевод стихов - Саян Шурали-Осташкова

К Н И Г И Х У Н – Т О Н Г А

Автор: Гоноровский Александр Александрович

gonor2000@gmail.com

тел. +7 903 546 1420

Х У Н – Т О Н Г – Т И – Т У Н Г 4 п.н.

Раздайте слонам петарды.
(Генерал Хо "Беседы перед проигранной битвой".)

Загорающие связистки мешают слаженной переправе войск.
(Генерал Хо "Беседы перед проигранной битвой".)

Воля, воля и еще раз воля!
Мы идем в атаку.
Мы держим линию.
Мы ступаем по павшим.
Мы не умрем!
На плечах противника мы врываемся в его город и берем его женщин.
Чтобы они выстирали засранное нами белье.
Чистота после боя.
(Генерал Хо "Беседы перед проигранной битвой".)

«Где же полк самураев?»
«Но у вас, никогда не было полка самураев, мой генерал».
«Вот я и спрашиваю – где?»
(Генерал Хо "Беседы перед проигранной битвой".)

Слово не воробей. Вылетит - не поймаешь.
Глупость не воробей. Не вылетит.
("Великий Учитель №3".)

Из продавцов сладких лепешек получаются хорошие пехотинцы.
Из нищенок Хун-Тонга - отличные гранатометчицы.
Интеллигенты, подавая пример, гибнут в первом сражении.
Ищите свою красоту на поле боя.
(Генерал Хо "Беседы перед проигранной битвой".)

Танцовщица Ли вьет легкие сети из своих волос. Ловит в них птиц. И они поднимают ее над ареной.

(Циркач Пу "Книга о танцовщице".)

"Танец - это только движение", - говорил Барабанщик Сон. - "После танца человек остается таким же, как и был до него".

Танцовщица Ли приносила ему рис и сладкие лепешки.

Барабанщик Сон жил в своем барабане и выходил только тогда, когда надо было в него бить.

От удара в барабане начинали танцевать чашка для риса и огарок свечи.

(Циркач Пу. "Книга о танцовщице".)

Кости Танцовщицы Ли гнутся как молодой бамбук.

Укротитель Пиявок Фу рассказывал, что это древнее искусство трех танцовщиц Хун-Тонга. Оно появилось и исчезло вместе с ними 800 поколений назад.

Я спросил об этом Танцовщицу Ли.

Она улыбнулась.

Она не знала.

Фу признался, что во время ее танца перестает дышать.

(Циркач Пу "Книга о танцовщице".)

Укротитель Пиявок Фу подрался с Барабанщиком Соном прямо в барабане.

Фу хотел, чтобы рис и сладкие лепешки Танцовщица Ли носила ему.

Кожа барабана треснула и разошлась.

Барабанщик Сон сидел рядом, держал в руках чашку для риса, огарок свечи и плакал.

(Циркач Пу "Книга о танцовщице".)

Не так-то просто поймать пулю.

(Из речи генерала Хо, над могилой майора Лоу. Приложение к книге "Беседы перед проигранной битвой".)

Кто-то отравил пиявок Укротителя Фу.

Он сходил на пруд и наловил новых.

Секрет укрощения пиявок в том, что их не надо укрощать. Фу взял с меня слово, что я никому об этом не расскажу до самой его смерти.

(Циркач Пу "Книга о танцовщице".)

Маленький Тунь ест меньше всех. Директор цирка Господин Хван придумал номер, где Тунь прячется в пасти Аллигатора А. Тунь боится запаха Аллигатора А. Он мечтает сделать номер с Женщиной-Пальмой. Но та не хочет, чтобы Дровосек Тунь бил ее топориком по ногам.

Тунь говорил, что у него получится все так же здорово, как и у фокусника Ким Яна, который иногда распиливал Женщину-Пальму, положив ее в ящик. Правда Тунь собирался использовать топор вместо пилы и думал обойтись без ящика.

(Циркач Пу "Книга о танцовщице".)

За свою жизнь я три раза с боями брал Хун-Тонг. А он все такой же.

(Генерал Хо "Беседы перед проигранной битвой".)

Учебные стрельбы следует проводить до первой крови.

(Генерал Хо "Памятка для младшего офицерского состава по проведению учебных стрельб".)

Гадалка Цай перед представлением предсказывала публике будущее, продавала билеты, книги невидимок, бумажные веера, рисованные открытки с изображением цирковых номеров.

Однажды она предсказала немедленную смерть в цирке одному писарю с кульком засахаренных вишен. В тот день она слишком много выпила с Укротителем Пиявок Фу.

Писарь не пошел на представление, лишив Господина Хвана законной выгоды, и умер неподалеку, в лавке торговца цукатами.

Господин Хван хотел побить Гадалку Цай, но затем передумал. Неизвестно, какое будущее Господина Хвана взбредет в голову Галадке Цай после побоев.

(Циркач Пу "Книга о танцовщице".)

Гадалка Цай сказала, что Танцовщица Ли знает многое, но не говорит. Если назвать то, что знаешь, то можно это потерять. Или обрести нежданное. Но будет ли новое лучше прежнего?

Гадалка Цай сказала, что это она посоветовала ей молчать.

Значит, я неправильно истолковал улыбку Танцовщицы Ли.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Приходил Следователь И.

Кто-то украл из кожевенной мастерской, что на Улице Повешенного Ученика, шкуру коровы.

Следователь И долго пил чай с Танцовщицей Ли.

Укротитель Пиявок Фу подглядывал за ними в щелку между пологами палатки.

Следователь И выпил три чашки.

С тех пор он ходил на все наши представления.

Переодевался. Прятался на задних рядах.

Но все знали, что он здесь.

Больше всех волновался Барабанщик Сон. Ведь все видели, как он натягивал на барабан новую шкуру.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Каждый раз, когда я завоевываю Хун-Тонг, я приказываю назвать его главную улицу «Улицей великих побед Генарала Хо». Но название не приживается. Сколько раз надо завоевать Хун-Тонг?

(Генерал Хо "Беседы перед проигранной битвой".)

«Гадание по лапкам Ядовитых Жуков Цун, по придорожным камням, по облакам, по сливкам козьего молока, по траве – это простое оправдание перед людьми того, что ты и так видишь. А если не видишь – бери Карты Семи Змей. На них есть картинки.

Что ты видишь, Пу, глядя на Танцовщицу Ли?»

Гадалка Цай рассмеялась. Рисовая водка согрела ее и на короткое время заставила забыть будущее.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

В начале представления на арену выходил Господин Хван и, подкручивая наклеенный черный ус, пронзительно кричал. Что он кричал - никто не знал. Но все на мгновение переставали жевать и прикрывали руками принесенную еду. Над публикой хлопали крыльями потревоженные, слетевшие с бамбукового навеса, голуби.

Потом выходил Слепой Борец Мо. Он вызывался победить любого. Борец Мо выбрасывал вперед руки, прохаживался, ждал. Но никто из публики не хотел драться. Тогда к Мо выходил Хромой Лю. И Мо кидал его через всю арену. Хромой Лю всегда говорил Мо, куда тот должен его бросить.

Лю летел, падал, чтобы испугать публику, лежал некоторое время неподвижно, потом вставал, отряхивал штаны и, глядя себе под ноги, шел на свое место. Господин Хван платил ему мало. И только за полет.

Господин Хван не любил этот номер. Он говорил, что с Мо никто не хочет драться, потому что тот слеп и не видит, что может сломать.

Как-то Господин Хван нарисовал глаза на закрытых веках Мо. Но тогда к Мо отказался подходить даже Хромой Лю.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Повстанцы и заговорщики садятся в круг. Победители - в ряд. Очень трудно правильно рассадить подчиненных для обсуждения приготовлений перед решающим боем.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

На этот раз Следователь И был одет разносчиком печенья. После представления он зашел на цирковой двор.

Следователь И держал в руке маленький клочок бумаги, который никому не показывал. Мы узнали только, что это обрывок записки, найденный неподалеку от цирка на Улице Светлой Ночи.

Следователь И подходил к каждому, просил написать два иероглифа: «Остерегайтесь. Действуйте скрытно». Затем он сравнивал написанное с листком у себя в руке и хмурил брови.

Хуже всех написал иероглифы Барабанщик Сон. У него сильно дрожали руки.

Лучше всех надпись вышла у Маленького Туня. Оставшийся вечер Маленький Тунь неторопливо прохаживался меж палаток, важно похлопывая себя по животу.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Ученик должен стоять на коленях и заглядывать в дыру знаний.

(Учитель Сё «Назидание ученикам».)

Когда Хромой Лю заболел лягушачьей лихорадкой, Слепой Борец Мо остался без работы.

Никто из циркачей не хотел летать вместо Хромого Лю.

Лишь к третьему представлению Господин Хван смог договориться о замене, заплатив за полет вперед двойную цену.

После крика Господина Хвана, голубей, спасения еды, на арену снова вышел слепой борец Мо и протянул к публике свои огромные руки.

Публика испуганно ела.

Тогда навстречу Мо поднялась Женщина-Пальма. На ней был халат пастуха, бараний колпак и запасные усы Господина Хвана.

Она была выше на три головы и вдвое толще Слепого Борца Мо.

Борец Мо обхватил Женщину-Пальму поперек тела. Его руки стали полосаты от жил, лицо – круглым, красным.

Мо смог поднять Женщину-Пальму над собой. Но удержать не смог. Земля вздрогнула и прогнулась от их падения.

Даже на задних рядах было слышно, как под тяжестью Женщины-Пальмы хрустнули кости Слепого Борца Мо.

«Живой», - сказала Гадалка Цай. – «Сейчас он удивлен и, наверное, счастлив».

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Впервые Хун-Тонг упоминается в Летописи Теней.

Тексты Летописи записывались на песке в тени, которую отбрасывал рассказчик. Чем больше был человек, чем ближе вечер, тем длиннее выходила история.

Когда на иероглифы падал свет, рассказ прекращался. Запись стиралась.

Традиция подобного письма основывалась на учении Малого Бога. Считалось, что солнце не должно видеть темные дела людей.

Летопись Теней позволяла выделить из историй главное и забыть второстепенное.

(Учитель Сё «История Хун-Тонга и…» - обгоревшая обложка не позволяет прочитать все название целиком.)

Иногда, если ночь была светлой, я пробирался к палатке Танцовщицы Ли и отодвигал полог. Я хотел увидеть ее лунное лицо. Но она всегда прикрывала его волосами.

Этой ночью, мне вдруг показалось, что сквозь волосы блеснули белки ее глаз.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Лежа в своей палатке, Слепой Борец Мо звал Женщину-Пальму.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

«Лунное лицо говорит правду», - написано в седьмом тексте Книги Малого Бога. До сих пор в Хун-Тонге существует традиция ночного вопроса. Считается, что можно узнать многое, глядя на освещенное луной лицо спящего.

В одной из легенд рассказывается, как уснувшие воины Хун-Тонга обратили в бегство передовой отряд Хана Ирдиса. Воины Хана увидели в их лунных лицах свою смерть.

(Учитель Сё «История Хун-Тонга и…».)

Барабанщик Сон отложил в сторону пустую чашку из-под риса и облизал барабанные палочки.

«Танец», - сказал благодушно, - «состоит из набора отточенных, тысячу раз отрепетированных жестов».

«А когда ты видел, чтобы танцовщица Ли репетировала?» - удивился Укротитель Пиявок Фу.

«Видел».

«Когда?»

«Видел».

Они снова могли подраться, если бы не крики за палатками. Слепой Борец Мо не хотел больше бороться с Хромым Лю. Он хотел бороться с Женщиной-Пальмой.

Две драки - было бы слишком.

«Танец – это всегда репетиция. Кубики. Из кубиков все». - Барабанщик Сон забрался в свой барабан. Подальше от шума.

«Стал бы ты смотреть на кубики», - только и сказал Фу.

Недавно он кормил своих пиявок и был еще слаб.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Я пришел в цирк Господина Хвана полтора года назад. С тех пор я научился глотать огонь. Извергать его я не умею. Огненный Человек говорил, что горящей жидкостью плюются только шарлатаны, что огонь, как и ребенок, требует рождения.

Я почти научился ходить по натянутой проволоке Братьев Чу, стоять на голове, прыгать на бамбуковом шесте, жонглировать тремя булавами Женщины-Пальмы.

Я умею находить на руке линию жизни и гадать по Картам Семи Змей. Гадалка Цай хороший учитель в свои пятнадцать лет.

После представления я записываю движения Танцовщицы Ли - каждый оттенок каждого жеста из которого состоит танец.

Я хочу знать – прав ли Барабанщик Сон.

Записал пока только четыре тысячи семьсот тридцать два движения. Во время танца трудно сосредоточиться. Пишу вечером, после представления. Пытаюсь истолковать и дать название каждому. Открыть тайну их сочетаний.

И еще я умею входить в клетку к Аллигатору А для уборки и знаю, как укрощать пиявок.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Город можно взять бесшумно.

Без криков, пожаров и пальбы. Так, что жители, проснувшись, пойдут на базар за свежими лепешками.

И повстанцы все еще будут думать, что они повстанцы. И тоже утром пойдут на базар за свежими лепешками.

Но что тогда заменит вам гром победы?

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

Клоун Дэн Ду Мин встал на колени перед Господином Хваном, начал шмыгать носом, тереть глаза и чесаться. Ему некуда было идти. Ему надо было помыться.

Войска Генерала Хо вошли в Ти-Тунг и Цирк Господина Са разбежался.

Дэн Ду Мин добирался до Хун-Тонга десять дней.

Он был плохим клоуном. Но за него вступилась Танцовщица Ли.

Господин Хван взял его в труппу при условии, что тот не будет исполнять на публике номер с поеданием козьего помета.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

430 поколений назад в одном из судебных протоколов Хун-Тонга упоминался Мастер Лянь, сделавший механическую куклу. Кукла могла совершать 99000 движений и умела плеваться.

Ее движения так походили на человеческие, что соседи посчитали куклу дочерью Мастера Ляня, которая скрывалась от правосудия, и донесли властям.

Дочь Мастера Ляня, Невеста Лянь, оказавшись как-то на пощади Зеленой Рыбы, по неизвестным суду причинам плюнула в проходящего мимо Воина Хун-Тонга, а потом выбила ему два зуба.

Куклу арестовали.

И, пока разобрались, она заплевала всю городскую тюрьму.

(Мастер Ти «Сборник механических чудес».)

Ночью Слепой Борец Мо ходил среди палаток - искал Женщину-Пальму.

Она знала, что Мо ее ищет и поэтому каждый раз выбирала новое место для сна.

Раньше Слепого Борца Мо везде водил Хромой Лю. Но Хромой Лю больше не жил в его палатке и не был его глазами.

Зато у Лю теперь имелись синяк в пол лица и распухшая верхняя губа.

«Скажи», - спросил Слепой Борец Мо, натолкнувшись на меня ночью, - «как дышит Женщина-Пальма во сне?»

Я не знал.

«Может быть, она храпит?» - с надеждой спросил Мо.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Допрос №17.

Следователь И: Четвертого дня шел дождь. Я люблю дождь с громом и молнией. И чтобы стена воды. После дождя улицы Хун-Тонга становятся чище. (пауза) А ты любишь дождь?

Заговорщик Мин У: Нет.

Следователь И: Это потому, что ты всю жизнь в дороге. И дома у тебя нет. У кого нет дома - не может понять красоту дождя. (пауза) А вот эта записка, клочок которой я нашел, была написана третьего дня, когда ты появился в городе. Смотри - бумага от воды не испортилась. Иероглифы не растеклись.

Заговорщик Мин У: Мало ли было написано записок за это время?

Следователь И: Значит, не ты ее написал?

Заговорщик Мин У: Нет.

Следователь И: А почему так похожи твои иероглифы и иероглифы с этого клочка? Особенно иероглиф «действуйте скрытно».

Заговорщик Мин У: Вы же сами хотели, чтобы вышло похоже.

Следователь И: Ты был на Улице Роз у Старьевщика Пака?

Заговорщик Мин У: Да.

Следователь И: Ты брал у него штаны?

Молчание.

Следователь И: Ты вошел к старьевщику в одних штанах, а вышел в других.

Заговорщик Мин У: Брал.

Следователь И: Что написано на подкладке? Красивый шифр.

Заговорщик Мин У: Просто рисунок. Сейчас так носят.

Следователь И: Я задержал тебя неподалеку от цирка. Это случайность?

Молчание.

Заговорщик Мин У: Штаны верните. Коленки мерзнут.

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Самый древний шифрованный текст, написанный на подкладке, видимо, содержит часть конспиративной инструкции: «Снимай штаны лишь перед тем, кому доверяешь».

Традиция писать шифрованные тексты на подкладках штанов возникла во времена, предшествующие Восстанию Муравьев.

(Учитель Сё «История Хун-Тонга и…»)

Восстание Муравьев под предводительством Невесты Лянь было жестоко подавлено, а Невеста Лянь пленена.

Она сбежала из тюремной башни, спустившись по веревке, сплетенной из собственных волос.

Эта веревка до сих пор хранится в храме Малого Бога.

Во время праздников в ней прячут его фигурку.

(Учитель Сё «История Хун-Тонга и…»)

В выступлении Клоуна Дэн Ду Мина не было искры.

Вместо козьего помета он попытался съесть на публике сухую коровью лепешку.

Больше всего не повезло носу Дэн Ду Мина.

У сидевшего на первом ряду Торговца Цукатами в кармане случайно оказалась небольшая чугунная гирька в двести сяней.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Хорошо, что только один сумасшедший встретил нас в Ти-Тунге лепестками шиповника и цветными пончиками.

Я не верю крикам радости, когда дым над городом еще темен.

Я люблю Ти-Тунг - его тронутые пожаром аллеи с гнездами пулеметных точек, черные от копоти древние камни Театра Лучей. Я был в нем ребенком.

Помню Женщину-Зеркало.

В ней отражался весь зал.

И я видел себя внутри нее - совсем маленького и удивленного. Будто я еще не родился, но уже живу.

На площади Невесты Лянь мне разбили палатку.

Я никогда не ночую в домах завоеванного города.

Город завоевать легче, чем дом. Чужой дом - всегда враг.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

После представления я беру метлу, скребок и убираю между рядами. Крошки от печенья. Недоеденные лепешки. Рассыпанные цукаты. Грязь с соседней улицы.

Деньги в Цирке теряют редко.

Однажды я нашел крохотное, как песчинка, яйцо Священной Птицы Ки. Три дня грел яйцо в ухе. Но из него так никто и не появился.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Восставшие Муравьи захватили Ти-Тунг, и Невеста Лянь правила им половину ночи. С тех пор главная площадь города носит ее имя.

(Учитель Сё «История Хун-Тонга и…»)

Клоун Дэн Ду Мин сказал, что Танцовщица Ли – кукла. Что все движения, и все знания вложены в нее Мастером Ти.

Клоун Дэн Ду Мин сказал, что если приложить ухо к груди Танцовщицы Ли, то можно услышать, как в ней шуршат механические жилы.

Сам Дэн Ду Мин ухо к груди Танцовщицы Ли не прикладывал, но знал об этом от верных людей.

«Я видел, как Танцовщица Ли ест», - сказал Барабанщик Сон.

«А я видел…» - Укротитель Пиявок Фу, запнулся и покраснел.

Дэн Ду Мин не ответил.

Он хотел, чтобы ему поверили.

Он поднял одну бровь и надул щеки.

Лицо его после меткого броска Торговца Цукатами напоминало лицо Кулачного бойца Чена. А наклеенный клоунский нос все время съезжал под правый глаз.

«Дэн Ду Мин, нос у тебя криво сидит», - вдруг тихо сказал Укротитель Пиявок Фу.

Сказал нехорошо. Так, что в глазах Дэн Ду Мина сразу поселилось беспокойство.

«Я сейчас», - с готовностью подхватил Барабанщик Сон, - «только барабан подальше отнесу».

«Где живет мастер Ти?» - спросил я.

Но Дэн Ду Мин ответить не успел.

Укротитель Пиявок Фу уже замахнулся на него палкой.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Движения кукол могут отказывать сильное воздействие на человека. Особенно важны кисти рук, бедра, походка, разрез глаз, выражения лица, повороты и наклоны головы.

Узнав от Начальника Тюрьмы о кукле, похожей на Невесту Лянь, Наместник Тан приказал привести ее к себе.

Кукла так понравилась Наместнику, что он одел ее в богатое платье и даже хотел заплатить Мастеру Ляню, чтобы тот отучил ее плеваться.

Мастер Лянь исправил куклу и денег не взял.

Наместник Тан заказал для нее нефритовую кушетку, к которой куклу можно было пристегивать, чтобы она не убежала, и повелел найти саму Невесту Лянь.

Сотни воинов искали ее.

Заходили в каждый дом.

Все переворачивали вверх дном.

О Невесте Лянь узнали многие.

Многие были злы.

Так началось Восстание Муравьев.

(Мастер Ти «Сборник механических чудес».)

Причин, по которым произошло Восстание Муравьев, в литературе Хун-Тонга описано предостаточно. И ни одна из них не выглядит достоверно.

(Учитель Сё «История Хун-Тонга и…»)

Я пил чай в палатке Гадалки Цай:

«Ты же можешь ответить на все мои вопросы. Про Танцовщицу Ли. Про меня».

«Смысл гадания – не пересказывать людям то, что увидишь, а постараться утешить их перед тем, что увидят они». - Гадалка Цай замолчала, обдумывая ход.

Она играла в шахматы сама с собой.

«К тебе приходила Женщина-Пальма?» - спросил я.

«Ей снится Слепой Борец Мо», - сказала Гадалка Цай. – «Он сидит в яме. Она не хочет его видеть. А он приходит к ней со своей ямой каждую ночь».

«Наверное, не следовало пересказывать мне чужие сны?» - сказал я.

Гадалка Цай рассмеялась.

Она хлопала себя по бокам, задыхалась, кашляла.

Так смеются школьницы над глупостью настоящих клоунов.

Шахматные фигурки упали на землю.

Я почему-то улыбнулся.

«Откуда ты знаешь, что следует?» - спросила она, когда успокоилась.

«Ты помогла ей?»

«А», - гадалка Цай махнула розовой ладошкой, – «я дала ей отвар проросшего ячменя».

«Он исцеляет от снов?»

Гадалка Цай пожала плечами.

«Не знаю. Главное - не навредит».

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

«О любви написаны тома. Тысячи. Миллионы». - Барабанщик Сон уютно покачивался в своем барабане. – «Но никто в ней ничего не понимает. И это важно».

Костер догорал.

Рисовая водка подходила к концу.

Лицо Сона покрылось яркими пятнами от выпитого.

Фу, как обычно, водил пальцем в банке с пиявками, что стояла у него на коленях.

Дэн Ду Мин клевал носом.

Он еще не смыл грим после представления.

Может быть, он никогда его и не смывал?

«Вот вы все», - Барабанщик Сон показал пальцем на меня, на Укротителя Пиявок Фу и на Клоуна Дэн Ду Мина, - «все влюблены в Танцовщицу Ли. Так?»

«А ты будто бы нет?» - возразил Фу.

«Я первый спросил», - быстро ответил Барабанщик Сон.

Все молчали. Никто не хотел говорить.

«Я реалист», - сказал барабанщик Сон, - «смотрю на вещи прямо. Во всем есть простой смысл. Я знаю Танцовщицу Ли, а она знает меня. Я умом проник в тонкости ее ремесла, и она понимает это».

«Все ее любят», - ответил Фу.

«А что вы знаете о любви?!» - барабан Сона резко качнулся. – «Вы просто ходите за ней стадом! А она приходит ко мне! И приносит еду мне!» - для большей убедительности Барабанщик Сон постучал о землю пустой чашкой и показал ее Фу.

«Еда не считается», - сказал Фу громче обычного. – «Баранов тоже кормят».

«Ну, хорошо», - Барабанщик Сон не хотел нарушать течение беседы привычной дракой, - «сейчас мы попытаемся поймать за хвост твою любовь». - Сон улыбнулся, и спросил почти ласково. – «Ты любишь ее? А как? Что именно ты делаешь?»

Укротитель Пиявок Фу задумался, почесал шею.

«Ничего».

«А что от этой любви внутри тебя? Вот сейчас».

Фу долго молчал.

«Вот сейчас», - громче повторил Сон

«Не знаю».

«Вот». - Барабан Сона заскрипел, закачался с новой силой. – «Сейчас ты ее, может, и не любишь. Потому что ты не знаешь, что это такое. А надо знать! Я знаю».

«Так скажи».

«Я не влюблен», - вдруг проснулся Дэн Ду Мин. – «Я хожу к женщинам, что живут недалеко от Храма Малого Бога. Они добрые. У многих целы почти все зубы».

«Никогда не приведу такую домой», - сказал Барабанщик Сон и закрыл барабан на ночь.

Клоун Дэн Ду Мин стал спорить, но его уже никто не слушал.

Угли костра погасли.

Я пошел спать.

Завтра нужно было разыскать Мастера Ти.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Религия Малого Бога утверждает - божественная сила отражается в малом. И чем меньше земное существо, тем больше в нем Бога.

Бык больше слона. Человек больше быка. Птица больше человека. Жук больше птицы. Муравей больше жука.

Храм Малого Бога расположен в центре Хун-Тонга. Он выстроен около пятисот двадцати поколений назад Наместником Э.

В Летописи Теней рассказывается, как Наместник Э был ранен в битве за Хун-Тонг и потерял память. Он забыл все, кроме муравейника, рядом с которым играл в детстве.

Вот почему Храм Малого Бога так похож на муравейник.

Чтобы понять его красоту, надо закрыть один глаз.

Посреди Храма расположен небольшой темный зал.

В нишах его стен хранятся фигурки малых богов и горят тусклые Светильники Ом.

От зала в разные стороны прорыты ходы, которые опускаются все ниже и ниже под землю, переплетаются, ползут под Хун-Тонг.

Никто не измерял их длину.

Построив храм, Наместник Э вошел в него и исчез.

Возможно, он просто умер в одном из дальних переходов. Он был уже стар. Но говорят, что Наместника Э можно встретить там до сих пор.

Строительство храма заняло сорок три года.

(Учитель Сё «История Хун-Тонга и…»)

Во время исполнения номера Аллигатор А нечаянно сглотнул. И Маленький Тунь, сидевший в его пасти, провалился внутрь.

Пришлось вызывать Слепого Борца Мо, чтобы тот выдавил Туня обратно.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Ти-Тунг умиротворен.

В меня выстрелили только два раза.

Мы гуляем по улице Пляшущего Тигра с Женщиной-Зеркалом.

От ее прежнего блеска не осталось и следа.

Она стара и почти слепа.

Я поддерживаю ее под руку.

«Знаете, Генерал, у артистов очень маленькая продуктовая карточка. Риса не хватает ни на семью, ни на творчество», - говорит она. – «Кто-то сказал, что художник должен быть голодным. Наверное, это сказал сытый художник».

«Если бы Генерал Хо занимался сельским хозяйством», - отвечаю я. – «У меня в избытке только порох и свинец».

Посреди улицы, около воронки она оступилась, пошатнулась.

Моя рука удержала ее от падения.

«Теперь я уже не так хороша, как в вашем детстве?» - печально улыбнулась Женщина-Зеркало. – «Слишком много людей отразилось во мне».

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

Пью чай с Танцовщицей Ли.

Она посматривает на меня через пар. Улыбается кончиками глаз.

Танцовщица Ли берет свою чашечку, поднимает, чуть наклоняет, делает маленький глоток.

Вижу еле заметную родинку на ее шее.

Мне трудно преодолеть смущение.

Делаю крупный глоток.

Горячо.

Кашляю.

«Сколько тебе лет?» - спрашивает она.

«Не знаю».

Танцовщица Ли задает вопросы не торопясь. Глоток за глотком.

«Где ты родился?»

«В Хун-Тонге».

«А кто твои родители?»

Я пожимаю плечами.

«Но что-то ты помнишь?»

«Наверное».

«Хм. Может быть, ты помнишь муравейник?» - улыбнулась Танцовщица Ли.

Я рассмеялся.

Это была хорошая шутка. Я читал книгу Учителя Сё.

Она снова берет свою чашечку, поднимает, чуть наклоняет, делает маленький глоток.

Как я ухитрился забыть часть своей жизни, разговаривая с Танцовщицей Ли?

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Армия Невесты Лянь прошла от Ти-Тунга до Хун-Тонга за восемь дней. Шел третий год Восстания Муравьев и войско Невесты Лянь было еще велико.

Повстанцы голодали. В Летописи Теней рассказывается, как на подступах к Хун-Тонгу они съели быков вместе с повозкой и несколько крестьянских хижин.

После них не оставалось даже слоя плодородной почвы.

«Мы съедим и Хун-Тонг», - говорили они.

Источники по-разному описывают Невесту Лянь.

В Летописи Теней она высока, тонка, зеленоглаза. В кольчуге, сплетенной из серебряных струн. Струны выли во время боя, наводя ужас на врагов.

В пятнадцатом тексте Книги Малого Бога - она маленького роста, сильна, с волосами до самой земли.

А в поэме «Восстание Муравьев», написанной приблизительно 320 поколений назад, Невеста Лянь – это все войско.

Существовал еще один источник, фрагмент которого я обнаружил в архиве Хун-Тонга в дни своей молодости. В нем Наместник Тан обращается к кукле, которая была похожа на Невесту Лянь.

К сожалению, фрагмент слишком мал:

«Ты рядом сидишь и молчишь,

а я по всей земле ищу тебя».

(Учитель Сё «История Хун-Тонга и…»)

«Я бы и сам выбрался!» - громко сказал Маленький Тунь. – «Но ты вытащил меня из Аллигатора А! И я твой должник!»

Палатка Слепого Борца Мо находилась рядом с моей, и я слышал каждое слово.

«Что ты кричишь? Я слепой, а не глухой», - ответил Слепой Борец Мо.

«Да, да», - сказал Маленький Тунь. – «Так вот», - сказал еще громче, - «я решил отказаться от Женщины-Пальмы! Уступаю ее тебе».

Маленький Тунь волновался.

Молчание длилось долго.

«А что у тебя с ней было?» - наконец спросил Слепой Борец Мо.

«Ничего».

«Маленький Тунь, ты ей, наверное, по колено», - сказал Мо.

«Выше колена на два пальца. А ты ниже ее на три головы».

«Ну, тогда», - Слепой Борец Мо, продолжил не сразу. Может быть, не сразу нашел нужное слово, - «спасибо».

Наверное, не следует записывать подслушанные разговоры. Но откуда я знаю, что следует?

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Допрос №18.

Следователь И: Старьевщик Пак, что же это ты? Тоже заговорщик?

Старьевщик Пак: Нет.

Следователь И: Заговорщик Мин У все рассказал. И про тебя, и про твоих лишних жен, и про зашифрованные штаны.

Старьевщик Пак: Про каких лишних жен?

Следователь И: Сколько у тебя жен?

Старьевщик Пак: Одна.

Следователь И: Мин У говорит, что семь. Шесть лишних.

Старьевщик Пак: Вот предатель.

Следователь И: Зачем тебе столько?

Старьевщик Пак: Давайте лучше про зашифрованные штаны поговорим.

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

640 поколений назад была создана механическая нога. Она пиналась, бегала по городу, топала и мешала людям спать. Этой ногой в Хун-Тонге до сих пор пугают непослушных детей.

590 п.н. - была создана кукла-наместник. Кукла умела сидеть и надувать щеки.

580 п.н. - кукла-повстанец. Она размахивала руками и издавала громкие звуки.

450 п.н. – кукла научилась подметать улицы.

430 п.н. – кукла обрела совершенство движений.

395 п.н. – кукла поет песни.

140 п.н. – гигантская кукла глотает людей и катает их в своем желудке. Люди жалуются, что из куклы потом неловко выбираться.

110 п.н. – кукла поднялась в небо.

90 п.н. – кукла-женщина умеет выворачиваться наизнанку и становится мужчиной.

5 п.н. – создана маленькая механическая нога.

(Мастер Ти «Сборник механических чудес».)

Мастер Ти служил стряпчим в адвокатской конторе мсье Дюшлена, которая располагалась на другом конце города на улице Спящего Судьи. Мсье Дюшлен был одним из немногих иностранцев в Хун-Тонге. Язык Хун-Тонга он знал плохо, а законы не знал вовсе. Потому услуги его были очень дороги.

За один процесс он мог заработать пять, а то и семь яиц Священной Птицы Ки.

Яйца Птицы были так хороши, что их вставляли в оправу местные ювелиры.

Мастер Ти делал самую изысканную оправу для яиц Птицы Ки.

Через месяц птенцы вылуплялись и, вылетая из украшений, разноцветным облаком кружили вокруг головы мсье Дюшлена, принимая ее за мать.

Они были так малы и так легки, что сразу умели летать, и это уже было чудом.

Мсье Дюшлен любил все яркое и чудесное.

Встречая на улице мсье Дюшлена, окутанного облаком Священных Птиц Ки, городские модницы улыбались. Ведь это было женское украшение.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Запах гари и дерьма.

Кто уберет за нами?

Сегодня прошелся по окрестностям Ти-Тунга.

Бои были жаркими.

Вызываю полковой оркестр. Пусть поработает.

Полковой оркестр на время боевых действий становится похоронной командой.

По уставу.

Играть у них все равно получается хуже, чем хоронить.

Каждый старается взять ноту погромче.

Если бы я не сломил боевой дух Ти-Тунга, его бы добила эта музыка.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

С улицы Повешенного Ученика я вышел на улицу Светлой Ночи.

В Хун-Тонге все дороги ведут к Храму Малого Бога. Может быть поэтому в центр попасть легче чем на окраину.

Мне надо было пройти весь Хун-Тонг. Адвокатская Контора мсье Дюшлена находилась на противоположной стороне города.

Вечер.

Солнце жгло пятки.

Клоун Дэн Ду Мин взялся проводить меня почти до самого Храма. Он шел к женщинам в Переулок Веселых Фонарей.

Без грима лицо его казалось голым, незащищенным, смешным.

«Вот увидишь, я прав», - говорил Дэн Ду Мин. – «Танцовщица Ли – кукла. Очень, очень хорошая. Мастер Ти – это Мастер Ти». - Дэн Ду Мин помолчал и добавил. - «Если он, конечно, станет с тобой разговаривать».

«Танцовщица Ли слишком хороша для куклы».

«Чем же куклы отличаются от людей?»

«Наверное, кукла не чувствует пустоту внутри себя».

«А человек чувствует?» - Клоун Дэн Ду Мин засмеялся.

Мне стало неловко. Наверное, сказал глупость.

Звон колокольчиков в булочных напоминал о свежевыпеченных лепешках.

Торговцы рисом стучали чашками.

Гремели детскими погремушками торговцы цукатами.

Сладкий гул над Хун-Тонгом.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

«Красота – совершенство глупости».

«Наш бог настолько мал, что в него мало кто верит».

«Что может быть важнее муравьев в голове?»

«Играть в куклы и писать книги - больше мы ничего не умеем».

«Не все ли равно беден ты или богат, когда хочешь невозможного?»

«Даже если желание сильнее тебя, никогда не показывай, что солнце жжет тебе пятки».

(«Великий Учитель №3».)

Допрос №19.

Следователь И: Это еще что за цирк? Что за книжечка?

Заговорщик Ни: Афроизмы.

Следователь И (поправляет): Афоризмы. Зачем тебе столько книг? Вся ж комната завалена.

Заговорщик Ни: Хорошие афроизмы.

Следователь И: Ты читать-то умеешь?

Молчание.

Следователь И: Ну, давай я тебе почитаю. Так. Например: «Восстание муравьев не закончено».

Заговорщик Ни: Да?

Следователь И: Ты знаешь, когда было Восстание Муравьев?

Заговорщик Ни (пожимая плечами): Ну-у…

Следователь И: Вот еще: «Каждый бедняк равен богачу, когда ему нечего делать».

Заговорщик Ни: Хорошие афроизмы.

Следователь И: Ну, «Великий учитель» – ладно. Но почему №3? Куда делись первые два, хм, учителя?

Заговорщик Ни пожимает плечами.

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Дверь скрипнула и отворилась.

В доме Мастера Ти было темно.

Из темноты на меня смотрело белое лицо.

«Ты кккто?» - заикаясь, спросило оно. Лицо висело на стене, словно маска.

«Я пришел к Мастеру Ти. Сторож в конторе мсье Дюшлена назвал этот адрес».

«Тыыы хооочешь его обооокрасть?»

«Нет».

«Жаль». - Лицо перешло на шепот. - «Мммммммне всегда хотттелось пооосмотреть, что у него в дальних ккккккккк…» - последнее слово никак не удавалось выговорить. Лицо скорчило гримасу и, наконец, произнесло, - «…комнатах».

«Мастер Ти дома?»

«В ппподвале». - Лицо показало глазами, куда надо идти. – «Но я бы на твоем месте туда не ххххххходил». - И еще тише добавило, - «Тттттут странные вещи творятся».

Ступеньки в подвал не скрипели.

Я не слышал собственных шагов.

Где-то в оконное стекло билась ночная бабочка.

На улице перекрикивались сторожа.

Пьяный Че Ле Кук просил, чтобы его подняли с земли. Ему уже надоело смотреть на звезды.

За дверью горел свет.

Свет яркий. Я зажмурился и не сразу смог разглядеть лежащее на столе безголовое тело.

Испугаться не успел - от удара потерял сознание.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Каждый мастер в своей кукле совершенствует то, что ему не дается.

Голос, движение, взгляд.

Настоящая удача, если за жизнь выйдет хотя бы одна настоящая кукла.

Хорошую куклу от человека можно отличить по сухому блеску в уголках глаз, по корням волос, луковицы которых имеют более гладкую форму, по иной форме зубов мудрости.

(Мастер Ти «Сборник механических чудес».)

«Конечно, я видел Танцовщицу Ли и даже разговаривал с ней». - Мастер Ти вздохнул. – «Если она и кукла, то не моя».

В своем черном кожаном фартуке Мастер Ти больше походил на мясника, чем на мастера.

Широкое лицо, широкие плечи. Толстые пальцы.

На моем темени лежала холодная тряпка.

«Тогда чья же?»

Мастер Ти внимательно посмотрел на меня:

«Значит, есть мастер получше».

Некоторое время мы молчали.

«Давайте-ка я еще раз погляжу вашу шишку». - Мастер Ти уверенно взял меня за голову, притянул к себе – «Хм. Крепкая голова. И удар не плох. Есть еще сила в руках. Есть. Надо было сразу громко меня позвать. Лицо у входной двери совсем отбилось от рук. А раньше, кто бы ни пришел, кричало – воры, воры».

«Тут было тело?» - спросил я.

«Где?» - Мастер Ти оглянулся. Его руки крепче сжали мою голову.

«На столе».

Стол посреди подвала был пуст.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Даже если ты ничего не делаешь, все равно найдется тот, кто делает это лучше.

(«Великий Учитель №3».)

«Ннну что? Ккак ттам?» – спросило меня лицо, когда я выходил из дома Мастера Ти.

Я пожал плечами - не знал, что сказать.

«Сммотри! В следующий раз не ппущу!» - крикнуло лицо мне вслед.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Многие мастера кукол в Хун-Тонге старались скрыть свое истинное занятие.

Сапожник, торговец цукатами, охотник за яйцами Священной Птицы Ки, крысовод, даже наместник – каждый мог оказаться мастером кукол.

Куклы должны быть незаметны.

Неотличимы.

Их создание и воспитание требует времени.

Одни мастера открываются, достигнув своего предела, другие так и остаются неизвестны. И это - лучшие.

Многие ученики спрашивают меня – почему Мастер Лянь не взял денег Наместника Тана за то, что отучил плеваться свою куклу, похожую на Невесту Лянь?

«А сколько стоит дело всей жизни?» – отвечаю я вопросом на вопрос. – «Сколько стоит понимание того, что лучшего тебе уже не создать?»

(Учитель Сё «История Хун-Тонга и…»)

Ночной Хун-Тонг прячется в свет бумажных фонариков.

Уже перестал звать на помощь, нежелавший смотреть на звезды, Пьяный Че Ле Кук.

Он так и заснул посреди улицы.

Кто-то заботливо перевернул его лицом к земле.

Угомонились сторожа.

Закрыты ставни.

Тишина.

Говорят, в такие ночи можно услышать скрип плывущих над Хун-Тонгом небес.

На улице Бегущей Черепахи меня остановила чья-то рука.

Фонарики здесь были потушены.

«Тссссс», - прошептал кто-то.

Голос мне показался знакомым.

«Куда идешь?» – спросил голос.

«Домой. Я живу в цирке Господина Хвана».

«Постой, постой - Циркач Пу?»

Теперь я узнал говорившего и с облегчением улыбнулся.

Мне не хотелось сегодня еще раз получить по голове.

Это был Следователь И.

«Ты тут у стеночки подожди, и не шуми. Хорошо?» - сказал Следователь И, доставая пистолет.

Рядом с ним стояло еще пять человек из полиции Хун-Тонга.

«Значит так», - Следователь И обернулся к полицейским. – «Окна. Дверь. Выход из подвала. Потом – по моей команде».

Фигуры полицейских будто провалились сквозь землю.

Стало еще тише.

И вдруг - крики, выстрелы, мятущийся сквозь щели в ставнях свет.

И опять тишина.

«Печатник Фан!» – услышал я громкий голос, - «Это же я - Следователь И!»

Тишина.

«Ты же ждал нас, Печатник Фан?! Сколько ночей?!»

Тишина.

«Вот ты будешь сейчас бегать от окна к окну Зайцем Цзю, отстреливаться!» - спокойно и громко продолжал Следователь И. – «И что? В лучшем случае - сопротивление при аресте. В худшем. Пожар в доме, сгорит твой «Великий Учитель №3», да и тебе не жить».

Тишина.

«Печатник Фан, ты слышишь меня?! Какой из афоризмов «Великого учителя №3» заставит тебя вот так умереть?!»

Тишина длилась долго. Висела. Сгущалась.

Скрип двери.

Топот ног.

Мимо меня полицейский провел маленького толстого человечка в домашнем халате.

Остальные полицейские несли за ним забитые доверху мешки с маленькими книжицами.

Одна из них упала к моим ногам.

Книгу поднял Следователь И.

«Сколько шума мы здесь устроили из-за книг», - улыбнулся он, - «Ты уж нас извини».

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Зрители опять были недовольны Клоуном Дэн Ду Мином. Он прятался от них на заднем дворе.

«Почему они не смеются надо мной?» – спросил Дэн Ду Мин, вынимая изо рта выбитый зуб. – «Женщины в переулке Веселых Фонарей смеются. А зрители - нет».

«Может потому, что зрители едят?» - сказал Маленький Тунь.

«А тут вдруг ты, да еще с дерьмом», - добавил Барабанщик Сон.

«Так в этом и смех. Они едят, а тут вдруг я. Вам не смешно?»

«Нет», - сказал Маленький Тунь.

«Нет», - сказал Барабанщик Сон.

«Нет», - сказал Слепой Борец Мо.

«Два поколения назад жил Клоун Чук Чук», - сказал Дэн Ду Мин, – «Он ел козий помет, и все смеялись. А козий помет все-таки, вкуснее коровьих лепешек».

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Сегодня поймали повстанца, который был подослан меня убить. Он был в форме покойного Майора Лоу. В этом мундире майора похоронили месяц назад. А мальчишка-повстанец даже дыру от пули не удосужился залатать.

Терпеть не могу маскарад.

У повстанца отобрали нож и ядовитые курительные палочки.

«Сколько тебе лет?»

Повстанец заплакал.

На вид ему было семнадцать.

Я приказал раздеть его донага и выгнать из Ти-Тунга.

Пусть думает об одежде и еде.

Нет смысла убивать тех, кто не умеет убивать.

Отослал ординарца со своим парадным мундиром к раскопанной могиле Майора Лоу.

Вряд ли повстанцам понадобится форма генерала.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

«Странно», - сказала Гадалка Цай, - «Следователь И должен был задержать тебя той ночью. Я видела это».

Разговаривая со мной, Гадалка Цай строила домик из Карт Семи Змей.

«Почему?» - спросил я.

«Ты оказался слишком близко к дому Печатника Фана. Следователь И должен понять - случайно ли это. Теперь он захочет поговорить с тобой о «Великом Учителе №3».

«О книге?»

«Одни книги располагают читателя к мыслям и созерцанию, другие - к действию, рассказу о себе и своих близких». – Глядя на домик, Гадалка Цай почесала нос. – «Иногда».

«Значит, ты видишь не все и не всегда?» – удивился я.

«Стараюсь. Если видишь все – то уже нельзя увидеть ничего. Ничего нового. Никогда. Разве это жизнь? Дай руку».

Веснушки на руках Гадалки Цай.

Горячие ладони.

Жар охватил меня.

Я увидел голую землю. Бредущих от горизонта до горизонта древних воинов. Их грязные злые лица и битые хитиновые доспехи.

Я увидел Танцовщицу Ли, танцующую на шарах пламени, которые выдувал для нее Огненный Человек.

Увидел входящего, в только что отстроенный храм, Наместника Э. Он был стар, но в глазах его жила надежда.

Мастер Ти, вытирая красные ладони о черный кожаный фартук, склонился над безголовым телом. Я увидел досаду в его глазах.

Я увидел Генерала Хо в старом поношенном мундире с опаленной дырой у самого сердца. Мундир был ему мал. Генерал Хо шел вдоль реки, путаясь в травах.

Слепой Борец Мо сидел в тюремной яме.

Подставлял улыбку и закрытые глаза падающим с неба каплям.

Я увидел двух кукол, которые, словно деревья, прорастали друг в друга и кричали от боли и любви.

Я увидел, как цирк разлетелся в щепки, вместе с землей поднялся в небо, будто от резкого злого движения Танцовщицы Ли.

Ее лицо приблизилось. Я испугался и открыл глаза.

Карточный домик рухнул.

«Что ты видел, я знаю», - сказала Гадалка Цай, - «Скажи мне, что ты понял?»

Я ответил не сразу:

«Ничего».

Гадалка Цай не ждала другого ответа.

Она встала на цыпочки, поцеловала меня в губы.

«Иди».

«Я не видел себя».

«Иди».

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Допрос №20.

Печатник Фан: В детстве я мечтал продавать книжки, но печатать их интереснее.

Следователь И: Писать не пробовали?

Печатник Фан: Пробовал. Ощущение, будто у тебя внутри библиотека из всего, что ты прочитал. А где-то там, на дальней полочке стоит твоя книга.

Следователь И: И вы ее видите?

Печатник Фан: Почти.

Следователь И: Какая она?

Печатник Фан: Я же на допросе. А вы про книги.

Следователь И: Зря иронизируете. Мне это действительно интересно.

Печатник Фан: Чтобы утолить подобный интерес, меня не надо было сажать в тюрьму.

Следователь И: Поколение назад Следователь Цой посадил в тюрьму собственную жену. Хотел узнать ее поближе.

Печатник Фан: И как? Узнал?

Следователь И: Нет. Она убежала с надзирателем.

Печатник Фан (улыбается): Вы это сейчас придумали.

Следователь И: Придумывать у меня получается хуже, чем узнавать.

Печатник Фан: Я вряд ли помогу вам.

Следователь И: Может и так. Впрочем, всегда найдутся люди, которые расскажут все. Обычно сразу видно кто и чего боится, кто и когда начнет говорить.

Печатник Фан: И что же видно сейчас?

Следователь И: Вы же на допросе. Не я.

Молчание.

Следователь И: Скажите, знакомы ли вам некие Мин У, Ни, Старьевщик Пак?

Печатник Фан: Нет.

Следователь И: Циркач Пу?

Печатник Фан: Кто это?

Следователь И: Спасибо.

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Ночью Маленький Тунь помог найти Слепому Борцу Мо спящую на заднем дворе Женщину-Пальму.

«Да что ж это такое?!!» – кричала Женщина-Пальма. – «Да что ж это такое?!!»

Убегая от нее, Слепой Борец Мо, натыкался на палатки, опрокидывал их, срывал с места, тянул за собой.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Восставшие Муравьи вошли в Хун-Тонг, стали поедать его.

Хруст над городом становился все сильнее.

Но улицы Хун-Тонга дробили ряды повстанцев. И на каждой улице, в каждом переулке их встречали хорошо обученные воины Наместника Тана.

То, с чем нельзя справиться в поле, гибло в городе.

В «Летописи Теней» сказано, что Мастер Лянь был убит во время этого сражения.

В пятнадцатой Книге Малого Бога сказано: «Невеста Лянь вернулась к отцу и закрыла его от мира своими волосами».

(Учитель Сё «История Хун-Тонга и…»)

Наказание Восставших Муравьев состоялась на одной из площадей Хун-Тонга.

Муравьям отрубали обе ноги выше колен.

В Летописи Теней рассказывается про безымянного палача, который в тот день отрубил двадцать одну тысячу триста сорок шесть ног.

Некоторые Муравьи не выдержали боли.

Некоторые истекли кровью.

Многие остались живы.

Наместник Тан рассудил, что человек без ног не будет бунтовать. Становясь меньше, он обращается взором внутрь своей души, взращивая в себе философа или пьяницу.

«Философы бесполезны». – сказал Наместник Тан. – «Пьяницы приносят казне выгоду».

Среди прочих были обезножены и несколько кукол-повстанцев. Их механические ноги еще долго бегали по городу.

С тех пор лишение ног заменило в Хун-Тонге смертную казнь, а место наказания получило имя - Площадь Лишних Ног.

Я уже писал, что Невеста Лянь была пленена, но бежала из темницы.

Наместник Тан не успел ни поговорить с ней, ни поглядеть на нее.

В шестнадцатой Книге Малого Бога сказано, что она, скрываясь под маской безымянного палача, сама отрубала ноги повстанцам, поддерживая их дух.

(Учитель Сё «История Хун-Тонга и…»)

На следующий день после казни кто-то пробрался в покои Наместника Тана и украл глаза куклы Невесты Лянь.

(Учитель Сё «История Хун-Тонга и…»)

Армия Генерала Хо непобедима.

Она замерла в ожидании моей команды. Ровные ряды. Идеальный строй.

Тысячелетия прошли, прежде чем люди научились выстраивать из себя ровные геометрические фигуры.

Это цивилизация.

Я слышу, как отдаю приказ.

Я вижу, как солдаты чеканят первый шаг, как они держат равнение на меня.

Но это не я.

Может это Майор Лоу в моем мундире встал из могилы?

Я не сразу заметил свое отсутствие.

Все началось с губ Подполковника Ту. Он все время облизывал губы, стоя рядом со мной во время штабных учений. Я запретил ему облизывать губы. Но он продолжал облизывать губы.

Ординарец Хинь никогда не смотрит мне в глаза.

Штабные офицеры никогда не занимают мое кресло. Оно всегда пусто.

Даже пуля ни разу не нашла меня.

Вот почему плакал повстанец.

Он понял, что меня невозможно убить.

Я давно заметил, что армия не следует моему приказу. Что ей важна его сила, а не смысл.

«Раздайте слонам петарды!» И полки совершают нужный маневр.

Нет слонов, нет петард. Нет меня.

Мне кажется, что тогда в детстве я заблудился в отражениях Женщины-Зеркала.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

«Уюююююююююааа», – сладко, до скрипа в барабане, потянулся Барабанщик Сон, - «А в Хун-Тонге неспокойно».

«Торговцы цветными пончиками куда-то делись», - кивнул Укротитель Пиявок Фу.

«Торговцы цветными пончиками чувствуют неладное лучше кошек», - вставил Маленький Тунь.

«И женщин в переулке Веселых Фонарей стало меньше», - Клоун Дэн Ду Мин загрустил.

«Люди чувствуют то, что будет, и перестают радоваться тому, что есть», - сказал Барабанщик Сон.

Он любил, когда из его слов рождалась тишина. Поэтому все помолчали из вежливости.

Ночь.

Господин Хван обходил цирк и тушил фонарики.

В своей палатке шумно вздыхал и ворочался Слепой Борец Мо.

Женщина-Пальма прошла мимо, держа на плече сплетенные из травы циновки. Она показала Маленькому Туню кулак и отправилась спать в дальний конец двора.

«Как нахлынет», - сказал вдруг Укротитель Пиявок Фу. – «И разнесет Хун-Тонг в щепки».

«А ты, Пу, так ничего и не узнал у Мастера Ти?» - повернулся ко мне Барабанщик Сон.

Все посмотрели на меня.

Во взглядах пряталось любопытство.

«Как ты вообще жив остался?» – заморгал Маленький Тунь. – «Говорят, Мастер Ти убил своего хозяина - Мсье Дюшлена. Голову ему цырик – и, того - отрезал».

«Всем иногда крови хочется», - вздохнул Фу и опустил руку в банку с пиявками.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Даже пиявки делятся на своих и чужих.

(«Великий Учитель №3».)

Допрос №21.

Лицо: Зззря ттты меня зззавернул.

Следователь И: А как мне тебя по Хун-Тонгу нести? Ты даже из свертка кричал. За палец меня укусил.

Лицо: Пппбумага в рот лезла. Уулицу ххотел посмотреть.

Следователь И: Расскажи мне про тот вечер.

Лицо: Тттты меня глазами к окну поставь.

Следователь И: Потом.

Лицо: А правввва, что повстанцы в кккгороде?

Следователь И: Я тебя сейчас в темный шкаф положу на всю жизнь.

Лицо: Ик. Ой.

Следователь И: Где тело?

Лицо: Уууу меня его и нннне было никогда.

Следователь И: Тело адвоката Дюшлена.

Лицо: Нне ззнаю… Мастер Ти ххходил с ним по дому туда-сюда. На ппплееееЕече носил.

Следователь И: А голову ты видел?

Лицо: Видел. Она мне улыбнуллась. А вввокруг нее летали эти. Кккак их?

Следователь И: Птенцы Священной Птицы Ки?

Лицо: Да.

Следователь И: Она тебе что-нибудь сказала?

Лицо: Кккто? Кккголова? Гы. Как ооотрезанная голова ммможет говорить?

Следователь И: В доме адвоката Дюшлена я нашел несколько одинаковых книжечек. Ты видел такую?

Лицо: «Фффвеликий учччччитель Нннномер3»? Нннет. Дддай почитать.

Молчание.

Лицо: Ккккговорят, в тюрьме Хун-Тонга те еще порядки. Ик.

Следователь И: Что ты можешь сказать о Циркаче Пу?

Лицо: Эттто ттттттот, ччччто приходил к Мастеру Ти? Ик. Ой. Оччччеень сссссскрытный молодой человек.

Следователь И: Еще кто-нибудь из цирка приходил к Мастеру Ти?

Лицо: Ннет.

Следователь И: Все рассказал?

Лицо: Ик… Мееееееееее Мееееее Ммммененння посаадддддят?

Следователь И: На что?

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Существует поверие, что нашедший глаза, похищенные у куклы Невесты Лянь, узнает ее тайну, излечит душу и обретет покой созерцания.

Я бы не стал верить всему, чему принято верить в Хун-Тонге.

Жители города хранят на счастье в своих домах останки старинных кукол. Кисти рук, носы, зубы, уши, волосы, даже ноги, хотя они в Хун-Тонге - символ шума и безобразия.

Мало в Хун-Тонге найдется домов, где нет глаз куклы Невесты Лянь, купленных на утреннем рынке за пол ся.

Во время Праздника Похищенных Глаз на Площади Лишних Ног собираются жители и мастерят из принесенных частей подобие куклы в надежде, что она оживет. Варварский, но привычный обычай.

Думаю, глаза куклы Невесты Лянь, со временем, попали в руки одного из мастеров. Редкий алмаз всегда попадает в руки ювелира.

Что бы сделал я, если бы глаза куклы Невесты Лянь оказались у меня?

Я бы узнал ее тайну, излечил душу, обрел покой созерцания.

(Мастер Ти «Сборник механических чудес».)

Двадцать пять дней солдаты обыскивали Хун-Тонг.

Глаза куклы Невесты Лянь так и не были найдены.

Кукла все так же сидела и вздыхала, прикованная золотой цепочкой к нефритовой кушетке. Но теперь веки ее были закрыты.

Наместник Тан распорядился выставить охрану вокруг ее покоев.

Все свое время он проводил рядом с ней.

Приносил ей украшения с Птенцами Священной Птицы Ки.

Птенцы кружили вокруг головы куклы, закрывая ее лицо легким цветным облаком.

И тогда она грустно улыбалась.

На исходе двадцать шестого дня исчезла левая кисть куклы.

(Учитель Сё «История Хун-Тонга и…»)

Наместник Тан считается первым, кто использовал птенцов Священной Птицы Ки как украшение.

(Мастер Ти «Сборник механических чудес».)

Священные Птицы Ки живут только в лабиринтах Храма Малого Бога.

В Летописи Теней говорится, что облачка птенцов Священной Птицы Ки над входом в Храм появились ровно через месяц после исчезновения его строителя - Наместника Э. Считается, что это ожили потерянные им воспоминания.

Учителя Хун-Тонга находят оправдание строительству Храма Малого Бога в беспамятстве Наместника Э. Учитель Сэюмо в «Учебнике реальных сил Сэюмо» (320 п.н.) пишет: «Слушайте меня. Сэюмо верно говорит. Если Наместник Э из всей жизни своей запомнил лишь муравейник, где бы он стал искать свою память? Построить муравейник, войти в него и обрести то, что потерял. Так задумал Наместник Э».

Некоторые модницы Хун-Тонга говорят, что сквозь цветные облака птенцов видны осколки жизни других людей.

Доктор Джи полагает, что эти видения иногда вызывают глубокий обморок.

В книге Писателя Лао «Цветные облака» собраны свидетельства этих видений. Но ее можно считать, скорее, литературным курьезом, нежели серьезным научным трудом.

Профессия охотника за яйцами Священной Птицы Ки самая опасная в Хун-Тонге. Многие охотники не возвращаются из лабиринтов Храма. Иногда они собираются в толпы и обходят Храм, крича и ругаясь. Они больше не хотят умирать. Но им никто не отвечает.

Птенцы Священной Птицы Ки покидают модниц и возвращаются в Храм через пять дней. Взрослых Священных Птиц Ки не видели даже охотники.

Существует ли реальная польза от птенцов Священной Птицы Ки?

Танцовщица Ли научилась танцевать с разноцветными облаками и даже ступать по ним. Я видел этот танец. Один из просвещенных зрителей сказал мне, что вся история с Наместником Э, его ожившей памятью и цветными облаками хороша лишь тогда, когда есть Танцовщица Ли.

И я не нашелся, что ответить.

(Учитель Сё «История Хун-Тонга и…»)

Пижама душевнобольного не похожа на мундир генерала, но и ее надо носить с честью.

Мы с Доктором Джи сидим на скамье в парке.

Это парк привилегированной лечебницы Ти-Тунга.

«У вас есть какие-нибудь просьбы, Генерал?»

«Верните мне мундир майора Лоу».

Солнечные Зайчики Ю Пэ от очков Доктора Джи успокаивают.

«Вас все еще нет?» - спрашивает Доктор Джи.

«Я есть».

Доктор Джи благосклонно улыбается. От улыбки его лицо теряет черты.

«Я есть там. Но не здесь».

Доктор Джи мрачнеет. У меня никогда не было желания его радовать.

«Моя армия заняла Ти-Тунг. Кто ею командует? Скажите мне, Доктор Джи». - В лечебнице я никогда не повышаю голос.

Зачем?

«Давайте посмотрим, что вы написали сегодня», - Доктор Джи берет листки из моих рук.

Он поднимает очки, щурит глаза.

Я улыбаюсь.

«Почему вы всегда улыбаетесь, когда я читаю вашу рукопись?» - не поднимая головы, спрашивает Доктор Джи.

«Вы мой читатель. Согласитесь, это забавно».

«У хороших текстов есть одна странная особенность, они всегда представляют автора больным», - в ответ улыбнулся Доктор Джи.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

Человека интересует бесполезное. То, что кажется выше его понимания. И это он называет своими цветными облаками.

(«Великий Учитель №3».)

Ночь. Мы сидели над черной гладью пруда.

«Что ты хочешь узнать обо мне?» - спросила Танцовщица Ли.

Я отвел взгляд.

«Все».

«Что можно узнать про руку, кроме того, что она рука?»

Танцовщица Ли освободила руку из просторного рукава, провела ею по воздуху.

Над прудом замерли ночные Бабочки Синь. Из глубины посмотрели утонувшие рыбы.

Танцовщица Ли улыбнулась.

Она позволила себе немного кокетства.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Допрос №22.

Следователь И: Вы знали адвоката Дюшлена?

Печатник Фан: За что его убили?

Следователь И: В этом я тоже пытаюсь разобраться. Вы дали ему «Великого Учителя №3»?

Печатник Фан: Да.

Следователь И: Он был вашим распространителем?

Печатник Фан: Нет.

Следователь И: Сколько всего у вас распространителей?

Молчание.

Следователь И: Почему у адвоката было обнаружено семь экземпляров?

Печатник Фан: Он хотел читать несколько страниц сразу.

Следователь И: Зачем?

Печатник Фан: Не знаю.

Следователь И: Вы обсуждали с ним книгу?

Печатник Фан: В последнее время он больше задумывался, чем говорил. Он и раньше говорил с трудом. Хун-тонгское наречие ему не давалось.

Следователь И: Что вы можете сказать об издателе?

Печатник Фан: О каком издателе?

Следователь И: О том, кто заказал вам печать «Великого Учителя №3»

Печатник Фан: Никто не заказывал.

Следователь И: А писал кто?

Молчание.

Следователь И: Стало быть, вы сами?

Печатник Фан: Сам.

Следователь И: Раньше вы утверждали, что не пишете.

Молчание.

Следователь И: Дорогой Печатник Фан, есть вещи, разгадке которых можно посвятить жизнь. Тайны кукол, искусство Танцовщицы Ли, страшные сказки про утиный пух. В себе порой очень трудно разобраться. Но это не тот случай. В городе всего два издателя. И один из них – ваш друг.

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Неделю никто не хотел бороться со Слепым Борцом Мо.

Хромой Лю исчез.

Ушел, не сказав никому ни слова.

Слепой Борец Мо пробовал вытаскивать из первых рядов любого, до кого дотянутся руки. Но пойманные зрители визжали, будто их режут, лягались, разбрасывали принесенное с собой печенье.

Лишь одного зрителя Слепой Борец Мо смог бросить через арену.

Это был Старый Судья Нунь.

Он обещал лично посадить Мо в тюрьму, как только поправится.

Маленький Тунь хотел помочь Мо, но, пролетев над публикой, и пробив три стены, передумал.

«Борец, с которым никто не хочет бороться, клоун, который сожрал в округе все коровье дерьмо, упрямый Тунь и голодный Аллигатор А», - Господин Хван загибал пальцы. Мокрые от рисовой водки бутафорские усы его повисли, обняв подбородок. – «Скоро вы меня пустите по миру. Может быть, вы уже пустили меня по миру?»

«Надо продавать зрителям больше еды», - посоветовал Барабанщик Сон.

Господин Хван так посмотрел на Барабанщика Сона, что тот спрятался поглубже в свой барабан.

«Тогда это будет уже не цирк, а Улица Сладких Лепешек!»

Долгое молчание повисло над Господином Хваном.

«Некрасивые вы», - наконец сказал он, громко высморкался в рукав, устало махнул рукой. – «Пойду фонарики тушить».

«Все наладится», - сказала Гадалка Цай.

«И что для этого нужно?» - спросил Господин Хван.

Гадалка Цай пожала плечами:

«Ничего».

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

«Что вы скажете на это, Писатель Лао?» - спрашивает Госпожа Нунь.

«Я восхищен, - отвечаю я. - Вы видели все очень подробно».

Госпожа Нунь - приветливая молодая женщина. Милая хохотушка. Говоря о странном, она прикрывает рот ладошкой, будто боится, что я увижу слетающие с ее губ слова.

Рассказ Госпожи Нунь показался мне весьма интересным:

«Мой муж Старый Судья Нунь не любит, когда меня долго нет дома. Поэтому я торопилась.

Я шла к матери. Несла шкатулку с мазью Трех Трав. Она отбивает запах лишних желаний.

И вдруг такое.

Цветное облачко исчезло.

Я еще успела подумать, что ювелир подсунул мне ненастоящих птенцов Священной Птицы Ки.

И тут я понимаю, что иду по улице, на которой никогда не была.

Убогие дома.

Кое-как залатанные дыры в стенах.

Неряшливо одетые женщины.

Я увидела пробитые во многих местах хитиновые доспехи воинов. Такие приносил на урок Учитель Сё, когда рассказывал о Восстании Муравьев.

Доспехи висели на торчащих из окон палках.

Мимо меня проскакала грязная механическая нога. Голая…

Мальчишки бежали за ней.

Кидали в нее сухими комочками глины.

Все это выглядело очень… неприлично.

Я шла к дому, который был велик, и может быть поэтому, еще более уродлив и грязен.

И я была мужчиной.

От моей одежды несло Едким Чесноком Тни.

Воин с мечом наголо открыл передо мной дверь.

Высокий человек подошел ко мне.

Его халат. По синему полю золотые муравьи. Эта была первая вещь, которая мне здесь понравилась.

«Правая Рука Наместника Тана», - представился человек.

Я, наверное, улыбнулась. В школе нам рассказывали, что в древности помощники Наместника не имели своих имен.

У меня всегда была золотая оценка по истории.

Я поклонилась в ответ.

«Ищейка Цу», - представилась… представился я.

Меня провели по узким коридорам в большую светлую комнату.

Обставлена она была плохо. Наспех.

Так обставить комнату я бы себе никогда не позволила.

Драпировки не соответствовали по цвету. Резная деревянная мебель совсем не гармонировала с кушеткой из нефрита.

На кушетке сидела кукла Невесты Лянь. Я поняла это сразу.

Такой куклы я не видела никогда.

Ее голову почти скрывало цветное облако.

Веки были опущены.

Она улыбалась.

«Посмотрите», - сказал Правая Рука Наместника Тана.

Я подошла… подошел ближе.

Кукла услышала мои шаги, повернула голову, протянула ко мне левую руку, закутанную в легкую материю.

Я смотрела с завистью на ее движения.

Я красива, молода, нравлюсь мужчинам, но такого изящества мне не добиться.

Материя развернулась.

Руке не хватало кисти.

«Сегодня исчезла и левая ступня», - сказал Правая Рука Наместника Тана.

Наверное, мне стало страшно, и я пришла в себя».

(Писатель Лао «Цветные Облака» ч.7 «Видение Госпожи Нунь – супруги Старого Судьи Нуня».)

Многие женщины посещают мою клинику в Ти-Тунге, чтобы рассказать о странных видениях, возникновению которых способствуют украшения из Цветных Облаков.

Собранные мною примеры говорят о том, что вероятность возникновения подобных явлений зависит от степени возбудимости пациентки, ее достатка и температуры воздуха.

Пациентки настаивают, что примеряли на себя осколки чужих жизней.

Последствия видений проходят практически мгновенно.

На моей практике было только семь случаев, когда пациентки какое-то время не могли точно воспринимать реальность.

Я автор метода лечения и профилактики данного заболевания.

Его основа проста:

«Мы не можем видеть то, чего нет.

Мы не можем знать то, чего нет.

Но мы можем записать то, чего нет».

Запись своих иллюзий позволяет пациенту отстраниться от них. Найти им место в своей душе.

В сочетании с вдыханием запахов подгоревшего масла Вонючих Плодов Шуки, регулярным прослушиванием криков уличных торговцев, грубым массажом и строительством беседки мой метод дал прекрасные результаты.

Пациенты полностью примирились с реальностью.

Писатель Лао вероломно воспользовался, записями, сделанными моими подопечными, и издал книжку легкомысленную и вредную.

Теперь пусть кто-нибудь другой лечит его от рисовой водки.

(Доктор Джи «Разумная доля безумия».)

Спящий не знает, где взять кусок хлеба.

(«Великий Учитель №3».)

«Меня зовут Госпожа Нунь».

Я проснулся.

Рядом со мной на скамье сидела женщина. По одежде ее можно было принять за жену одного из старших чиновников.

Покрасневшие глаза.

Собачья улыбка.

Не всем женщинам стоит чернить зубы.

«Генерал Хо?» – спросила она.

«Да».

«О-о-о, значит, я примиряюсь с реальностью». - Женщина попыталась смять свою непослушную улыбку рукой, но у нее ничего не вышло.

«Запах подгоревшего масла Шуки отрезвляет», – вежливо поддержал беседу.

«Да-да. Очень отрезвляет». - Женщина долго кивала.

Я смотрел на нее, а она все кивала…

Такой тишины как здесь, нет нигде.

Можно говорить и все равно будет тишина.

Странное ощущение, будто слово «нет» все время нагоняет тебя.

«Любой человек ищет доказательство своего существования», - сказал мне как-то Доктор Джи. – «И это нельзя назвать болезнью. Болезнь, когда этих доказательств он не находит».

Нужно двигаться.

В моей палате лежит мундир Майора Лоу. Мне нечем залатать дыру на его груди.

Пойду так.

Пора.

На Хун-Тонг.

«Я читала о вашем случае в статье Доктора Джи!» - крикнула женщина мне вслед. – «Он о вас очень хорошо отзывается!»

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

Допрос №23.

Мастер Ти: Конечно же Танцовщица Ли кукла.

Следователь И: Вы так уверенны в этом и так сокрушенно цокаете языком.

Мастер Ти: Я бы хотел быть ее создателем. У нее влажные уголки глаз. Вы видели когда-нибудь поворот ее головы? Точное движение при стольких степенях свободы. А какая чистая речь. Поверьте – в Хун-Тонге живет настоящий мастер.

Следователь И: У адвоката Дюшлена не было влажных уголков глаз?

Молчание.

Мастер Ти: Значит, знаете?

Следователь И: Не все. Оторвать своей кукле голову – поступок довольно варварский.

Молчание.

Мастер Ти: Он сам себе ее оторвал.

Молчание.

Мастер Ти: Я ее ставлю – он отрывает. Ставлю – отрывает.

Следователь И: Почему?

Мастер Ти: Не знаю.

Следователь И: Вы видели в его доме книгу «Великий Учитель №3»?

Мастер Ти: Да. Я даже спросил, зачем ему книга?»

Следователь И: Что же?

Мастер Ти: Сказал, что в ней истории короткие. Читать легко.

Следователь И: Он мог это сам написать? Не удивительно, если после такой книжки, писатель захочет оторвать себе голову.

Мастер Ти: Как вы думаете, почему я его за француза выдавал? Если бы он хотя бы нормально говорил.

Следователь И: Появлялись у него в последнее время новые знакомые?

Мастер Ти: Нет.

Следователь И: Может спрашивал что или вел себя странно?

Мастер Ти: Он нормально себя не вел.

Следователь И: Вам придется представить тело.

Молчание.

Мастер Ти: Я бы не хотел остаться в истории, как мастер куклы, отрывающей себе голову.

Следователь И: В истории или в тюрьме – выбирайте сами.

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Из Храма Малого Бога выйдет не тот, кто носит в себе благородные мысли, не тот, кто дает добрые советы, а тот – кто знает обратную дорогу.

(«Великий Учитель №3».)

В Летописи Теней разрушение куклы Невесты Лянь, называется Уменьшением.

Куклу все время охраняло пять воинов.

Наместник Тан менял ее покои, держал подле себя, прятал, но Уменьшение продолжалось.

Кукла теряла части своего тела и механизма.

Ее будто медленно рвали на мелкие клочки, как лист ненужной рисовой бумаги.

Ни в Летописи Теней ни в Книгах Малого Бога о причинах Уменьшения не сказано ни слова.

Кто, зачем и как разрушал куклу Невесты Лянь до сих пор остается тайной.

В поэме «Восстание Муравьев» говориться, что кукла Невесты Лянь уменьшилась до ногтя, пластинку которого Наместник Тан носил у себя за щекой до конца своих дней.

(Мастер Ти «Сборник механических чудес».)

«Бегают», – с опаской сказал Барабанщик Сон.

«Кто?» - Укротитель Пиявок Фу посмотрел вокруг и ничего не увидел.

«Тени», - сказал Барабанщик Сон. – «Стоит Господину Хвану потушить фонарики, как появляются тени. Второй день вижу».

«Ты же реалист», - улыбнулся Фу. – «Выберись из своего барабана, пойди и посмотри на них».

«Сам посмотри».

«Это полицейские», - сказала Гадалка Цай. – «Их трое. Один скоро уляжется спать за теми кустами. У другого жена вот-вот родит девочку. Третий проклинает свою работу, ревматизм и Следователя И.

«И что же нам делать?» - голос Барабанщика Сона дрогнул.

«Давайте еще выпьем», - ответила Гадалка Цай. – «Может быть, мы выпьем столько, что я, наконец, понравлюсь Циркачу Пу?»

«Ты же должна это знать наверняка», - возразил Фу.

«Кто ж такое разберет?» - сказала Гадалка Цай.

Наверное, это была хорошая шутка.

Но мне от нее стало неловко.

Укротитель Пиявок Фу, и даже Барабанщик Сон засмеялись.

Громче всех смеялась Гадалка Цай.

Тени метнулись прочь.

Растаяли в придорожных кустах.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Прямых указаний на причины Уменьшения нет ни в Летописи Теней ни в Книгах Малого Бога. Но сопоставление этих текстов доказывает, что Наместник Тан искал отгадку.

В Книге Малого Бога он говорит кукле:

«Я прячу твои потери в Цветные Облака, в легкий шелк. Знание – враг мой. Каждый день узнаю что-то новое».

Учитель Сэюмо в «Учебнике реальных сил Сэюмо» трактует последние фразы, только как страх Наместника перед ежедневно растущей немощью куклы. Но разрушение куклы происходило не каждый день. Это подтверждают и сохранившиеся Протоколы Уменьшения, которые вел Правая Рука Наместника Тана.

А в Летописи Теней, когда речь заходит о тайне трех древних танцовщиц Хун-Тонга, мы читаем: «... ибо говорил Наместник Тан – догадка хуже неизвестности».

Трех Танцовщиц и Наместника Тана разделяет 370 поколений. Нет ни одного документа, в котором говорилось бы, что Наместник увлекался столь глубокой древностью. Несомненно, что слова Наместника перенесены на это место в более поздней редакции.

Думаю, что Наместник Тан не просто искал, но и догадывался о причинах происходящего.

Три года назад в архиве Хун-Тонга я нашел записку, которая косвенно подтверждает мою гипотезу:

«Траты Ищейки Цу для Наместника Тана:

Тонкая мука – один ся.

Дикий мед – полтора ся.

Яд Четырех Карликов – двадцать три ся».

(Учитель Сё «История Хун-Тонга и…»)

В день побега из лечебницы Доктора Джи за мной увязался голый человек.

Шел я – шел он.

Останавливался я – останавливался он.

Нас разделяло десять шагов.

Я не сразу узнал в нем того самого повстанца, который когда-то пытался меня убить.

Он не думал об одежде и еде.

Наверное, все это время он бродил вокруг лечебницы.

Ждал.

Похудел, зарос, ослаб.

Может, он еще хотел моей смерти?

Это было бы хорошей шуткой.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

Вечер.

Степь раздувает пламя и сворачивает лист в черную трубочку.

Рукописи лучше всего горят в пустоте поля. Сжигать написанное полезно, как и забывать.

Я сжег несколько листков, чтобы разгорелся костер.

Событие, которое ни о чем мне уже не расскажет.

Моя первая битва при Хун-Тонге.

Тогда я загнал повстанцев в Храм Малого Бога. Говорят, что в его лабиринтах до сих пор слышны крики о помощи.

Смысл войны исчезает быстро. И стареющим ветеранам только и остается верить в то, что так было надо, что они все сделали правильно. Или не верить…

Я разжег костер и кинул повстанцу часть лепешки.

Он лежал на земле все в тех же десяти шагах от меня, глядел в небо, не торопясь ел.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

Смерть ничем не хуже бессмертия. И то и другое нужно заслужить.

(«Великий учитель №3».)

Допрос №24.

Следователь И: Куда же вы так торопились, уважаемый Издатель Гунь?

Издатель Гунь: В Ти-Тунг к Доктору Джи. Он закончил новую рукопись.

Следователь И: Вы отправились к Доктору Джи без багажа и в домашнем халате?

Молчание.

Следователь И: Вы, наверное, хороший рассказчик?

Издатель Гунь: Смеетесь?

Следователь И: Почему же? Печатник Фан вас очень хвалил.

Издатель Гунь: Послушайте, бросьте эти ваши штучки. Я и так все расскажу.

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Степь темнеет.

Земля быстро теряет тепло.

Я иду, пока не перестаю видеть траву под ногами.

Он идет за мной. След в след.

Сегодня мне приятно думать, что за мной идет моя смерть - голая, немытая, заросшая, в коросте и слабости.

Огонь костра - еще несколько исписанных листков.

Я читаю офицерам лекцию о любви. О заболеваниях, которые способны развалить и деморализовать армию.

Горят одни воспоминания – появляются другие.

«Вы были влюблены, Генерал?» - спрашивает после лекции Начальник Связи Капитан Чань.

«Нет», - отвечаю я.

Женщины всегда задают вопросы не по чину.

«Тогда, может быть, вы больны?»

У Капитана Чань мягкие губы и громкое сердце.

Она первая поцеловала меня. На такое у меня не хватило бы мужества.

До Хун-Тонга семь дней пути.

Хочется есть.

Несколько Бабочек Синь и Земляных Червей Го - должно быть достаточно для человека, которого нет.

Когда ветер замирает, я слышу хриплое дыхание.

Моя смерть застудила грудь.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

«Давайте убежим», - вдруг сказал Барабанщик Сон.

«Ночью? Куда?» - Удивился Укротитель Пиявок Фу.

«Нууу», - протянул Барабанщик Сон, раздумывая – «куда-нибудь».

«Там что - лучше?»

«Лучше. Я выучу другой язык. Поступлю в цирк. И буду бить в барабан».

«А сейчас ты что делаешь?»

Сон не ответил.

«А там есть Танцовщица Ли?» - не унимался Фу.

«Глупый разговор у нас получается», - Барабанщик Сон не любил глупых разговоров.

Я подбросил веток в костер.

На моих коленях - книга Учителя Сё. Листы ее покоробились от воды. Начало сгорело.

Фу говорил, что как-то ловил пиявок и упал вместе с ней в пруд, а потом не правильно просушил над огнем. Он рассказывал, что на первых страницах была история трех танцовщиц Хун-Тонга.

Чтобы прочитать начало, я ходил в лавку на улице Повешенного Ученика, но книжки Учителя Сё в ней не оказалось. Лавка была завалена книгами Писателя Лао.

Посреди лавки стоял Писатель Лао.

«В книге обязательно должны соседствовать любовь, фантастика, убийство и немного правды», - благосклонно объяснял он собравшимся вокруг него поклонницам. – «Это кубики, строительный материал для любой истории».

«Откуда же берется тайна?»

«Тайна – это когда читатель не знает, что будет дальше».

«А когда знает?»

«Значит, он писатель».

Поклонницы засмеялись.

Писатель Лао был доволен.

В знак особого расположения, он позволил спросившей о тайне поцеловать его указательный палец, затем важно надул щеки, поднял бровь и стал похож на Клоуна Дэн Ду Мина.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Почтенная Госпожа До известна и уважаема в Хун-Тонге. Ее доброта и щедрость достойны всяческого подражания.

Каждый год в День Повешенного Ученика Госпожа До сама раздает детям сладкие лепешки с запеченными в них добрыми предсказаниями.

Но сегодня Госпожа До вне себя.

«Скажите, Писатель Лао, могу ли я подать в суд, на Мастера Ти?» – спрашивает она. – «Это он изготовил мне украшения из яиц Священной Птицы Ки».

«Причиной вашему видению была не оправа. Его вызывают сами птенцы. И об этом моя будущая книга». - Отвечаю я.

Госпожа До улыбается и протягивает мне цветной пончик: «Что ж... В таком случае, простим Мастера Ти».

Мой совет ценят достойные дамы.

Без сомнения, рассказ Госпожи До интересен и имеет исторические корни:

«Представьте мои руки в муке.

Последний раз мои руки были в муке, когда мы с подружками таскали тесто у нашей кухарки, чтобы лепить Бабочек Синь.

Пятьдесят лет. Тридцать. А, не важно, сколько прошло.

И вдруг я стою и рассыпаю по полу муку.

По всей комнате тонким слоем.

Чихаю.

Комната, похожа на лавку Старьевщика Пака.

Нефритовая кушетка. На ней части куклы. Их будто пытались собрать, как бывает на нашем Празднике Похищенных Глаз.

«Зачем тебе мука, Ищейка Цу?» – спрашивает меня высокий человек в синем халате.

«След», - отвечаю я. – «Тот, кто уменьшает куклу, должен оставлять след».

У меня хриплый голос уличного торговца.

«Поторопитесь», - говорит мне человек, - «сегодня кукла уменьшилась почти наполовину».

«Кто-то узнал о моем приходе и тоже стал торопиться», - отвечаю я.

В это самое время, муж ущипнул меня за бок, и я очнулась. Мы шли с ним смотреть на поединок Кулачного Бойца Чена с шестью рыбаками.

А если бы я упала?»

(Писатель Лао «Цветные Облака» ч.8 «Видение почтенной Госпожи До».)

Не рассказывай о тайном тем, кому доверяешь. Иначе очень скоро они перестанут доверять тебе.

(«Великий учитель №3».)

Сегодня несколько раз бросал в него камни.

Один камень угодил в плечо.

Он вскрикнул, но рукопись не выпустил.

Он украл ее под утро.

У меня всегда был крепкий сон. Капитан Чань говорила, что я могу проспать даже победу.

Я шел на юг к Хун-Тонгу. Теперь иду за голым человеком, который уносит мои записи.

Листы свернуты в трубку и туго перетянуты травяной веревкой.

Я вижу их, вижу его спину серую от земли.

Иду быстрее.

Он идет быстрее.

Не оглядывается. Просто прибавляет шаг.

Он хрипит, кашляет, задыхается.

Откуда у него силы?

Ночь.

Я пытаюсь догнать его во сне.

Древняя хирость воинов Хун-Тонга.

Не проснувшись, не открыв глаз, я рвусь туда, где спит он.

Никого.

Его тень стоит в десяти шагах.

Слышу хруст песчинок под его пятками.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

У меня нет ничего, кроме моих книг и честного имени.

И пусть не думает Доктор Джи, что я оставлю без последствий его обвинения в воровстве. Кража книги такой же абсурд, как кража воздуха или утра.

Скажите мне, можно ли украсть страсть, любовь, память? Представляю, дорогие мои читатели, как вы смеетесь, над этими строчками.

Для того, чтобы написать «Цветные Облака», мною, добросовестно и с почтением, были опрошены сотни уважаемых женщин Хун-Тонга и Ти-Тунга. Они это подтвердят.

Каждая женщина рассказала лишь свое маленькое видение, не зная ни начала, ни конца. По крупицам, по эпизодам я собрал многие истории, ранее не известные.

Жизнь Наместника Э, уменьшение Куклы Невесты Лянь, тайны закулисья Театра Госпожи Фа, воспоминания ловца механических ног, древнее искусство обучения крыс, истории Повешенного Ученика и Попрыгунчика – все это лишь малая часть того, что происходило в Хун-Тонге, что до сих пор наполняет его воздух.

Я лишь приоткрыл завесу тайн, какими бы фантастическими они не казались. А уж ваше дело – что с ними делать дальше.

Если говорить обо мне, то писатель всегда верит тому, что пишет. В противном случае он был бы психиатром.

(Писатель Лао «Цветные Облака». Из предисловия ко второму изданию.)

«Я не умею целоваться».

«Знаю».

Я стоял посреди палатки Гадалки Цай, когда из-за Бабочки Синь погасла свеча.

«Тебе странно?» - спросила она.

«Что?»

«Что ты пришел ко мне».

«Да».

Я слышал, как платье скользит по ее телу, как разошлась по шву разорванная ткань.

Гадалка Цай, шмыгнула носом, как ребенок, подошла ближе.

«Грустно, правда?» - спросила.

«Да», - я притянул ее к себе.

Ей было холодно.

Я чувствовал мурашки на ее коже.

От ее шеи пахло праздничным фейерверком, что устраивают на день Повешенного Ученика.

«Смешно», - сказала она. – «Сейчас ты подумал не обо мне».

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Будут ли беспорядки в Хун-Тонге? События последних дней нам это обещают.

Все чаще на улицах можно встретить людей, скрывающих свой взгляд.

Из оружейных лавок исчезли ножи и отвертки.

Жители больше стали покупать рис и каменную соль.

Говорят, что часть повстанцев из Ти-Тунга перебралась в Хун-Тонг, что вот-вот в городе вспыхнет мятеж, и что армия Генерала Хо уже готова выступить на его подавление.

«Так ли это?» - спросили мы Следователя И.

«Хочу всех успокоить», - ответил он. – «Все возможные виновники предполагавшихся беспорядков изолированы. Власти ограничили приток беженцев в город. Ведется жесткий контроль за перемещением подозреваемых. Для этого создан специальный департамент».

«Каковы причины возможных беспорядков?»

«Ведется следствие».

(Газетчик Кинь «Почему пропали пончики?» статья на обрывке газеты «Лишний язык».)

Жизнь отнимает какое-то время.

(«Великий учитель №3».)

Допрос №25.

Следователь И: Что это у вас, дорогой Писатель Лао, пятки стучат?

Писатель Лао: А что бы у вас стучало, если бы прямо на глазах ваших читательниц вам руки заломили и надели бамбуковые колодки?

Следователь И: Да. Мне повезло больше. Читательниц не имею.

Писатель Лао: Нашему городу восемьсот поколений. Двадцать тысяч лет! Это культура, в которой человек, владеющий словом, владеет миром. Я владею миром! Вы понимаете? А вы меня в колодки. Прилюдно.

Следователь И: «Великий учитель №3» ваша работа?

Писатель Лао: Кто вам сказал?

Следователь И: Издатель Гунь.

Писатель Лао: Да, эту книгу написал я. И что?

Следователь И: Что же не поставили свое имя?

Писатель Лао: Не мой жанр. Не мой стиль. Побочный продукт размышлений и дел.

Следователь И: Почему же №3?

Писатель Лао: Это простой прием. С одной стороны - мы претендуем как бы на часть бесконечных знаний, которым нет ни начала, ни конца. И это хороший образ. С другой - можно потом выпустить №1 и №2. И эти книги уже будут пользоваться спросом.

Следователь И: В вашем доме я не нашел ни одного черновика.

Молчание.

Следователь И: Вас часто обвиняют в плагиате?

Писатель Лао: Завистники.

Следователь И: Тогда - где черновики?

Молчание.

Писатель Лао: Возможно, я их сжег.

Молчание.

Следователь И: У меня уже сидит один... мастер, который не хочет сознаться в том, что он неудачник. Теперь будет еще один, который, чтобы не прослыть вором, готов сознаться в подсрекательстве к восстанию и лишиться ног.

Писатель Лао: Восстанию? Н-ног?

Следователь И: Смотря какое получится восстание. Можно заодно и руки потерять.

Писатель Лао: Нет, так нельзя. Это нельзя.

Следователь И: Разве? (пауза) Посидите пока. Подумайте.

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Стоило бежать из лечебницы Доктора Джи, чтобы встретить кого-то, еще более несуществующего, чем я.

Это случилось утром.

Он сидел неподалеку. Читал мои записи. Прижимал ногой к земле прочитанные страницы.

Потом посмотрел на меня:

«Раздайте слонам петарды», - сказал.

Теперь он снова шел за мной.

Иногда кричал мне в спину:

«Мы гуляем по улице Пляшущего Тигра с Женщиной-Зеркалом. От ее прежнего блеска не осталось и следа».

«Тысячелетия прошли, прежде чем люди научились выстраивать из себя ровные геометрические фигуры. Это цивилизация».

«Где ты, Капитан Чань?»

«Где ты, Капитан Чань?»

Его пустую голову заполнили мои слова.

Я ускорял шаг.

Даже сумасшедший не должен разговаривать с собственной книгой.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

«Я предпочитаю, чтобы меня называли Покровительницей Музыкальной Ямы», - сказала Госпожа Суи. – «Мать Переулка Веселых Фонарей звучит по-крестьянски».

Госпожа Суи улыбнулась, наморщила носик, посмотрела на меня.

«А я ни разу не встречала вас в нашем Переулке, Писатель Лао».

Я изобразил смущение.

«Приходите, приходите», - сказала Госпожа Суи и игриво постучала ноготками по столику для пудры. – «Кто знает, какие сюжеты ожидают вас здесь?»

Госпожа Суи рассказывала неторопясь. То и дело дотрагивалась до пузырьков с ароматами и нюхала пальцы.

«Иногда я стою на коленях. Но не в такой грязи.

Я почти уперлась лбом в пол, разглядывая оставленные на муке следы. Вся комната была усыпана ею.

Поначалу мне показалось, что след оставили маленькие человеческие ручки.

«Ты нашел что-нибудь, Ищейка Цу?» - спросил меня кто-то.

Я повернулась, чтобы узнать, кто так грубо назвал меня.

Надо мной стоял мужчина. Коренастый. Кривоногий. Со злым лицом. Существует такой тип мужчин, в чьи глаза женщина и смотреть не захочет. В Переулок Веселых Фонарей они приходят, когда темнеет, и всегда платят больше других.

«Это крысы, Наместник Тан», - сказала я.

«Теперь ты укажешь вора», - сказал человек.

Он не спрашивал. Он приказывал.

«Да», - ответила я. – «Скоро».

Я вышла на улицу и обошла дом.

У северного угла я нашла то, что искала.

Мелкий бисер тающих белых крысиных следов.

Они завели меня за угол в тесный сырой переулок и оборвались.

Я развязала мешочек с мукой и тонким слоем начала засыпать землю».

(Писатель Лао «Цветные Облака» ч.9 «Видение Госпожи Суи - Покровительницы Музыкальной Ямы».)

«Я только головой взрослая. Понимаешь? Тебе удобно? Как же? Так?»

«Столько вопросов. От тебя».

Гадалка Цай горячо задышала мне в грудь:

«Ноги мерзнут».

«Давай накроемся».

«Теперь теплее».

«Пальцы в волосах твоих запутались».

«И мысли мои запутались».

«Совсем?»

«Не знаю».

«Пора?»

«Да».

Сейчас, когда пытаюсь записать эти слова, поймал себя на мысли, что так же старательно и бездумно записываю движения танца.

Я откинул полог палатки Гадалки Цай.

Утреннее солнце ослепило меня.

Не сразу увидел проходившую мимо Танцовщицу Ли.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Иногда я слышал крики своих поклонниц, собравшихся у тюремной ограды.

Однажды в решетке нашего окна застрял брошенный с улицы цветок лотоса.

(Писатель Лао «Моя тюрьма».)

Мой сосед по камере Писатель Лао часто подходил к окну и кричал в небо через решетку: «Я здесь, дорогие мои!»

И если никто не отвечал, то он огорчался.

(Мастер Ти «Четыре стены и Писатель Лао».)

Я всегда уважал труд Мастера Ти. И не раз дарил сделанные им украшения. Но он никогда не убирает со стола и имеет привычку, во время размышлений, скрести ногтем стену.

(Писатель Лао «Моя тюрьма».)

До тюрьмы, когда во мне побеждало желание праздности, с удовольствием почитывал книги Писателя Лао.

(Мастер Ти «Четыре стены и Писатель Лао».)

Длинными тюремными вечерами мы спорили об искусстве Хун-Тонга, о его традициях, заблуждениях, политическом переустройстве, истории кукол и Танцовщице Ли.

Мастер Ти упорно продолжал считать ее куклой, созданной неизвестным современным мастером.

Он приводил путаные доводы, пересыпая свою речь специальными терминами, которые я, как ни старался, запомнить не мог.

Нельзя оправдывать красоту человека умением неизвестных мастеров.

(Писатель Лао «Моя тюрьма».)

Кукла должна быть совершеннее своего создателя.

Вот почему лучшие куклы совершеннее людей.

Любой создатель мал по сравнению с тем, что создал. Какой смысл делать что-то менее совершенное, чем ты сам?

Писатель Лао мало поддается разумным доводам. Логика моя от него ускользала.

Однажды, когда я рассуждал о преимуществах механических рук – он заснул.

Он мог спросить одно и тоже пять раз подряд.

Ему сразу было интересно все. И разговор, и песня повстанцев, разносящаяся по коридору, и ругань воров в соседней камере.

(Мастер Ти «Четыре стены и Писатель Лао».)

Я же полагал, что Танцовщица Ли один из величественных образов современного Хун-Тонга. Ее танец как, разросшийся за тысячелетия, текст. Ты уже не видишь ни начала, ни конца. Читаешь с любой страницы, и он начинает звучать в тебе.

(Писатель Лао «Моя тюрьма».)

Каждый раз он потешно пугался, когда я говорил:

«Натанцуетесь еще, как вам ноги-то отрубят».

(Мастер Ти «Четыре стены и Писатель Лао».)

«Бросьте. Никто ничего мне не отрубит. Меня смог бы защитить даже ваш неудачный адвокат Дюшлен», - остроумно отвечал я.

(Писатель Лао «Моя тюрьма».)

Я видел, как у Писателя Лао дрожали руки после бесед со Следователем И.

(Мастер Ти «Четыре стены и Писатель Лао».)

Я видел, как у Мастера Ти дрожали руки после бесед со Следователем И.

(Писатель Лао «Моя тюрьма».)

Перед допросом надо хорошо выспаться.

(Мастер Ти «Четыре стены и Писатель Лао».)

Скажите, Господин Надзиратель, Таракан Шунь попал в мою миску случайно, или он, так сказать, был в меню?

(Писатель Лао «Моя тюрьма».)

«Я стал Генералом Хо в шесть лет.

Улочки Хун-Тонга. В детстве они казались мне реками, текущими в Храм Малого Бога.

Я боялся, что одна из улиц своим течением занесет меня в водоворот Храма и оставит там навсегда. Там, где варятся в котле миллионы потерянных, и ученые крысы прямо из жара воруют их память. Где отблески пламени лепят из темноты строгое лицо Наместника Э. Где ставшие грозовыми облака Птенцов Священной Птицы Ки стучат в висок охотника, высасывая из него свет дня.

Страшные сказки Хун-Тонга.

Но течение принесло меня к лавке Портного Ву на Улицу Битых Стекол.

И я увидел его.

Парадный генеральский мундир.

Он висел, выпятив пустую грудь».

Повстанец говорил громко. С десяти шагов я слышал каждое слово и хриплое тяжелое дыхание.

«Он висел, выпятив пустую грудь».

«Он висел, выпятив пустую грудь».

Иногда будто что-то заедало внутри повстанца.

«И я не знал», - подсказал я.

«И я не знал, как пройти мимо своего будущего», - продолжил он. – «Я должен был прожить еще половину жизни, прежде чем снова вернусь сюда. И справедливость этого угнетала».

«Ты станешь великим полководцем, мальчик», - за моей спиной стояла гадалка. Старуха с одним зубом во рту. – «Но этот мундир ты отдашь мертвецу».

Сказала и погрозила мне кривым пальцем: «Решил выбить мне последний зуб за плохие вести?» – И с усмешкой добавила. – «Лучше бы не лишал людей того, чего не сможешь им вернуть, Генерал Хо».

Хун-Тонг был уже близко.

Степь чувствует человека, впитывает его запах.

Темная гора Храма Малого Бога медленно поднималась над горизонтом.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

«Человек давно нашел с крысой общий язык», - записано в Летописи Теней.

И это действительно так.

В Хун-Тонге, на протяжении всей его истории, существовали школы крыс. Ученая крыса всегда привлекала больше внимания, чем ученая свинья или собака.

До сих пор в Хун-Тонге воспитатели крыс пользуются особым почетом и уважением.

«Ученая крыса никогда не украдет, если ее не попросят», - сказано в первой книге Малого Бога.

«Лучшая защита от крысы – ученая крыса», - пишет Учитель Сэюмо.

Дикий мед степных пчел и Тараканы Шунь – лучшие лакомства для крыс, главные стимулы к их обучению.

В Летописи Теней есть легенда о том, как некий Кан Ми Сен приручил первую крысу и даже имел от нее детей.

(Учитель Сё «История Хун-Тонга и…»)

Хочешь стать умнее? Купи себе ученую крысу.

(«Великий учитель №3».)

«Что сегодня случилось с Танцовщицей Ли?» – спросил Укротитель Пиявок Фу. – «Танец у нее вышел злой».

«Был жар, как от костра», - сказал Слепой Борец Мо. – «И я испугался за Женщину-Пальму».

«Да-а», - протянул Маленький Тунь, - «я думал - цирк сгорит. А Господину Хвану сердце прихватило».

«Она ступала прямо по языкам пламени», - сказал Фу.

«Люди злы, и танец зол»,– заскрипел барабаном Барабанщик Сон.

«Значит, танец стал бы добрее, если бы на улицах меньше дрались?» - спросил Клоун Дэн Ду Мин.

«Что-то давно мы не дрались с Фу», - сказал Барабанщик Сон и сладко потянулся.

«Что-то давно никто не травил моих пиявок», - ответил Фу.

«И так страху вокруг», - поежился Маленький Тунь.

Фу провел пальцем по банке, и пиявки закрутились в тугую спираль.

«А ты говорила, все наладится, Гадалка Цай», - в голосе Барабанщика Сона то ли вопрос, то ли укор.

«Вы уже привыкли обходиться без цветных пончиков, привыкли к теням, которые следят за вами в темноте, к дракам на улицах», - сказала Гадалка Цай.

Мы сидели рядом и она, незаметно от всех, прижимала бедром мою руку.

«Значит, ты говорила о привычке?» - спросил Фу.

Мне показалось, что пиявки в его банке испугались и сбились с ритма.

Барабан Сона перестал скрипеть.

«Кто знает?» - наконец, сказала Гадалка Цай и, посмотрев на меня, добавила. – «Может быть, кто-то смутил будущее?»

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Встретились как-то Бабочка Синь и Таракан Шунь.

«Таракан Шунь, почему ты не летаешь?» - просила Бабочка Синь.

«Тогда бы я был Бабочкой Шунь, и потерял бы свое настоящее имя», - ответил Таракан Шунь. – «Имя важнее полета».

(«Великий учитель №3».)

«Женщины Хун-Тонга не любят косых взглядов и прямых мыслей», - сказала Госпожа Таи.

«Вот почему они так мало общаются между собой», - улыбнулся я.

Госпожа Таи закинула голову, засмеялась, показав мне свою гладкую шею.

Последние шестьдесят четыре года Госпожа Таи была удивительно хороша.

«Я начинаю понимать, почему вы, Писатель Лао, нравитесь моим подругам. Мы, пожалуй, пригласим вас на заседание нашего общества».

Госпожа Таи говорила и глядела в потолок, будто читала там свое видение.

«Вчера вечером я рассыпал муку вон за тем углом», - вдруг сказала я, но говорила не я.

Я увидела крысиные мучные следы, которые обрывались около дома. Окна дома были завешаны выбеленной траурной тканью.

В древние времена, когда в доме умирал последний хозяин, на его окна вывешивали белые полотна, чтобы дом опустел без суеты. И десять лун никто не мог жить в нем.

Внутри дома вздрогнула и тут же пропала нитка света.

«Это дом покойного Мастера Ляня», - сказала я.

«Я знаю», - ответил стоящий рядом коренастый человек.

В сумраке я не могла разглядеть его лица, но шеи у него точно не было.

«Вы знаете, кого я там увидел?» - спросил я.

«Да».

«Прикажете окружить дом, Наместник Тан?» - из темноты появилась высокая черная фигура.

Коренастый думал.

«Нет», - сказал наконец. И еще раз повторил уверенно. – «Нет, Правая Рука, ты можешь идти».

Высокий поклонился и пропал в темноте.

«Ищейка Цу», - тот, кого называли Наместником Таном, повернулся ко мне, - «Ты нашел вора. Теперь ты должен его наказать».

«Я Ищейка. Не палач», - ответила я.

Наместник Тан промолчал.

Его молчание согнуло мне спину».

(Писатель Лао «Цветные Облака» ч.10 «Видение Госпожи Таи – Председателя Общества Гладкой Шеи».)

Секрет приготовления Яда Четырех Карликов утрачен примерно 120 поколений назад.

Он был безвкусен. Им можно было натирать кожу, и он не никак себя не проявлял. Но стоило проглотить его, как он начинал действовать.

Поначалу жертва не чувствовала приближения смерти. Потом вокруг нее возникал странный, будто цветочный, аромат разочарования. И если в комнате были светильники, то они начинали гореть зеленым пламенем.

Жертва травила и тех, кто в этот момент находился рядом. Силы яда хватало на четверых.

В Летописи Теней говориться, что четыре шута-карлика Наместника Э стали первыми, кто погиб от него.

Один из карликов стянул с кухни приготовленный для Наместника пирожок.

(Учитель Сё «История Хун-Тонга и…»)

Жалоба – хлеб бедняка.

(«Великий учитель №3».)

Учитель Сё жил на улице.

У него не было дома.

Все вещи и книги Учителя теперь были сложены в детскую тележку для игры в отрубленные ноги.

Пока я искал его, узнал, что школа, которую он держал, разорилась.

Школьницы одна за другой стали взрослеть раньше времени.

За восемь учебных лун повзрослело семь девочек.

Родители девочек обвинили во всем Учителя Сё.

Не помогли ни уверения врачей в его почтенной немощи, ни благосклонность Старого Судьи Нуня, ни даже защита Адвоката Дюшлена.

Учитель Сё сказал на суде, что действие его слов стало слишком велико. Что обучение материально и последствия непредсказуемы. Его горячая речь в зале суда выглядела странно.

Вина Учителя Сё так и не была доказана. Но, чтобы оплатить иски, пришлось продать и дом и школу.

Теперь он составлял прошения для бедняков на Площади Лишних Ног и всегда подписывал их: жалобщик такой-то и Учитель Сё.

Говорят, что прошения, написанные им, пользовались большой популярностью у чиновников Хун-Тонга. Многие собирали их, как непревзойденные образцы словесности.

Я разделил с ним свой завтрак – сладкую лепешку, которую нашел по дороге.

На Площади Лишних Ног было мало народу.

«Клиенты перевелись». - Учитель Сё с неохотой закончил жевать. – «Ожидание перемен – смутное время. Никто не хочет просить, потому что не знает - чего ждать». - Он аккуратно стряхнул крошки с груди. Спрятал их в рот.

«У меня есть ваша книга», - сказал я. – «Но начало ее сгорело».

«Всегда хочется верить, что в начале было что-то важное и большое», – сказал Учитель Сё. – «Какой-нибудь пуффф», – вскинул руки, - «Взрыв! Слово. Движение. А там лишь имя автора и благодарности родственникам».

Учитель Сё стал рыться в книжках, что лежали под тряпкой в его игрушечной тележке.

«Я вам подарю свой экземпляр. Здесь на улице она все равно пропадет».

Он все медленнее перебирал книги.

«Хм». - Учитель Сё старался не смотреть на меня. - «А откуда здесь «Цветные облака» Писателя Лао? Что же? Я забрал из дома не ту книгу?»

«Расскажите о трех танцовщицах», - попросил я.

«О них известно немного», - Учитель все еще не мог оправиться от потери. – «Считается, что руки у одной были как змеи, от другой во время танца исходил жар, третья умела ступать по воздуху. В Летописи теней написано, что Хун-Тонг был рожден в их танце, который длился без перерыва целое поколение. Люди, что пришли посмотреть на трех танцовщиц, уже не могли никуда уйти. И еще я написал, что три танцовщицы - это ловушка, для тех, кто пытается найти начало. Дикий мед в мышеловке».

Когда Учитель Сё говорил, он качал тележку, будто в ней спал ребенок.

«Как же было на самом деле?» - спросил я.

Учитель Сё пожал плечами:

«Всегда остается красота, как бы безобразно в истории она себя ни вела».

Только теперь я заметил, что кто-то выбил ему передние зубы.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Допрос №26.

Следователь И: Сейчас мы проведем очную ставку.

Мастер Ти: С кем?

Следователь И (кивая на Лицо): С ним.

Лицо: Дааа. Иаяяя.

Мастер Ти: А что оно знает?

Следователь И: Что-нибудь, да знает.

Лицо (с вызовом): Зззнаю!..

Следователь И: Про музыку, например.

Лицо (удивленно): Чччего?

Следователь И: Последнее время из вашего дома доносилась странная музыка, Мастер Ти. Соседи жаловались.

Мастер Ти: А при чем здесь музыка?

Лицо (с любопытством): Да. Ппри чем?

Следователь И: Скажи, Лицо, музыка в доме появилась после того, как исчез адвокат Дюшлен?

Лицо (удивленно): Д-да. Будто трубы в мешке ппплачут.

Следователь И: Откуда у вас, Мастер Ти, такой странный музыкальный автомат? Мы долго с ним возились. Любопытная конструкция. Любопытный звук. Некоторые детали могли быть взяты из тела куклы, например - Адвоката Дюшлена.

Мастер Ти: Для того, чтобы это доказать, надо разбираться в механике…

Следователь И: …или быть следователем.

Молчание.

Следователь И (Лицу): Ты говоришь, что видел, как Мастер Ти проносил мимо тебя голову Адвоката Дюшлена?

Лицо: Фффффф. (пауза) Ффвидел.

Следователь И: В какую сторону проносил?

Лицо: Сслева-нннаправо.

Следователь И: Сколько шагов сделал Мастер Ти, когда пронес мимо тебя голову в последний раз?

Лицо (вспоминая): Рраз. Тттва. Шшшшшестнадцать. А потом скрипнуло.

Следователь И: Что скрипнуло?

Лицо: ХХХХчто-тто ссскрипппппнуло.

Следователь И: Мастер Ти, что скрипнуло в шестнадцати шагах от прихожей? Дверь?

Молчание.

Следователь И: Если я правильно помню. Дверь на чердак?

Мастер Ти: На чердак.

Следователь И: На чердаке мы ничего не нашли. (Лицу) Еще слышал что-нибудь?

Лицо: Он хххходил хххходил ннавеерху, аа потом хххлопнуло. Ннее громко. Не громко.

Следователь И: Слуховое окно?

Мастер Ти: Да.

Следователь И: Голову было жалко разбирать? Это же всегда верх мастерства.

Молчание.

Следователь И: Значит, на крыше?..

Мастер Ти: В фальшивой трубе.

Следователь И: Как только найдем голову, вы, будете отпущены.

Лицо: А я?

Следователь И (Мастеру Ти, указывая на Лицо): Это можете забрать прямо сейчас.

Лицо (расстроено): Ффвсе ужже? Тююю. Ссспроси еще.

Мастер Ти (Лицу, с укором): Я же тебя сделал.

Лицо: Сссделал – дочини.

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Мы встретились с ним на окраине Хун-Тонга в заброшенном деревянном павильоне для игры в одуванчики. На стенах павильона еще можно было разглядеть аляповато нарисованные фигурки девушек, дующих на парящие семена.

Моего случайного собеседника звали Хромой Лю.

Он рассказывал про Цирк Господина Хвана. Про Танцовщицу Ли, искусства которой Хромой Лю никогда не понимал. Про Циркача Пу, пытавшегося разгадать несуществующую тайну Танцовщицы Ли. Про Маленького Туня, Аллигатора А, плохого Клоуна Ден Ду Мина и коровьи лепешки. Про Слепого Борца Мо, его предательство и неудачные ухаживания за Женщиной-Пальмой.

«Я там был вроде летчика, но без самолета», – закончил свой рассказ Хромой Лю. – «И бросать Слепому Борцу Мо теперь некого. А…» - он махнул рукой, - «пусть без работы посидит, поголодает».

Мы ужинали Синей Травой Хай и запеченными в золе личинками Древоточца Учу.

«Если личинки Древоточца Учу правильно приготовить, то можно не только вкусно поесть, но и поправиться», - сказал Хромой Лю. – «Я знаю рецепт. Нужны пряности и хорошее масло».

«Ты еще и повар?» - спросил я.

«Нет, но я могу неплохо приготовить этого голого, который ходит за вами и говорит ерунду». - Хромой Лю на мгновение перестал жевать личинку и посмотрел на меня, будто прикидывал что-то в уме. – «За три ся».

Повстанец, как обычно, сидел в десяти шагах от меня, пытался слушать наши разговоры.

«Если бы я имел три ся, то не личинок жрал».

«Эээээ. Смерть всегда дороже жизни», - засмеялся Хромой Лю, - «Ну ладно, два с половиной. Нет? Два. Сколько у вас?»

«У меня нет денег».

«Ладно», - сказал Хромой Лю. – «Я убью его бесплатно, но тогда мясо мое».

Я промолчал.

«Он же хотел вашей смерти. У него ваши записки, и он их не отдает. Я правильно понял?» - не унимался Хромой Лю.

«Еще, каждую ночь, он ворует все, что я записываю».

«Вот. Он тут много чего наговорил, пока мы ели. Представляете, если он начнет повторять это в городе? Про вас. Про Капитана Чань».

«Как узнать, где теперь живет Капитань Чань?» – сразу отозвался повстанец. – «Ребенком я обошел весь Хун-Тонг. Меня за это не раз лупил отец. Я часто пытаюсь представить ту улицу, где сейчас могла бы жить Капитан Чань. Но улицы почему-то представляются те давние, из детства. И я теряюсь. Где ты, Капитан Чань? Я просто хочу спросить, почему ты ушла?»

«Слышали? Я его в момент догоню. Не смотрите, что хромой».

«Только попробуй». – Мне показалось, что это было сказано очень спокойно, почти шепотом. Но Хромой Лю осторожно встал, попятился к выходу. Он пятился и пятился. Хромывал все сильнее. Боялся повернуться спиной.

«…убить мою книгу», - сказал я уже в пустоту.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

Это случилось сегодня на представлении.

Клоун Дэн Ду Мин, как обычно, вышел к зрителям с коровьей лепешкой.

Зрители насторожились.

Дэн Ду Мин откусил кусок и вдруг, сморщив свой кривой нос, сказал:

«Йо. Это же не вкусно».

«Гы», – неожиданно донеслось с задних рядов.

Дэн Ду Мин удивленно поднял брови.

И зрители засмеялись.

Это была хорошая шутка.

За кулисами рассмеялся Господин Хван. Маленький Тунь схватился за живот. Барабанщик Сон упал на свой барабан. Слепой Борец Мо улыбнулся, и улыбка сделала его еще страшнее.

Смеялась даже Танцовщица Ли.

Последнее время она редко улыбалась.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

«Значит, Невеста Лянь уничтожала собственную куклу?» - спросила Госпожа Лунг. – «Вы уверены в этом, Писатель Лао?»

Госпожа Лунг говорила тихо, будто не дышала вовсе. Свойство всех игроков в одуванчики - лишний раз не волновать воздух.

«Думаю, она мстила Наместнику за свое поражение. А он отомстил ей за гибель куклы», - ответил я.

«Но ведь Наместник искал ее – настоящую, живую Невесту Лянь? Я хорошо знаю этот миф».

«Может быть, самое тяжелое находиться рядом с той, которую искал и понимать, что в ней нет того, что искал?»

«Но, разве это можно знать наверняка?»

«Не знаю».

«Кого же любил Наместник Тан?»

«Не знаю».

Вот что рассказала Госпожа Лунг:

«Я поклонилась.

«Наместник Тан», - сказала я, - «Невеста Лянь, отравлена в доме своего покойного отца».

«Как это произошло?» - спросил Наместник Тан.

Он не смотрел на меня.

Стоял у окна, постукивал перстнем по стеклу.

Неприятный звук стеклянных секунд. Цык. Цык. Цык.

Я почувствовала неладное.

«Говори, Ищейка Цу».

«Этой ночью я подмешал Яд Четырех Карликов в дикий мед».

«И крысы съели мед?»

«Да. От его вкуса они теряют разум».

Больше я не поднимала глаз на Наместника. Глядела в пол.

«Потом я пришел к дому Мастера Ляня и стал ждать. Через некоторое время сквозь дыры траурных оконных покрывал я увидел зеленый свет».

«Ты уверен, что она была в доме?»

«Я проследил».

«Ты был внутри?»

«Еще рано. Еще нельзя».

Наместник Тан долго молчал.

Цык. Цык. Цык.

Я низко поклонилась и направилась к двери.

«И это все?» - вдруг спросил Наместник Тан.

Я не знала, что ответить.

Было непонятно, кому он задал этот вопрос.

Я вышла из комнаты в узкий темный коридор и осторожно прикрыла за собой дверь. Мне показалось, что рядом проскользнула легкая, как сквозняк, тень.

Я замерла, прислушалась.

Совсем близко в такт моему сердцу билось еще одно.

Кто-то зажал мне рот, полоснул по горлу коротким кривым ножом».

(Писатель Лао «Цветные Облака» ч.11 «Видение Госпожи Лунг – Непревзойденного Игрока в одуванчики».)

«Быстрее», - сказала Гадалка Цай. – «А то пропустим интересное».

Мы почти бежали.

Гадалка Цай тянула меня за руку через весь город.

«Вот здесь живет Госпожа До. Она любит подавать в суд и у нее большая бородавка на подбородке. Теперь Госпожа До очень важная дама, и почти никто не знает, что раньше у нее было три лишних мужа. А там месит тесто для лепешек Пекарь Це. Он тайно добавляет в тесто травы. Некоторые травы успокаивают. Другие вызывают гнев или жажду действий. Пекарь Це думает, что с помощью своих секретных лепешек управляет Хун-Тонгом».

Гадалка Цай не успевала перевести дыхание.

«Дом Парикмахера Чо. Он уверен, что вместе с волосами выстригает мысли людей. Он считает, что каждая прядь волос, упав на пол, выкладывается в иероглиф отстриженной мысли. И если этот иероглиф не записать, то мысль пропадет. Исчезнет навсегда. Парикмахер Чо записывает все мысли-волосы. Складывает их, меняет местами. И все пытается понять – что же он ищет».

«Странные люди живут в Хун-Тонге», - сказал я.

Гадалка Цай перешла на шаг:

«О многих просто нечего рассказать. Они ухитряются прожить свою жизнь без последствий».

Мы подошли к дому Мастера Ти.

«Будто гуляем», - сказала Гадалка Цай.

Она запыхалась, порозовела. Крепко взяла меня под руку, так, что я почувствовал ее грудь.

На пороге дома в черном кожаном фартуке сидел Следователь И.

Фартук, руки и лицо его были в чем-то красном, похожем на кровь.

Он поймал мой взгляд:

«Это что-то вроде масла», - сказал, вытирая руки. – «А нам как раз нужны свидетели».

«Вот так совпадение», - улыбнулась Гадалка Цай.

«Я не верю в совпадения там, где прошла хотя бы одна гадалка», – ответил Следователь И.

При свете дня дом Мастера Ти не казался таким таинственным.

Мы очутились в большой светлой комнате, в которой звучала странная музыка.

Будто нестройные голоса пели из-под земли.

«Не поскользнитесь, мы тут немного намусорили», - сказал Следователь И. – «А это наш Мастер Юнь».

Посреди комнаты спиной к нам стоял старик.

Он рылся в коробке, из которой текла красная жидкость.

На звук шагов Мастер Юнь обернулся.

«Я скоро», - сказал и, постучав по коробке пальцем, добавил, - «музыку, вот только отключу».

К коробке сверху была приделана голова.

Голова посмотрела на меня и показала язык.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Допрос №27.

Следователь И: Свидетели, вы должны подтвердить, что Адвокат Дюшлен – кукла. Посмотрите на Адвоката Дюшлена и распишитесь. Вот здесь.

Адвокат Дюшлен: Госпёда! Que vous avez inventé encore superflu? Что вы еще изобрели? Je demande l'avocat, c'est-à-dire! Я тррebую адвёкат, то есть себя! Laissez ma tête dans le repos ou ajustez la main. Оставьте мёю гёлову в пёкое или веррните ррюки.

Мастер Юнь: Речевые функции не идеальны. Ломаный язык.

Следователь И: Плохая речь – беда его мастера.

Адвокат Дюшлен: Je et un peu. Я и сам чюють лёман.

Следователь И: Успокойтесь, мы просто немного поговорим.

Адвокат Дюшлен: Я спёкоен. Messieurs les jurés. На лицо пррроизвёл. Pour la personne l'arbitraire … je demande … d'appeler à la réponse tout trouvant à cette pièce pour l'assistance au violence sur l'aphorisme. Я тррребую пррризвать к ответу всех в этой кёмнате за сёдействие насилию над афорризм.

Следователь И: Над чем?

Адвокат Дюшлен: Надо мной. Le violence.

Молчание.

Следователь И: Почему вы отрываете себе голову, Адвокат Дюшлен?

Адвокат Дюшлен: Non! Нет и нет! Je n'arrachais jamais à moi-même la tête. Я не выррывал никогда самому себе головы. J'arrachais le corps! Я выррывал тело!

Следователь И: Тело? Я правильно понял? Вы отрывали себе тело?

Адвокат Дюшлен: Oui! Oui! Да! Le corps! Тело… Il superflu. Оно, излишний. Ляо…Ляяя…Иляо ляяя…Pourquoi je chante? Почему я петь?

Мастер Юнь (роясь в коробке): Музыкальный автомат заработал.

Адвокат Дюшлен: C'est la torture. Это пытка. Apportez au procès – verbal. Занесите в пррётокол. Пытка. La torture. Ляо-Ляяя-Иляо ляяя…

Музыка отключена.

Молчание.

Следователь И: Скажите, Адвокат Дюшлен. Вы читали «Великого учителя №3»?

Адвокат Дюшлен: Oui.

Следователь И: После чтения, вы захотели стать, хм, афоризмом? И оторвали себе лишнее? Так?

Адвокат Дюшлен (медленно подбирает слова): Надо же чем-то быть. Être obligatoire. (пауза) Мастерр Ти дал мне слишком мнёко желаний и ни один возмёжность, чтёбы их исполнить. (пауза) Я не могу пррравильно гёвёррить, я не могу пррравильно двигаться, я не могу любить. On ne réussit pas chez moi. Мастерр Ти считает меня своей неудачей. Par l'échec de la vie. Но это не сёвсем так. Il ne connaît pas simplement. Я пррёсто пытался отсечь лишнее в себе… Superflu loin. …чтобы его мысль зазвучала чесстче. (пауза) Нет любви – нет свободы. L'amour – est absent la liberté … est absente. Ведь именно этё он хётел сказать мной. Oui? Правда? (пауза) La création aide le créateur. (пауза) «Великий учитель le numéro trois» - так… пррросто книга. Le livre et tout. Я сам захотел.

Следователь И: Вы считаете, Мастер Ти хотел выразить именно это?

Молчание.

Следователь И: Что же в итоге?

Адвокат Дюшлен. Rien. Ничего.

Следователь И: Как же вам живется в качестве афоризма?

Адвокат Дюшлен. Не очень. Mais que faire?

Следователь И: Вы знакомы с Писателем Лао?

Адвокат Дюшлен: Он автор «Великого учителя le numéro trois».

Следователь И: Вы даже это знаете?

Адвокат Дюшлен: Я даже знаю ппрежнее название книги…

Следователь: У нее было другое название?

Адвокат Дюшлен: Писётель Лао сам мне сказал. «Les Réflexions à l'intérieur du tambour». - «ррразмышления внутри баррабана».

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Барабанщика Сона вытряхнули из барабана, уложили на землю, сняли штаны, надели бамбуковые колодки.

Голые ноги Сона мелко дрожали.

Обыск был недолгим.

Шифра на подкладке штанов не оказалось

Пусто было и в барабане, и в чашке для риса.

«Барабан не потеряйте!» - только и сказал Сон, перед тем как его увели.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Легче всего обманывать благодарного читателя.

(Писатель Лао «Цветные Облака». Из предисловия ко второму изданию.)

Звезды спрятались. Ночь. Шепот.

«Ты же знала, что Сона арестуют».

«Да».

«Почему не сказала?»

«Пусть лучше арестуют».

«Лучше кому?»

«Ему».

«Расскажи, как я умру».

«Ты не умрешь».

«А ты?»

«Сейчас не про меня хотел спросить».

«Обиделась?»

«Нет».

«Почему?»

«Потому что ночь. Потому что ты».

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

У голодных обостряется нюх.

Хун-Тонг пахнет лепешками. Цирк Господина Хвана – Аллигатором А и гнилыми опилками.

Арена.

Зрители.

Ко мне подошел Слепой Борец Мо, вытянул вперед руки, обхватил, поднял.

Ребра хрустнули.

Мир перевернулся.

В груди не осталось воздуха.

«Куда?» - шепотом спросил Мо. – «Куда тебя бросить?»

«Куда хочешь».

Мимо пролетели арена, публика, Господин Хван.

Стена мимо не пролетела.

Я и не знал, что в цирке столько стен.

Летчик без самолета.

Первое, что я увидел после, было лицо повстанца, который держал на коленях мою голову.

Кто-то из цирковых дал ему мешок вместо халата. От мешка пахло ванилью. Неплохой переплет.

С книгами всегда так. Сначала она идет за тобой. Потом ты бегаешь за ней. А после тебе только и остается наблюдать – в какие одежды ее наряжают другие.

Заработал первые два ся.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

Вечером я записал все движения Слепого Борца Мо и Генерала Хо.

Мне показалось, будто во время исполнения номера, Мо вырос на голову и раздался в плечах.

Лицо Генерала стало пунцовым.

Хо не хотел летать.

Он хотел драться.

Хотел поднять Мо.

Глаза Генерала вылезли из орбит. Ноги от напряжения стали короче.

В полете Генерал Хо зарычал.

От страха публика вжалась в скамьи.

«Атака!» – крикнул человек из задних рядов. – «Идем в атаку!»

Он пришел вместе с Генералом Хо.

Это он сказал Женщине-Пальме: «Красота женщины, Капитан Чань, не в ее фигуре, не в ее глазах. Она в желании мужчины следовать за ней или вести ее за собой. Преклоняться перед ней или побить камнями».

Женщина-Пальма подарила ему мешок из-под ванили, который раньше стелила для сладкого сна на свою травяную циновку. Это был хороший подарок.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Мы всегда хотим то, что нам не принадлежит.

(«Великий учитель №3».)

«Я неисправимая фантазерка», – сказала Госпожа Чоу. – «Без фантазии не приготовишь ни танцующий чай, ни сладости к нему».

Я пригубил чай. Он действительно был великолепен и, как и обещала Госпожа Чоу, танцевал во рту.

«Эти видения. Я их часто наблюдаю». - Вокруг головы Госпожи Чоу кружило легкое цветное облако. – «Где вы, Писатель Лао?» - Она посмотрела сквозь меня. – «Ах, вот... Я бываю такой рассеянной».

Как описать состояние Госпожи Чоу?

Госпожа Чоу витала.

«Это было не очень приятное видение. Детская страшилка про черную комнату», – продолжала она. – «Хотя, почему не радоваться тому, что щекочет нервы? Тайны. Яды. Любовь. Крадущиеся убийцы. Ожидание ужаса».

Я приготовился слушать.

«Мы смазали лица жиром, плотнее запахнули халаты, надели перчатки и маски из тонкого войлока. Такая маска подойдет мастеру по выделке кожи, чтобы не вдыхать ядовитые пары.

Глухие голоса из-под масок.

«Подождем».

«Вдруг яд не утратил силу?»

«Дом Мастера Ляня еще не успокоился от старой смерти».

«А в нем уже живет новая».

«Длинная сегодня ночь».

«И темная».

«Я слышал, Мастер Лянь, поменял себе руки на кукольные. И дочке сделал три языка».

«Врут».

«А на три языка яд действует?»

«На три языка всегда найдется лишний карлик».

Войлок заглушил нервный смех.

«Тихо», - скомандовала я.

Я очень высокая и сильная.

Никто не хотел идти первым в дом покойного Мастера Ляня.

Дом был мрачен, велик.

Самый большой дом на улице.

Под моей рукой его шершавая стена.

Хлопают на ветру рваные траурные покрывала.

Я первая открыла дверь и выставила в проем горящий факел.

«Еще не время, Правая Рука Наместника Тана», - сказал мне кто-то в спину.

«Пламя не изменило цвет», - ответила я и вошла в дом.

Коридор темен и узок.

Блеск ножей.

«Зачем вам ножи?» - спросила я. – «Здесь все умерло».

«А вдруг есть вещи сильнее яда?»

Даже сквозь маску я ощутила странный цветочный аромат.

«Пахнет», - сказал с тревогой один из солдат.

«Сколько крыс отравил Ищейка Цу?»

«Он их не считал».

«Говорят, ему кто-то перерезал горло».

«Тихо», - сказала я. – «Слушайте».

Где-то рядом падали капли.

Мы пошли на звук.

В первой комнате было пусто.

Наверное, воры побывали здесь после смерти Мастера Ляня и уже облегчили судьбу дома.

Поначалу показалось, что посреди комнаты растеклась черная лужа.

Но это была не лужа. И это были не капли.

С потолка падали мертвые пауки.

За следующей дверью были крысы.

На полу. На столе. На пыльной застеленной кровати.

Многие лежали обнявшись, некоторые держали друг-друга за лапки, за хвосты.

Мы продвигались вперед осторожно, стараясь не наступить на лежащих.

Двери скрипели протяжно и горько. Будто звали хозяина.

Третья и четвертая комната были пусты.

Что-то захрустело под ногами. Я присела, провела рукой по полу. Поднесла к лицу перчатку. К ней прилипли разбитые скорлупки яиц Священной Птицы Ки.

«Э, нас было четверо, а сейчас трое».

«Кого нет?»

«Охранника Ми Ку!»

Тени заметались по стенам.

«Эй, Ми Ку!»

«Не кричи».

«Почему?»

Тишина.

«Он струсил и убежал», - сказала я.

«Вообще-то мы тоже, того, струсили».

«Кто?» - я повернулся к охранникам.

«Я, Охранник Мань».

Передо мной стоял кривенький лопоухий солдат. Войлочная маска съехала ему на глаза. Чтобы видеть, он наклонил голову вперед.

В свете факелов, казалось, что его уши движутся.

«Слышите? Шаги» - сказал Охранник Мань.

Мы прислушались.

Кто-то, мягко ступая, прошел за следующей дверью.

Мы открыли ее. И вздрогнули.

Сотня глаз отразила огонь факелов.

На нас смотрели куклы.

Зал был завален головами, руками, ногами, туловищами.

Как будто усеянное трупами поле боя.

Я споткнулась обо что-то, чуть не упала и на мгновение забыла об опасности.

На полу лежал старик.

«Мастер Лянь?» – я была удивлена. – «Его же убили две луны назад во время боя в Хун-Тонге».

Я присела рядом с телом. Оно еще не остыло.

«У него зеленоватые белки глаз».

«Это из-за яда», - голос Охранника Маня дрогнул. – «И нас почему-то уже двое».

Я встал. Поднял над собой факел.

Треск пламени. Неподвижные кукольные глаза.

Было слышно, как зубы Охранника Маня выбивают дробь.

Сильный удар почти вышиб из меня жизнь.

Пока я падала – видела, как бежит прочь лопоухий Мань.

Надо мной наклонилась тень.

Я успел разглядеть лишь руку женщины.

На сшитой будто из кусков руке не хватало одного ногтя».

«Знакомая рука», - прохрипела я и умерла.

Рассказ Госпожи Чоу, совершенно иначе представил всю историю куклы Невесты Лянь и Наместника Тана. Честно говоря, я и сам не ожидал подобного поворота. Впрочем, не надо сбрасывать со счетов, что Госпожа Чоу, неисправимая фантазерка.

(Писатель Лао «Цветные Облака» ч.12 «Видение Госпожи Чоу – Мастера танцующего чая».)

Ни долгие усилия, ни глубокие знания, ни точное исполнение последовательности, ни искусная беседа приглашенных, не сделает чай танцующим, если вы заранее не почувствуете его танец. Если не почувствуете, как, проплывая над языком, он меняет свой вкус, представляясь то зеленым, то черным, то красным, то белым. Без лишних сочетаний, без суеты, согласуясь с вашим сердечным ритмом и настроением.

Подготовить себя можно отгородивших от приглашенных легкой бумажной ширмой или облаком птенцов Священной Птицы Ки.

За чайным столиком вы можете разговаривать обо всем. Главное – не повышать голос, не торопиться и пристально не смотреть на заварной чайник.

Если на чай обращать внимание, то он не заварится должным образом. Допускаются только скользящие ласкающие взгляды.

Время суток, день недели, погода, воображаемое положение звезды Иль Су – все должно быть приведено вами к единству.

Может быть, тогда чай начнет танцевать?

(Пожелание танцующего чая от Госпожи Чоу. Написано тушью на небольшом листке рисовой бумаги. Обнаружено между страниц в авторском экземпляре книги Писателя Лао «Цветные Облака». Подобная записка является знаком расположения и участия в Хун-Тонге.)

Раньше считалось – глаза живой куклы могут подарить зрение слепому. Это заблуждение было настолько велико, что 120 поколений назад Хун-Тонг подвергся нашествию слепых.

Они приходили в город по одному, по двое, по трое… Заполняли улицы. Стучали посохами в дома. Искали мастера кукол. Просили глаза у прохожих.

Кукольные глаза приносили короткую радость лишь немногим. Тем, кто был слеп от рождения. Они начинали считать, что видят. Они просто не знали, что это такое.

Я вспомнил эту историю, когда выходил из тюрьмы.

Яркий свет на мгновение ослепил меня.

(Мастер Ти «Четыре стены и Писатель Лао».)

Допрос №28.

Следователь И: Ну?

Барабанщик Сон: Да.

Следователь И: Что?

Барабанщик Сон: Сознаюсь. Без барабана нельзя. Вот и украл шкуру. А шкура - дрянь. Звук глухой.

Следователь И: О шкуре потом.

Барабанщик Сон: Так что же? Из-за Фу и его пиявок?

Следователь И: А что с пиявками?

Барабанщик Сон: Травил. Иногда. Он новых набирал. За пиявок разве в колодки сажают?

Следователь И: Зачем же травили?

Барабанщик Сон: Чтобы знал, что не все его любят.

Следователь И: А его не все любят?

Барабанщик Сон: Но он об этом не знал.

Следователь И: Видели раньше такую книжку?

Барабанщик Сон: «Великий учитель №3»? Нет, не видел.

Следователь И: А вы полистайте.

Барабанщик Сон (удивленно): Йо.

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Танцовщица Ли, Укротитель Пиявок Фу и я пришли навестить Барабанщика Сона.

Нас сразу пропустили за тюремную ограду.

Наверно Танцовщица Ли могла пройти всю тюрьму насквозь, если бы захотела.

Окно камеры Барабанщика Сона чуть выше земли.

Сквозь частую решетку окна нельзя передать чашку с рисом.

Танцовщица Ли кормила Барабанщина Сона.

«Поганец этот Писатель Лао - книжку у меня украл. Я к нему как к мастеру за советом», - Барабанщик Сон говорил с набитым ртом.

«Теперь все выяснилось?» - спросила Танцовщица Ли.

«Да уж, разобрались».

«И что Писатель Лао?»

«Сидит пока. Следователь И не знает, что с нами делать. Ммм… Рис пересолили».

«Зато теплый еще. Мы торопились», - сказала Танцовщица Ли, опуская палочки с рисом сквозь решетку.

Точное движение кисти Танцовщицы Ли. Палочки ни разу не коснулись прутьев.

«Кто же теперь бьет в мой барабан?»

«Маленький Тунь».

«Как? Получается?» - Сон на мгновение перестал жевать.

«Не очень», - ответил Укротитель Пиявок Фу.

Он тоже смотрел на кисть Танцовщицы Ли.

«Значит, трудно без меня?»

«Трудно».

«Какой от Туня толк?» - Барабанщик Сон повеселел. – «Слабый. Ритм не держит. Палочками барабанить еще туда-сюда, а вот колотушкой. Она больше него».

«Вместо колотушки он бьет в барабан головой», - улыбнулась Танцовщица Ли.

Когда она улыбалась, ямочки на щеках ее становились глубже.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Не умеешь тушить? Поджигай.

(«Великий учитель №3».)

История афоризма в Хун-Тонге.

800 поколений - достаточный срок, чтобы не просто отточить мысль до совершенства, привести ее к четкой лаконичной форме (текст, жест, действие), но и начать сомневаться в ее верности.

Афоризм начинался как определение, как попытка выстроить простую и понятную систему жизненно важных координат.

«Мир – то, что видит вокруг себя Госпожа Ку Мо». (Господин Ку Мо 670 п.н.)

Но очень скоро становится ясным, что такой афоризм лишь часть более общего.

В «Учебнике реальных сил Сэюмо» написано: «Ранняя мысль Хун-Тонга сама поймала себя на простоте. Не все так просто в том, что кажется простым».

«Если ты думаешь, что говоришь правду, значит, не знаешь всех обстоятельств!» (О Дук Та 540 п.н.)

Возникают афоризм–игра, афоризм-образ.

«Человек – ошибка Малого Бога». (Сан Чи У 490 п.н.)

«Когда есть все, то хочется большего». (Бин Чо Лин 280 п.н.)

«Жизнь как окно – только открыл и уже холодно». (Ин Тао 150 п.н.)

В настоящее время равноправно существуют все виды описанных афоризмов.

И лишь 5 поколений назад начал проявляться новый подход к афоризмосложению.

Начало ему, как ни странно, положили рыночные зазывалы и уличные торговцы.

Они расхваливали свой товар порой так настойчиво, что некоторые фразы до сих пор живут в народе. Правда, раньше, их происхождение считалось недостойным.

«Пончик багряный – пышный, румяный!» (примерно 4 п.н.)

«Отдай бабушке зубы». (3 п.н.)

«Кто тебя поцелует сегодня ночью?» (1 п.н.)

«Вспомни лужок». (1 п.н.)

На первый план выступает обаяние или сила сказанного и много раз повторенного словосочетания, смысл которого каждый раз может быть истолкован по-разному. Без конкретного контекста фраза, теряет смысл, однако приобретает его в новом прочтении дел и событий.

(Учитель Сё «История Хун-Тонга и…»)

Хромой Лю вызвал меня в ночь.

Цирк спал.

Господин Хван уже потушил фонарики.

Из кустов доносился храп приставленных для наблюдения, полицейских.

Хромой Лю, то и дело, оглядывался.

Боялся, что его заметят.

«Я знаю, где живет Капитан Чань», - сказал он. – «Три ся».

Я не ответил.

«Ты ходишь по Хун-Тонгу, ищешь Капитана Чань». – заторопился Хромой Лю. – «И твоя живая Книга кричит об этом на каждом шагу».

«Это не Книга. Это я кричу».

Хромой Лю вздрогнул. Повстанец в переплете из мешковины появился из темноты.

В цирке его теперь звали Книга.

На этот раз Книга ничего не сказал. Просто подошел ближе.

«Ну, ладно, два с половиной. Нет? Два». - Хромой Лю нахмурился, почесал глаз. – «Сколько у вас? Полтора?»

«Это слишком дешево», - сказал я.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

Господин Хван, держась за грудь, расставлял по цирку курительные палочки.

Запах гари перебивал их аромат.

Мы меняли часть сгоревшего ограждения арены.

На этот раз от жара танца сгорел не только бамбук, но погнулись и оплавились железные стойки по бокам арены. Раньше Господин Хван ими очень гордился.

«Когда мне было четыре года», - рассказывал Клоун Дэн Ду Мин, выламывая из ограды обугливший бамбук, - «я мечтал стать пиратом нашего Зеленого Пруда».

«Там ведь даже лодка не проплывет», - удивился Укротитель Пиявок Фу. – «Это тебе не Река Вао Хэ».

«Вот я и был бы там первый пират», - ответил Дэн Ду Мин.

Все засмеялись.

«Если она и третий раз так станцует, не только цирк, а половина Хун-Тонга сгорит», - сказал Маленький Тунь.

Он привел Слепого Борца Мо, нагруженного бамбуком.

Помахивая тростинкой, Тунь вел Мо на веревке, как погонщик ведет за хобот слона.

Мо сбросил бамбук посреди арены и, по своему обыкновению, стал прислушиваться, стараясь уловить дыхание Женщины-Пальмы. Но там, где был Слепой Борец Мо, не было Женщины-Пальмы.

«Сгорит Хун-Тонг - не сгорит», - сказал Укротитель Пиявок Фу, - «зато какой будет танец».

После пожара Танцовщица Ли сидела в своей палатке.

Я видел, как перед выступлением, она вышла от Гадалки Цай.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

«О чем ты разговаривала с Танцовщицей Ли?»

«Давай спать».

«Скажи».

«Она говорила, что я беру ее будущее».

«А ты берешь?»

«Немножко».

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Мы с Книгой живем в палатке Циркача Пу.

Циркач Пу рослый и крепкий.

Смотрит, будто что-то ищет в тебе.

Из него вышел бы неплохой следователь или начальник штаба.

Циркач Пу всегда говорит о Танцовщице Ли.

К нему приходит Укротитель Пиявок Фу и тоже говорит о Танцовщице Ли.

Иногда Циркач Пу пытается повторить движения Танцовщицы.

Начинает двигаться, подпевая и объясняя.

«Тан. Тири-ри-тан, тонг. Ровная ступня, четкий удар о землю. Тири-ри. Тан-тонг. Ладонь от себя. Пальцы. Тан-ти-ти-тунг. Очень важно как они расположены. Тири-ри-тан-ти. Вот так. Нет, вот так. Тири-тан-тунг. Поворот головы. Можно развеять туман. Тан-тан. Тири-ри. Можно жаром расплавить Хун-Тонг».

Никогда не слышал раньше таких хороших слов: «Тири-тан-тонг-ти-ри-тунг».

Однажды я стал повторять движения за Циркачом Пу.

Тири-тан-ти-ри-тан. Тан-ти-ри-тонг.

Мы танцевали.

Играли в Танцовщицу Ли.

Две неуклюжих Панды Сун в тесной палатке.

Книга смотрел на нас: «Тан-тан. Ти-ти-тонг», - повторял в такт.

«Циркач Пу, ты любишь Танцовщицу Ли?»

«Нет. Конечно же – нет», - слишком торопливо ответил.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

«Лучше помалкивать», – сказал Барабанщик Сон и ловко поймал ртом очередную порцию риса, просунутую сквозь решетку. – «Неизвестно, кого приведут за собой твои слова».

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

У Книги течет из носа.

У Книги слабое здоровье.

Я давно забрал у него свою рукопись. Но он помнит все. И по ночам таскает у меня свежие записи.

Я купил для Книги луковицу.

Сок лука выжигает насморк.

«В Хун-Тонге всегда так», – говорит Книга сквозь луковые слезы. – «От слова, от жеста, начинает бродить в людях сила. Желание делать что-нибудь. А «что-нибудь» - это вовсе не то, что нужно».

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

Пуля в цирке.

Она влетела, расщепив бамбуковую перегородку.

Прошелестела над зрителями и ареной.

Отняла часть уса у Господина Хвана.

Отскочила от металлического шеста.

Покружила над Слепым Борцом Мо, упала к ногам Генерала.

Он поднял пулю, посмотрел на нее, прищурив глаз.

«Пуля из Пистолета Чун», - сказал громко. – «Ерунда!»

Зрители побежали к выходу.

Под ногами захрустело брошенное печенье.

Восстание важнее представления.

С улицы Повешенного Ученика слышались выстрелы и крики.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Хор тысячи голосов у тюремной ограды:

«Писатель Лао! Свободу Писателю Лао!»

Под натиском возмущенного народа пошатнулась тюрьма. Треснули двери каземата.

Вот она – свобода!

(Писатель Лао «Моя тюрьма».)

У повстанцев старые пистолеты Чун. Ими Комаров Ёнь пугать.

Выстрел из пистолета Чун напоминает треск малых петард, которые используют в Ти-Тунге, перед Ночью Тишины. Прицельную стрельбу из этого пистолета вести нельзя. До мишени должно быть не больше двенадцати шагов.

Повстанцы берут числом и хаотичностью.

Их отряды трудно локализовать регулярным полицейским подразделениям.

Поначалу уличные бои больше напоминают игру в догонялки.

Мы с Книгой шли по восставшему Хун-Тонгу. Я смотрел в лица пробегавших мимо женщин. Иногда мне казалось, что я вижу лицо Капитана Чань.

Книга прячется за меня.

В суете и стрельбе есть свое спокойствие, своя жизнь. Как и в полете, когда тебя бросает Слепой Борец Мо.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

Восстания в Хун-Тонге традиционны. Традиция эта настолько глубока, что ее исполнение уже приняло характер народного праздника. Как День Повешенного Ученика или Праздник Похищенных Глаз.

Традиционности восстаний способствовали и тайные Клубы Любителей Слов, которые так популярны среди низших слоев общества.

В битвах за афоризмы клуб на клуб проявлялась тяга простого человека к знаниям, которые кажутся ближе богатства.

«Умение читать настораживает», - писал Учитель Сэюмо.

Шу Сюань (173 п.н.) в своих «Зимних беседах с Ту Инем у жаркого очага» заметил: «Восстать могут только рабы».

Восстание всегда происходит из-за отсутствия воображения и потери иллюзий.

Шум, движение, действие дарит восставшим новую иллюзию, что все скоро изменится.

Конец восстания – конец мечты.

(Учитель Сё «История Хун-Тонга и…»)

Тюрьму повстанцы нечаянно снесли.

Новые арестованные рыли за городом тюремные ямы.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

Из тюрьмы вернулся Барабанщик Сон.

На тощей груди его был вытатуирован свежий кривой иероглиф «Удача», а на спине - чья-то круглая улыбающаяся рожа с таким же кривым иероглифом «Лунное лицо».

«Что означает лунное лицо на спине?» - спросил Укротитель Пиявок Фу.

«Оно означает, что надо бежать отсюда, куда глаза глядят», - сказал Барабанщик Сон и забрался в свой барабан.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Я встретил Писателя Лао через день после его освобождения.

Кто-то обчистил его дом и поделил его книги.

«Рано радуетесь. Дайте срок», - сказал Писатель Лао. – «Теперь точно нам всем ноги поотрубают».

(Мастер Ти «Четыре стены и Писатель Лао».)

Отрядом повстанцев командовал Хромой Лю.

Вокруг его головы кружило облако птенцов Священной Птицы Ки.

Лю отмахивался от облака, дул на него, чихал, когда от неосторожного вдоха птенцы залетали ему в нос. Но облако продолжало кружить.

Члены отряда Хромого Лю со злорадством наблюдали за мучениями командира.

Около ног Лю лежали связанные Слепой Борец Мо, Книга и Женщина-Пальма.

Она возразила, когда Книгу повалили на земь и стали вязать.

Из-за ее возражений лица многих повстанцев распухли и походили теперь на цветные пончики.

«Ну», - сказал Хромой Лю, затыкая пальцами нос, - «где же Генерал Хо? Книга всегда с ним ходил».

«Вы что думаете, что он настоящий Генерал Хо?» - спросил Господин Хван. – «Здесь? В моем цирке?»

«Я ничего не думаю», - ответил Хромой Лю.

Повстанцы, которые могли, засмеялись.

Лю злым взглядом оборвал смех.

«Если человека нет, его трудно поймать», – сказал Книга.

«Кучка психов». - Хромой Лю закашлял, замахал руками. – «Кыш! Кыш! Когда же это кончится?»

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Мы покоряемся возрасту, когда вспоминаем детство своего ребенка.

(«Великий Учитель №3».)

«Сможем ли мы когда-нибудь до конца разобраться в этой истории?» – переспросил я и пожал плечами. – «Не знаю. Никто ничего не знает».

«Все зависит от языка, дорогой Писатель Лао», - сказала Госпожа Лу Чонг. – «Можно сказать: «Никто ничего не знает». Или наоборот: «Все знают все». Хун-тонгское наречие не допускает конструкций «Никто знает все». Предложение «Все не знают ничего» кажется возможным лишь на первый взгляд, но простой здравый смысл подсказывает, что все знают что-то».

Госпожа Лу Чонг – знаток языка. Ученица и последователь великого Учителя Сё.

У Госпожи Лу Чонг только что закончились занятия, и она все еще лелеяла преподавателя в себе.

«Я не увлекаюсь украшениями», - продолжала Госпожа Лу Чонг. – «Тем более, после этого случая. Экскурс в историю языка был бы приятен. Если бы не все остальное».

Госпожа Лу Чонг принялась обстоятельно стирать с пальцев след цветных мелков.

«Я не знаю, почему в доме, в котором я оказалась, окна были завешаны траурной тканью.

Я стара. Я мужчина. У меня небольшая белая бородка, и странно видит правый глаз. Видимо, я косоглаза.

Чтобы глаз не мешал, я все время прикрываю его.

Сначала мне показалось, что я дух умершего хозяина дома. Но у духов, наверное, не болит поясница и не бывает… (на мгновение Госпожа Лу Чонг задумалась, подбирая слова) мокро в паху.

Я кладу моток тонких воловьих жил на стол.

На столе лежит кукла.

Она жива, но не цела.

Она смотрит на меня.

Вся ее кожа покрыта грубыми швами.

Я начинаю сшивать кожду на ноге кривой похожей на крючок иглой.

«У Наместника Тана остался только твой ноготь», - говорю, я. - «Но наши ученые крысы, со временем, добудут и его».

Крысы сидели в проеме двери на задних лапках, слушали меня.

Когда речь заходила о них, крысы кивали.

Кукла улыбнулась.

Сквозь швы на губах проступила ее красота.

Вся комната завалена частями кукол. Ноги. Руки. Глаза. Головы.

«Посмотри, сколько здесь тебя», - говорю кукле. – «Твое детство. Первые годы. Школа. Юность». - Я указываю на части кривой иглой. – «Каждый раз я делал тебя все лучше».

Я говорила на древнем хун-тонгском наречии, когда открытые звуки можно было произносить более кратко, а то и проглатывать вовсе.

«Вон те маленькие ручки ты тянула к матери, когда я укладывал тебя рядом с ней.

Она так и не узнала, что наш ребенок умер.

Она ушла из мира через три луны после родов, не успев понять твоей кукольности.

Но три луны она была счастлива».

О своей покойной жене я говорила легко. Это была привычка, которая со временем прорастает в любую боль.

«Я могу создать новую жизнь, но не могу сохранить старую», - говорю я. - «Правда, создать свою смерть у меня получилось не хуже. Никто не стал возиться с зарубленным Муравьями стариком, которого я притащил в свой дом и одел в свое платье. Люди невнимательны. Теперь нас никто не найдет».

Послышался какой-то треск. Я не сразу поняла, что это мой смех.

«Я устала молчать», - сказала кукла.

Ее голос нес в себе мягкий, неизвестный мне акцент.

«Ты не говорила с Наместником Таном?»

«Нет».

«Почему?»

«Он искал не меня».

«Жалеешь об этом?»

Кукла не ответила.

Некоторая время я старательно сшивала разорванную кожу.

Вы пробовали когда-нибудь зашивать кривой иглой говорящую куклу? Я не упала в обморок только потому, что я была не я.

«Может быть, ты снеснялась своего голоса? Ты первая кукла, которая говорит как человек».

«Когда-то ты сказал, что не надо быть первым. Надо быть единственным».

«Сказал», - я улыбнулась. – «А еще я сказал, чтобы стать единственным, Мастер должен быть немножко глуп. Если он знает, что делает, то результатом будет только его скука. Ну, вот и все. Последний шов».

Кукла села на столе, потянулась.

Швы на ней заскрипели.

Теперь они казались причудливым рисунком на ее теле.

Вдруг запахло цветами.

Сладкий чуть терпкий неизвестный мне аромат.

Я заметила, что по комнате от светильников разлился зеленый свет».

(Писатель Лао «Цветные Облака» ч.13 «Видение Госпожи Лу Чонг – знатока хун-тонгского наречия».)

Куклы живут дольше тех, кто их создал.

Куклы всегда ищут Мастера.

Многие просто не знают своего создателя.

240 п.н. в судебных протоколах Хун-Тонга описывается случай, когда Кукла нашла и убила своего Мастера.

Он не соответствовал ее представлениям о Мастере.

Он не смог ответитить на девяносто три вопроса из ста шестидесяти пяти.

В «Учебнике реальных сил Сэюмо» сказано: «Сэюмо говорит: давайте думать, что наш Бог мал и неказист. Тогда, при встрече, он нас не разочарует».

(Мастер Ти «Сборник механических чудес».)

Допрос №29.

Мастер Ти: Видите как?

Следователь И: Бывает.

Мастер Ти: Если бы вы оставили в покое меня и Господина Дюшлена, я, вот сейчас, был бы вам обязан.

Следователь И: Зато теперь - из адвокатской конторы - в следователи. Карьера.

Мастер Ти: Бросьте иронизировать. Я прекрасно понимаю, что скоро здесь будет Армия Генерала Хо. Луна - полторы…

Следователь И: Тогда, почему вы здесь?

Мастер Ти: Считайте это любопытством.

Молчание.

Мастер Ти: Я не буду спрашивать, где прячутся ваши коллеги-чиновники. Ямы за городом полны и без них. Меня больше интересует другое.

Молчание.

Мастер Ти: Где, то, что осталось от Дюшлена?

Следователь И: Не знаю.

Мастер Ти: Кто такой Мастер Юнь?

Следователь И: Он теперь далеко.

Мастер Ти: Если верить протоколу допроса, он соединил голову и музыкальный автомат. Для этого надо быть Мастером.

Следователь И: Он и есть Мастер.

Мастер Ти: Я не слышал о таком.

Следователь И: О нем мало кто слышал.

Мастер Ти: Вы можете нас познакомить?

Следователь И: Нет.

Мастер Ти: Хочется посидеть в яме?

Следователь И: Последнее время я мало бывал на свежем воздухе.

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Мы стояли у открытой клетки.

«Кто аллигатора съел?» - голос Господина Хвана дрогнул.

«Повстанцы». - Укротитель Пиявок Фу потрогал синяк под глазом. – «Почему, когда начинается восстание, всегда заканчивается еда?»

«Хорошо, что они съели только заднюю часть», - сказал Маленький Тунь.

«Сегодня вечером будет хороший ужин», - сказал Барабанщик Сон.

«А вареную голову отнесем Слепому Борцу Мо и Женщине-Пальме», – предложил Маленький Тунь. – «Я знаю, где их яма».

«Они, что же, в одной яме сидят?» - спросил Укротитель Пиявок Фу.

«В одной», - кивнул Маленький Тунь. – «Глубокая такая яма. А Книга пропал».

«Про Женщину-Пальму сразу и не скажешь - он или она», - заметил Клоун Дэн Ду Мин.

Гадалка Цай улыбнулась.

«Что ж ты улыбаешься, девочка?» - Господин Хван посмотрел на нее с укором. – «Это так у нас все наладилось?»

«А вы хотели, чтобы было хуже?»

«Ничего», - ободрил всех Укротитель Пиявок Фу. – «Скоро к Хун-Тонгу подойдет Армия Генерала Хо».

«Вот тогда и станет хуже», - добавил Барабанщик Сон.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Армия Генерала Хо осталась.

Генерал Хо исчез.

Они прячут меня от Хромого Лю, хотя и не думают, что я настоящий Генерал Хо.

Они называют меня так, потому что я сам себя так называю.

Если у меня вдруг вырастут огромные уши, или руки вытянуться до небес, или я превращусь в Бабочку Синь, они, конечно, раскроют рты. Господин Хван тут же придумает новый номер, а Циркач Пу побежит записывать увиденное.

Уродство для них – норма.

И для меня - норма.

Цирк.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

«Где спит Хромой Лю?» - спросил я Гадалку Цай, когда она зашла в палатку Циркача Пу.

«Может быть тебе лучше узнать, где Капитан Чань? Где Книга?» - сказала Гадалка Цай.

«Их я найду сам».

Гадалка Цай посмотрела сквозь меня:

«Третий дом по левой стороне улицы Светлой Ночи. Там жила раньше Госпожа Ло Хуа с сыном. Первая комната направо».

«Раньше ты никогда не помогала убийце?»

«Надо же когда-то начинать».

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

В темноте я прохожу вдоль спящих постов через улицу Повешенного Ученика к улице Светлой Ночи.

Хромой Лю спит в брошенном доме Госпожи Ло Хуа на ее ложе.

Мягко посапывает.

Его рот открыт.

Я присаживаюсь рядом, опускаю свою ладонь на его губы и нос.

Хромой Лю вздрагивает, открывает глаза.

Я крепко прижимаю его тело.

Крепко держу свою руку.

Ему нечем дышать.

«Нельзя спать в доме. Нельзя», - шепчу я. - «Ну, скажешь теперь, где живет Капитан Чань?»

Хромой Лю быстро и согласно машет ресницами.

«Скажешь, где Книга?»

Хромой Лю пытается кивать, но моя ладонь прижимает его голову.

Воздух в его груди тяжелеет.

«Может, ты хочешь выкупить свою смерть? Сколько у тебя? Три ся? Два? Полтора?»

Взгляд Хромого Лю мутнеет.

Он больше не видит меня.

Я вытер руку о покрывало.

Захотелось есть.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

Это произошло неожиданно.

Мы столкнулись в узком проходе между палатками.

Четвертую ночь никто не зажигал цирковые фонарики.

Я поцеловал Танцовщицу Ли.

Если она была куклой – значит, я хотел поцеловать куклу.

Ее щека прохладна и упруга.

Она отстранилась. Но так, чтобы я смог поцеловать ее еще раз.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

В истории Хун-Тонга и Ти-Тунга существует несколько великих личностей, которые оказывают сильное влияние на разум пациента. В моей клинике уже побывало три Невесты Лянь, четыре Наместника Тана, два Наместника Э и даже один Малый Бог, который все время просил, чтобы его спрятали в коробочку из-под сонных таблеток Хао-Хао.

Я различаю два типа проецирования известной личности на ум пациента.

Первый тип. Все силы больного направлены на признание окружающими его статуса конкретного великого человека. Первый тип поддается лечению достаточно успешно.

Второй тип – больной полностью проецирует на себя чужую личность и не требует доказательств своей подлинности. Лечить второй тип сложнее. Трудно опровергнуть то, что не требует доказательств. Если таким пациентом заменить реального героя, то ход истории останется прежним.

(Доктор Джи «Разумная доля безумия».)

«Кто-то на улице Светлой Ночи целый дом повстанцев передушил». - Барабанщик Сон привычно покачивался в своем барабане.

«Целый дом?» - Укротитель Пиявок Фу присвистнул от удивления.

«Смерть все делает больше», - сказала Гадалка Цай.

Она смотрела на огонь, в поднимавшиеся к небу искры.

Генерал Хо протянул к костру руки. Пламя дрогнуло около его ладоней.

«Может быть, это Следователь И?» - предложил Маленький Тунь. – «Когда я ходил навещать вчера Мо и Женщину-Пальму, то слышал, что И сбежал».

«Как они там?» - спросил Клоун Дэн Ду Мин.

«Тихо». - Маленький Тунь почесал сразу оба уха.

«Чтобы в одной яме и тихо?» - Клоун Дэн Ду Мин недоверчиво покачал головой.

«Иногда Мо громко считает до тридцати».

«Зачем?»

«Говорит, что ему хочется петь, но он не умеет».

Все замолчали, когда к нашему костру вышла Танцовщица Ли.

Она сделала это впервые.

Подошла и села рядом с Гадалкой Цай.

Гадалка Цай чуть подвинулась, давая ей место.

Клоун Дэн Ду Мин подбросил веток в костер, а две приставил к голове как рога.

«Му», - сказал коротко и без выражения.

Никто не засмеялся.

Только Танцовщица Ли улыбнулась беспомощно.

Она сидела, терпела, старалась смотреть мимо нас.

«Завтра опять без представления?» - сказал Фу.

«Какое тут представление? Зрители по ямам сидят», - ответил Маленький Тунь.

«Да уж».

«Му».

Мы не привыкли говорить при Танцовщице Ли.

Разговор таял.

«Пора спать», - вздохнул Барабанщик Сон и закрыл барабан на ночь.

Потом, у Зеленого Пруда, я и Фу допили последнюю меру рисовой водки.

«У меня нет никого ближе пиявок», - сказал Фу. - «Наверное, это хорошо, что есть кто-то близкий? Хоть кто. Вот и укрощать их не надо, а сердце отдай».

Фу подошел к воде и вылил банку с пиявками в пруд.

«Пусть отдохнут», - сказал.

Мы заснули на берегу.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

История возлияний в Хун-Тонге стара, как Хун-Тонг.

В Летописи Теней рассказывается о пьяном плотнике То Мэе, который построил дом для Трех Танцовщиц. Дом не боялся жара, в нем было много места, чтобы ступать по воздуху.

С тех пор в Хун-Тонге первая плошка рисовой водки всегда обращена к дому. Пьяницы, как бы говорят, что главное их племенем уже сделано.

В поэме «Восстание муравьев» Невеста Лянь, во время похода, после трех выпитых плошек видит, как Мастер Лянь грозит ей пальцем из Хун-Тонга.

В семнадцатой Книге Малого Бога Наместник Тан пытается утонуть в вине, считая, что смерть в вине благороднее смерти в воде.

Вместо смерти Наместник Тан находит веселье.

Судья Лин Фо (410 п.н.) называл пьянство «массовым порядком».

Сэюмо говорил: «Гости приходят, чтобы пить и пьют, чтобы уйти».

«Размышляющий человек должен пить. Так он легче не понимает то, что понять не может», - пишет У Жэнь (387 п.н.) в своем трактате «Поиск осенних ответов возле Храма Малого Бога». И позже добавляет: - «Пьянство в Хун-Тонге – второе восстание».

(Учитель Сё «История Хун-Тонга и…»)

Господин Хван не знал, что купил на рынке Адвоката Дюшлена.

Господин Хван отдал за него оставшуюся лапу Аллигатора А.

Над музыкальным ящиком, сделанным из Адвоката, основательно потрудились. Он превратился в блестящий праздничный музыкальный шар. Правда, из шара торчала все та же голова.

Дюшлен теперь напоминал детскую игрушку – Неспящий Чук.

Неспящего Чука нельзя повалить на бок, он все время встает.

И музыка из шара теперь доносилась другая. Я узнал мелодию песни Далеких Мыслей.

Адвокат Дюшлен был доволен своим нынешним положением.

«Maintenant ne pas me faire. Теперрь меня не свалить». - Адвокат Дюшлен радостно поднял брови - «L'aphorisme».

«Это Мастер Юнь починил вас?» - спросил я.

«Oui. Oui. Это ён. Я теперрь не хёчу отрывать себе телё. Pourquoi? Я изменился», - сказал Адвокат Дюшлен и запел душевно.

Голос у Адвоката Дюшлена глубокий. От пения шар-тело его теплеет. Внутри появляются и мигают редкие огоньки. Словно заблудились Светлячки Пынь.

«Il n'a pas eu le temps d'échanger seulement les paroles. Мастер Юнь не успел пёменять. Тольке рречь. Гёлёса. Les défauts. АвтЁррский дёфект».

«Почему же он вас продал?»

«Il n'a rien à manger. Ему нечего кюшАть. Oui».

«Где живет Мастер Юнь?»

«Est absent. Не сказать. И Госпёдин Хван обещал Мастерру Юнь не показывать меня никёму... À personne. …целый месЯц».

Адвоката Дюшлена тоже прячут в моей палатке.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

В Хун-Тонге никогда не одобряли связей между куклами и людьми.

Такое отторжение окончательно сформировалось после Восстания Муравьев в эпоху Наместника Тана.

Неприятие было столь велико, что Мастер Ду И, создавший Куклу Удовлетворения Мужских Желаний (429 п.н.), был растерзан в своей мастерской возмущенными женщинами.

Кукла Мастера Ду И имела два языка во рту и два между ног. Она не просто вызывала, но и возрождала желания мужчин.

Общество Хун-Тонга в вопросах соития с куклами было настолько консервативно, что к революционному можно отнести высказывание Мастера Гоу (370 п.н.). В своем труде «Весеннее настроение механики» он писал: «Зачем нужна кукла, если с ней нельзя играть, как с человеком?» Но намек Мастера Гоу понят не был. К тому времени уже существовали законы, запрещающие соитие и браки между куклами и людьми.

Попытки соития кукол, попытки двух кукол создать третью, в литературе Хун-Тонга освещены слабо.

В народе детьми кукол считаются карлики и металлические шары. Но это невежество и предрассудки.

Здесь мы подходим к основным вопросам механики:

1. В чем смысл создания кукол?

2. Почему куклы пытаются создать куклу?

3. Почему куклы так похожи на своих создателей?

4. На кого похожи сами создатели?

Это четыре из тех девяносто трех Вопросов Куклы, на которые 240 поколений назад не смог внятно ответить найденный ею Мастер.

(Мастер Ти «Сборник механических чудес».)

Неподалеку от цирка Господина Хвана меня остановили двое, вооруженные Пистолетом Чун и палкой.

Патруль.

Повстанцы захотели посмотреть мою именную табличку. Им не понравился мундир Майора Лоу.

Я уложил их в придорожную канаву. Прикрыл удивленные застывшие лица сухими ветками.

И вдруг поймал себя на том, что напеваю песню, которую услышал от Неспящего Чука - моего нового соседа по палатке.

Горы мглой окружены.

Свет уходит из долин.

Ждет меня мой Господин

В небесах седьмого дня.

Я спешу по облакам

Выше неба, выше звезд.

Тише гомон птичьих гнезд.

Вот и все. И нет меня.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

Любовь просто есть. Она смеется над добром и злом. Она может сделать человека счастливым, а может убить тысячи.

Любовь доступна и праведнику и подлецу с той лишь разницей, что каждый в любви идет своим путем. И для каждого он может быть тернист, мучителен, горек, сладок, краток или долог, как сама жизнь.

Любовь не надо заслуживать, не надо зарабатывать. Ее можно только получить. Просто так. Как шаг к спокойствию или плату за будущее предательство.

Любовь лишает нас реальности, даря взамен лучшее из того, что придумано.

(Учитель Сё «История Хун-Тонга и…»)

«Cher Écrivain Lao. Доррогой Писатель Лао, подёбный ррассказы, je pense, не пёвредить моей пррактИк. Et ma réputation. Oui. Им ничто не пёвредить».

Акцент Адвоката Дюшлена и его невозмутимость придают ему обаяния. Не удивительно, что он блестяще выигрывает все процессы в суде.

Дом его почти пуст. Есть только то, что действительно необходимо. Да еще изредка хрустнут под ногами скорлупки яиц Священной Птицы Ки.

С разрешения Адвоката Дюшлена текст его рассказа чуть подправлен:

«Я ощутил себя куклой. Женщиной.

Все тело мое в швах.

Швы тянут и скрипят.

Я лежу под легким покрывалом. Рядом со мной - мужчина.

Он смотрит на меня.

Тусклый неприятный взгляд.

И еще я чувствую на себе его запах.

«Я найду нового Мастера, и ты будешь прежней»,- говорит он.

Его пальцы скользят по моему телу. Гладят швы.

«Вернулась».

Он устал. Капельки пота на лбу.

Из-за швов моя кожа бугриста, как кожа Аллигатора А.

А он счастлив.

Он закрывает глаза.

Начинает дышать медленно, спокойно.

Засыпает.

Я достаю длинную заостренную бамбуковую щепку.

Приставляю щепку к его глазу.

Веко. Выпуклость зрачка.

От глаза до острия – толщина волоса.

Я готов убить.

Луна осветила его лицо.

«Тогда он умрет счастливым», - вдруг слышу я.

Я пугаюсь и не сразу понимаю, что эти слова прозвучали в моей голове, что это мои мысли.

Я вглядываюсь в его лунное лицо.

«Теперь он всегда будет искать тебя».

Я медленно поднимаюсь с ложа, оставляю щепку рядом с ним.

Потом я бегу.

В ночь.

Собаки идут по моему следу. Я слышу их лай на соседней улице.

«Это любовь Наместника Тана бежит за тобой», - слышу я свои мысли.

Любовь бывает лохмата, зубаста и зла.

Земля вздрагивает от ее лап.

Каждый из псов быстрее, сильнее, тяжелее меня.

Я бегу в Храм Малого Бога.

Лай все ближе.

Черный проем входа.

Я внутри Храма.

Темнота.

Тяжелое дыхание пса за моей спиной.

По извилистым переходам все дальше и глубже. Наконец, я останавливаюсь.

Пес рядом. Он скулит, прижимается к моим ногам.

Ему страшно».

(Писатель Лао «Цветные Облака» ч.14 «Видение Господина Дюшлена – одного из лучших адвокатов Хун-Тонга».)

Первые капли ударили в землю.

Дождь высек дробь из дома Барабанщика Сона.

От этой дроби вздрогнула Гадалка Цай, вышла из палатки, подставила лицо небу.

В своей яме Слепой Борец Мо громко и радостно считал до тридцати.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

У кого нет дома - не может понять красоту дождя.

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Маленький Тунь и Клоун Дэн Ду Мин бегали от палатки к палатке.

Прыгали в лужах.

Смеялись.

Неспящий Чук тихо запел надо мной.

Я лежал и не мог вспомнить лицо Книги, лицо Капитана Чань.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

Дождь барабанит по пологу палатки Танцовщицы Ли.

Она обняла мою голову.

Прижала к себе крепко.

Я не слышу шелеста механических жил.

Частый стук сердца.

Шепот.

Пытаюсь разобрать ее слова.

Не могу.

Чувствую, как вздрагивает ее тело.

Могу протянуть руку и пальцами ощутить эту живую дрожь.

Могу дотронуться до каждой мурашки на ее теле. До каждой родинки…

Прижаться к бедру.

Щекой по груди, чтобы почувствовать ее желание.

Не различаю движений.

Плыву.

Кажется, кусаю ее за плечо.

И тогда меняется ритм.

На жесткий и быстрый.

Жар.

Кожа внизу живота трещит от огня.

Лицо. Грудь. Бедра.

Мне не хватает рук.

А она сжимает меня собой все сильнее.

Острые скулы.

Открытый рот.

Выдох тяжелый и сильный.

Потом еще долго я не могу собраться с мыслями.

Я провожу рукой по ее телу.

У ее ног моя рука замирает.

Я устал. Пот жжет глаза.

Нет сил утереть его.

Она лежит не двигаясь.

Только чуть вздрагивают ресницы и улыбка, как бабочка Синь, порхает над лицом.

Теперь я замечаю, что не снял с нее халат. Распахнул. Задрал к плечам длинные рукава.

Крохотная дырочка в пологе. Мы ловим губами дождевые капли.

Танцовщица Ли шепчет что-то. И я опять не различаю слов.

«Потому что ты», – шепчу я, наверное, невпопад и вспоминаю, что это слова Гадалки Цай.

Может быть, она услышала эти слова от меня в своих видениях.

Может быть, хотела, чтобы я сейчас вспомнил о ней.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Дождь над Хун-Тонгом.

В Летописи Теней сказано, что дождь придумала одна из трех Танцовщиц. Та, что умела ступать по воздуху.

Древние считали, если часто купать в дождевой воде новорожденного ребенка, то у него к трем годам могут вырасти крылья или плавники.

(Учитель Сё «История Хун-Тонга и…»)

Не считай капли. Смотри на облако.

(«Великий учитель №3».)

Я никогда не пишу во время дождя.

Стук воды в окно.

Будто кто-то важный пришел к тебе, а ты просто не впускаешь его в дом.

(Писатель Лао «Цветные облака», из предисловия ко второму изданию.)

Писатель Лао протянул руку сквозь прутья решетки.

Стоял и долго ловил падающие с неба капли.

Узкое оконце.

Частые прутья.

Моя рука не пролезет.

Мне незачем подходить к окну.

Завидую руке Лао.

(Мастер Ти «Четыре стены и Писатель Лао».)

Допрос №30

Мастер Ти: Последний Врач Хе Чу, я позвал вас для осмотра моего подследственного.

Последний Врач Хе Чу: Я Последний Врач. Я осматриваю трупы, а не людей.

Мастер Ти: Да и я не следователь. А Доктор Джи в Ти-Тунге.

Молчание.

Мастер Ти: Вот, например, я спрашиваю у него: (поворачивается к Книге) Имя?

Книга: «Имя Лейтенанта мы похоронили на высоте 37-99 вместе с его ногой и рукой, которые нашли после штурма. Имя героя достойно безвестности».

Мастер Ти (Хе Чу): Во как.

Книга: «Взрывом с ноги Лейтенанта был сорван сапог. Казалось, что его рука указательным пальцем щекочет голую ступню. У Лейтенанта всегда было отменное чувство юмора».

Мастер Ти (Хе Чу): Хотите, еще раз спросим?

Последний Врач Хе Чу: Хм.

Мастер Ти (Книге): Как твое имя?

Книга: «Беседы перед проигранной битвой».

Мастер Ти (Хе Чу): Он не кукла. Я проверял.

Книга: «Куклы-пехотинцы очень дороги, хотя и незаменимы в рукопашном бою».

Последний Врач Хе Чу (ощупывая бок Книги): Полагаю, у пациента увеличена печень.

Мастер Ти: Что?

Последний Врач Хе Чу (упавшим голосом): Печень.

Мастер Ти: Йо! Что я здесь делаю?!

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

«Из яиц Священной Птицы Ки повстанцы делают яичницу», - Капитан Чань усмехнулась.

Она смотрела сквозь меня, чуть наклонив голову набок.

И мне показалось, что я искал не ее.

Комната Капитана Чань почти пуста. Жесткая кровать, на которой сижу. Маленький столик. Несколько циновок из травы.

В углу - роба охотника за яйцами Священной Птицы Ки, лампа и ранцевый огнемет.

Пахнет оружейным маслом.

«Роба, наверное, уже не сходится?» - спросил я.

«Не сходится», - сказала она.

«Когда он родится?»

«Через пол луны».

Она отвела взгляд. Не хотела смотреть, как я морщу лоб, загибаю пальцы.

«Полевые учения», - сказал я.

«Да».

«Я еще плечо выбил».

«Да».

По полу спешил куда-то Таракан Шунь. На мгновение он остановился, посмотрел на меня, неодобрительно покачал усами.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

Дожди шли все чаще.

Если бы тюремные ямы были вырыты не в песке, то все бы заключенные к этому времени утонули.

Сегодня в сточной канаве мы обнаружили двадцать шестой труп повстанца.

У него было такое же удивленное лицо, как и у остальных.

Последний Врач Хе Чу сказал, что у трупа опять сломана шея.

«Действовал очень сильный человек, Мастер Ти. Даже сильнее вас. - Последний Врач Хе Чу протер залитые водой очки. – Посмотрите - шея у повстанца, как у быка. Хотя, пить ему, надо бы поменьше».

«Кому?» – не понял я.

«Трупу», – ответил Хе Чу. – «У него, хм, печень увеличена».

Вечером в своем кабинете я отметил на карте все места, где были обнаружены тела. Вышло три цепочки, которые начиналась на центральных площадях Хун-Тонга и заканчивалась неподалеку от цирка Господина Хвана. Около цирка плотность цепочек возрастала.

(Мастер Ти «Четыре стены и Писатель Лао».)

Сумасшествие в Хун-Тонге всегда было в чести.

Подчинятся сумасшедшему почетно. Дело, во главе которого стоит сумасшедший, считается обреченным на успех.

Одним из ярких исторических примеров можно считать строительство Наместником Э Храма Малого Бога.

Если бы Наместнику Э был обеспечен весь комплекс современного лечения, то строительство Храма вряд ли бы началось.

(«Доктор Джи «Разумная доля безумия».)

Я разбирал и чистил ранцевый огнемет Капитана Чань. Так было легче говорить. Не надо думать, куда девать руки и глаза.

«В подземелье обычно спускаются парами», - сказала Капитан Чань. – «И без огнемета не обойтись. Чем ниже, тем больше диких Птенцов Священной Птицы Ки. В подземелье они похожи не на цветные облака, а на потревоженный рой. Птенцов приходится выжигать, чтобы добраться до яиц».

Она штопала пробитый карман на моем мундире.

«Ты переделала огнемет?»

«Уменьшила дальность. Увеличила количество выстрелов. В Храме не нужна дальность».

Доктор Джи говорил, что, потеряв Капитана Чань, я потерял себя. Что Капитал Чань была доказательством моего существования.

До сих пор помню, как Доктор Джи заикался от страха, когда я впервые пришел к нему на прием.

«И кто твоя пара?»

«Он». - Капитан Чань положила руку на живот.

Исподтишка я пытался рассмотреть ее лицо. Кожа чуть потемнела – профессиональный признак огнеметчика. Жестче обозначились скулы. Глубже легли складки возле губ. Она мало ест.

В чем же доказательство моего существования? В ней? В ее животе? В моем желании ее видеть?

«Почему ты ушла?» - спросил я.

«Дезертировала», - сказала она.

«Почему?»

«Потому что в тот день, когда ты выбил плечо, я была не только с тобой».

«Знаю».

«Майор Лоу».

Я кивнул еще раз:

«Он недавно погиб».

«Я поняла», - сказала Капитан Чань и просунула палец сквозь еще незаштопанную дыру. – «Знакомый мундир».

«Мы стрелялись через ширму в его доме под Ти-Тунгом», - сказал я.

«В этом был смысл?»

«Мы не искали смысла».

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

Рассказам повстанцев верить трудно. Но один я все-таки записал. Позже он обязательно займет достойное место в третьем издании «Цветных облаков». Но в наше смутное время, когда будет это третье издание?

Я услышал его от повстанца по имени Пи Ну. О прежних занятиях Пи Ну я не успел узнать. Думаю, успеха они ему не принесли.

На Пи Ну - два халата. На голове - две шапки, привязанные к подбородку сплетенной из травы веревкой. На нем было все, что он успел найти в разграбленных домах.

«Мы растерли яйца Птицы Ки меж двух камней», - начал он свой рассказ, - «добавили чуть воды и золы вместо соли, а потом вылили все на разогретый пламенем железный лист. Поджарили, значит. Ну, все и приключилось. Видно я пожадничал и съел больше других.

Но в комнате оказался богатой.

Одежда на мне была шита золотом. Не то, что эти обноски.

А потом – гляжу, так я старик ветхий. Руки у меня как чужие. Суставы на пальцах распухли. Никогда мне не везло во всем сразу.

За окном шел дождь. И я смотрел на дождь, пока не услышал за спиной звук упавшего тела.

Два воина приволокли и бросили на пол какого-то чудика.

«Наместник Тан», - сказал один из них, - «Вот тот, кого вы искали».

«Ого», - подумал, - «стало быть, я Наместник».

«Идите», - сказал воинам. – «Получите у казначея по тридцать ся».

Видно важную птицу привели, раз я отвалил такой куш.

Мне бы хватило этих денег, чтобы две луны гулять.

Присев рядом с лежащим, я поднял за волосы его голову. Тот хитро на меня посмотрел. Будто не я его поймал, а он меня.

«Я знаю, ты Мастер», - сказал я.

«Может и так», - ответил человек.

С неожиданной для старика силой я опустил его голову на пол.

Он вскрикнул. Из его носа пошла кровь.

«Ты мастер?»

«Да».

«Сядь», - приказал я, - «если ты действительно настоящий Мастер, то боятся тебе нечего».

Взгляд человека снова стал хитрым.

Он смотрел на меня, будто собирался купить.

«Вижу, ты уже не боишься. Это хорошо. Я хочу предложить тебе работу».

«Какая работа?»

Сразу я не ответил.

«Ты лучший мастер?»

«Единственный».

«Говорят, ты сделал куклу из своей умершей ученой крысы?»

«И она покусала меня».

«Может быть, легче сделать куклу», - я помолчал – «из живого?»

В глазах человека появилось любопытство.

«Из кого?»

«Из меня».

Не торопясь, человек вытер текущую из носа кровь.

«Такого еще никто не делал».

«Значит, ты будешь первым».

«На это нужно время».

«Придется поторопиться. Я стар и могу умереть».

«Зачем это вам?»

«Я должен найти то, что потерял поколение назад».

«Переделка будет болезненна».

Почему-то эти слова показались мне смешными.

«Ничего. Потерплю».

Договорить не успел.

Очнулся от боли. Скрутило живот».

(Писатель Лао «Моя тюрьма».)

В палатке Укротителя Пиявок Фу сыро. Полог не держит дождь.

«Сколько движений Танцовщицы Ли ты уже записал?» – спросил Фу.

«Пять тысяч сто девяносто семь», - ответил я.

«Мало».

«Мало. Так и не разобрался ни в чем».

«И ты сейчас не идешь к ней?»

«Нет».

«А к Гадалке Цай?»

«Нет».

«Чего же ты хочешь?»

«Подумать».

«Тебе станет проще, если Танцовщица Ли окажется куклой?» - Струйка воды с полога текала Фу за шиворот. Но он не замечал холода.

«Не знаю», - ответил я.

Надо было выбирать. Но выбора не было.

Надо было искать дальше. Но что я должен узнать?

Я нашел Мастера Яня.

Он выдавал себя за сторожа Павильона Говорящих Рыб, что находился неподалеку от рынка Хун-Тонга.

В Павильоне уже давно не было ни одной говорящей рыбы. Их съели повстанцы.

Зачем сторож, если охранять уже нечего?

Я видел, как он по утрам сидит у павильона со сторожевой колотушкой, низко опустив голову. Как старательно закрывает за собой дверь на тайный замок.

Что он прячет за дверью павильона?

Я так и не подошел к нему.

«Сегодня Танцовщица Ли приходила к Гадалке Цай», - прервал мои мысли Фу.

«И что же?»

«Сначала ничего слышно не было. А потом - они смеялись».

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Трудно сложить берег из песчинок. Особенно, если рядом нет реки.

(«Великий учитель №3».)

Цирка не было.

Вместо павильона и палаток – груда изломанного бамбука и ленты рваного холста.

Из-под обломков выбрался Маленький Тунь и вытянул за собой мешок с собранными вещами.

Грязные разводы на его лице. То ли от дождя, то ли от слез.

«Приходил Мастер Ти со своими людьми», - сказал Маленький Тунь, - «и всех арестовал».

«Почему?» - спросил я.

«У всех кроме меня, даже в барабане Барабанщика Сона и в палатке Танцовщицы Ли, нашли пистолеты Чун. А у Циркача Пу их и вовсе оказалось пятнадцать. Говорят, это пистолеты убитых повстанцев. И еще, эта переделанная кукла Мастера Ти. Он очень разозлился, когда увидел внутри нее огоньки».

Я прятал оружие в палатке Циркача Пу. Как оно попало к другим?

«Больше всех удивился Сон», - продолжал Маленький Тунь. – «Ему при любой власти везет».

Я присел на кучу мусора. Сунул в рот бамбуковую щепку.

Мне все равно было хорошо.

«Скажи, Тунь», - спросил я, - «у тебя могла бы вызвать желание худая, грязная, пузатая женщина, которая вот-вот родит?»

«У меня может вызвать желание даже дыра в стене. Ты о чем?»

«Ни о чем».

«Это все из-за тебя», - Тунь повел вокруг своей короткой ручкой. – «Совесть не мучает?»

«К совести тоже можно привыкнуть».

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

Дождь перестал.

Солнце грело дно.

Я, Барабанщик Сон и Господин Хван сидели в четвертой яме. В седьмой яме часто смеялись. Там сидел Дэн Ду Мин и Укротитель Пиявок Фу.

В девятой и двенадцатой громко нараспев считали до тридцати. В одной из них были Слепой Борец Мо и Женщина-Пальма. В другой - Гадалка Цай и Танцовщица Ли.

«Чтобы найти себя, человеку иногда нужна яма». - Барабанщик Сон глядел на небо, жмурился, привычно почесывал вытатуированный на груди иероглиф «Удача». – «Все дело в её величине. Кому-то нужна глубина в пять локтей, кому-то – в три сотни. Кому-то интересна яма без дна. Может, мы все слишком высоко залетели? Может нам всем нужно опуститься? И шур-шур, шур-шур Мышкой Хань».

«Лучше бы я сидел с Дэн Ду Мином», - подумалось мне.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Допрос №35.

Дэн Ду Мин: Давайте я сознаюсь, только скажите в чем.

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Это была хорошая шутка.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Допрос №33

Господин Хван: Что я кричу в начале представления? О, без этого крика не будет Цирка. Меня ему научил отец. Он говорил, что это означает «Здравствуйте» на другом языке.

Мастер Ти: На каком?

Господин Хван: На другом.

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Допрос №31.

Слепой Борец Мо: Я выхожу на арену и протягиваю к зрителям руки. И тогда я слышу, как они перестают жевать.

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Допрос №32.

Женщина-Пальма: Он поднимает над собой Генерала Хо. Нет, Мо не страшный. Просто его надо поближе рассмотреть.

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Да, я умею летать.

Может быть, это и сказка.

А вы все еще хотите знать правду?

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

Допрос №39.

Гадалка Цай. Я лишь предсказываю будущее и вижу прошлое. Я знаю, например, кто подбросил пистолеты мне, Танцовщице Ли, Господину Хвану и Барабанщику Сону.

Мастер Ти: Кто?

Гадалка Цай (улыбается): Я.

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Допрос №36.

Циркач Пу: Братья Чу, Огненный Человек, Мальчик-Муха, Чревовещатель Кен Су. Говорят, в Ти-Тунге живет удивительная Женщина-Зеркало. Но я никогда ее не видел.

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Допрос №34.

Барабанщик Сон: Цирк – это зрелище для того, кто смотрит на представление, не понимает, как это все получается, и радуется тому, что есть.

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Допрос №39.

Гадалка Цай: Я лишь немного изменила будущее.

Мастер Ти: Этого не следует делать.

Гадалка Цай: Откуда вы знаете, что следует?

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Допрос №37.

Адвокат Дюшлен (Неспящий Чук): Le maître ? Мастер Юнь? Ничегё не знать. Я петь. Pour vous. Для вас. Oui?

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Допрос №38.

Укротитель Пиявок Фу: Пиявки подчиняются особому ритму. Они чувствуют мои руки. Нельзя шуметь, суетиться. Надо думать только о них. Любить их.

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Допрос №32.

Женщина-Пальма: А потом я жонглирую булавами. На мне костюм Пальмы. Меня всегда хорошо принимают. Маленький Тунь предлагает сделать новый номер. Вот сейчас подумала, может, стоит согласиться?

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

У Мастера Ти всегда лучше получалось спрашивать, чем отвечать.

(Писатель Лао «Моя тюрьма».)

«Скучно без аллигатора нашего», - сказал Маленький Тунь.

(Циркач Пу «Книга о Танцовщице».)

Допрос №33

Господин Хван: Я обязательно куплю ему нового.

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Допрос №35

Клоун Дэн Ду Мин: Я могу просто показать им свой нос, и они будут смеяться. Они всегда смеются, когда я на арене. Теперь.

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Допрос №34.

Барабанщик Сон: Тин-тики-та. Тин-тики-та. Тин-Тин. А потом уже колотушкой. Бум-Тара-Бум. Бум.

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Допрос №38.

Укротитель Пиявок Фу: Я видел ее танец сотни раз и все равно перестаю дышать. Я много знаю. Я подглядывал за ней. Да. И ничего вам больше не скажу.

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Допрос №34.

Барабанщик Сон: Тайны здесь нет никакой. (улыбается) Но вы ничего не поймете.

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Допрос №33.

Господин Хван: На то вы и следователь, чтобы искать неизвестно что.

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Допрос №36.

Циркач Пу: Так всегда. Чем больше видишь, тем меньше понимаешь.

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Не все куклы знают, что они куклы.

(Мастер Ти «Сборник механических чудес».)

Допрос №40.

Танцовщица Ли: Не все люди, знают, что они люди.

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Допрос №33.

Господин Хван: И я выхожу к ним, поднимаю руки и говорю: «Представление закончено!»

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Воина Хун-Тонга оставляют в темном Павильоне Ночных Сказок на четверть луны. Воин Хун-Тонга не знает, откуда придет опасность и должен быть готов ко всему. К удару палкой, острым копьем, к атаке диких крыс, к поединку с Кошкой Хяу, к укусу Змеи Ши. Уже тогда Воин должен понять, что самое важное для него не радость победы, а радость выживания.

Воин проходит испытание, когда ему исполняется семь лет.

(Учитель Сё «История Хун-Тонга и…».)

Иногда ночную тишину нарушает хруст переломанных позвонков.

Я иду к тюремным ямам. Маленький Тунь семенит следом.

Он не смотрит под ноги. Наступает на ветки. И караульные часто поворачиваются ко мне раньше, чем нужно.

Короткие шажки Туня не похожи на шаги человека. Будто Суслик Онь шуршит в траве.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

Громыхнуло. С востока.

Низкие облака ловили отблески пламени и мятущиеся тени.

«Что это?» - спросил Барабанщик Сон.

«Может быть, Армия Генерала Хо?» - голос Господина Хвана дрогнул.

Выстрелы. Крики. Топот бегущих.

Все ближе и ближе.

Неподалеку кто-то охнул и упал.

Вдруг бамбуковая решетка над нашей ямой заскрипела.

Ее открыл, сдвинул в сторону человек, который показался мне высоким и сильным.

«Это же Маленький Тунь», - удивился Барабанщик Сон.

В яму упала веревка.

«Быстрее», - сказал Маленький Тунь. – «Жалко, что Слепой Борец Мо не видит, как я спасаю его и всех вас. Мог бы прозреть ради такого случая».

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Цирк катился по Хун-Тонгу. Будил город.

Ни одного фонарика на нашем пути.

Из-за облаков выглянула Луна.

Посмотрела на шум внизу.

Впереди бежал Господин Хван.

Слепой Борец Мо посадил Маленького Туня на плечи.

Женщина-Пальма тянула Мо за халат. Направляла.

Гадалка Цай тяжело дышала, спотыкалась.

Я взял ее за руку.

Стрельба позади нас все ближе.

Клоун Дэн Ду Мин подпрыгивал по-козлиному при каждом выстреле.

Генерал Хо отступал последним.

Я тянул за собой Гадалку Цай и смотрел на Танцовщицу Ли.

Она радовалась движению, ритму выстрелов и криков.

Я не видел, как ее ноги касаются мостовой. Так легки были ее шаги.

Что-то сильно ударило мне в спину, в затылок.

Танцовщица Ли застыла над землей.

И я увидел, как одна пуля вместе с зубами вылетает у меня изо рта, а другая – из груди.

Клоун Дэн Ду Мин и Гадалка Цай подхватили меня.

Луна с клоунским носом наклонилась надо мной, закрыв небо.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Не верь книгам – они не всем говорят правду.

(«Великий учитель №3».)

Я часто слышу, что настоящий художник в своих произведениях описывает собственную смерть. Что ощущение близкой смерти ведет его и оставляет свой отпечаток на всем, что он создает.

Глупость, придуманная критиками.

Смерть всегда одинакова, и предсказывать ее детали – удел гадалок.

Видел Адвоката Дюшлена, который стал теперь Неспящим Чуком.

Если это творение - смерть Мастера Ти, то она слишком хорошо поёт.

(Писатель Лао «Моя тюрьма».)

Свидетельства перерождения кукол скудны, проверить их трудно.

Их создание или изменение ближе к духовной практике, чем к технологии.

(Мастер Ти «Сборник механических чудес».)

Сэюмо (320 п.н.) в «Учебнике реальных сил Сэюмо» описывает случай перерождения двух кукол, как возможный исторический эпизод:

«Сэюмо слышал. Сэюмо не видел.

Куклы были вместе в дальних пределах Храма.

Они были наги, ибо одежда на них истлела за сто поколений темноты.

Их нашли охотники.

И вынесли на свет.

И хотели продать.

Но они ожили - открыли глаза.

Женщина-Кукла, которую будто изрезал на куски мясник и сшил сапожник.

Мужчина-Кукла – его словно выжгли из низкого кривого дерева, а потом напустили в него древоточцев Учу. У мужчины не было трети головы. Птенцы Священной Птицы Ки проели в теле его дыры величиной с кулак.

И он грел в себе ее руки.

И они не хотели расставаться.

И рычали как звери на своих продавцов, пока те не отдалились.

Тогда вышел к ним человек и назвался Мастером О Ту и увел за собой. И сделал из двух кукол одну, чтобы их уже никто не смог разлучить».

(Учитель Сё «История Хун-Тонга и…»)

«Вот все и наладилось», - где-то далеко произнес Господин Хван и грустно хмыкнул.

Это было первое, что я услышал после смерти.

Я очнулся на дне пустого бассейна в Павильоне Говорящих Рыб.

Боли не было.

Холодно.

С потолка на меня смотрела нарисованная Говорящая Рыба и Мастер Юнь.

«Глаза открыл», - сказал он и улыбнулся.

Рядом с Мастером Юнем появился Следователь И, внимательно посмотрел, запустил руку в мой рот, чуть подправил язык.

Его рука легко поместилась во мне.

«Юнь, ты неправильно вставил ему резцы», - сказал Следователь И. – «Прикус пострадает. И форму губ нужно чуть изменить. А то он на себя не похож».

«Кукла всегда похожа на себя», - сказал Мастер Юнь.

«Эх, старик», - Следователь И улыбнулся, взял в руки щипцы. – «Всю жизнь ты меня учил, чтобы теперь я тебя ругал».

Мастер Юнь засмеялся.

Смех прокатился по Павильону, эхом отозвался в моей голове.

Сознание прячется от меня.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

«Что ты чувствуешь? Вот сейчас», – спросила Капитан Чань.

«Не знаю», - ответил я.

На моих руках лежал малыш.

Мой сын.

Смотрел на меня из-под тряпок мудрым глазом.

Он был совсем маленький. Сверток офицерского белья для полковой прачечной.

«Радость может испугаться, когда о ней говорят», - предупредил Книга.

Я не помнил этой фразы.

Я ее не писал.

Книга бежал из тюрьмы вместе со Следователем И.

Книга стал другим.

Я не всегда понимал то, что он говорит.

Его трудно было удержать подле себя.

Теперь он читал все, что попадалось на его пути. Мог без спроса уйти из Павильона, где мы прятались, на несколько дней.

Думаю, у него в городе была женщина.

Кто-то постриг Книгу, выстирал и выбелил его мешок, который подарила когда-то Женщина-Пальма.

От мешка уже не пахло ванилью.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

За окном снег.

Белые комочки пойманной холодом воды.

В Хун-Тонге никогда не было снега.

Я просыпался и засыпал.

И видел сны.

Видел сидящего у стены Генерала Хо.

На руках его был ребенок.

Маленький Майор Лоу.

Видел Танцовщицу Ли и Гадалку Цай.

Я кукла.

Девочки любят куклы.

Они склоняются надо мной и превращаются в Следователя И.

Блестящие острые инструменты в его руках.

Следователь И раскрывает меня как старую шкатулку, где хранятся забытые в детстве кубики из цветного стекла и крохотные линзы для игры в Солнечные Зайчики Ю Пэ.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Старая хун-тонгская поговорка: «Думать о снеге». Обычно ее применяют, когда говорят о человеке, который рассуждает о том, в чем не разбирается.

Еще более древнее поверие, что во время снегопада можно увидеть Хвост Любви.

(Учитель Сё «История Хун-Тонга и…»)

«Сейчас мы поймаем твою любовь за хвост».

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Допрос №31.

Слепой борец Мо: Мне не нужны глаза. Ее я увижу и без них.

(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

Допрос №29.

Мастер Ти: Я не слышал о таком.
(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

А она уже идет по нашим улицам. Невидимая. Неслышная.
(Писатель Лао «Моя тюрьма».)

Я не видел, как ее ноги касаются мостовой. Так легки и быстры были ее шаги.
(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Она смеется.
(Учитель Сё «Историй Хун-Тонга и…»)

Она прорастает в тело, как в спящего прорастает молодой бамбук.
(Мастер Ти «Сборник механических чудес».)

В кривую ухмылку Наместника Тана.
В швы печали на лице Куклы Невесты Лянь.
В шепот Гадалки Цай.
В движения Танцовщицы Ли.
(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Допрос №34.
Барабанщик Сон: Тин-тики-та. Тин-тики-та. Тин-Тин.
(Следователь И «Избранные протоколы допросов».)

«Тири-тан-тонг-ти-ри-тунг».
(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой»)

Она проводит рукой по моим волосам.
Я закрываю глаза.
Мы молчим.
Она может испугаться, когда о ней говорят.
(Книга.)

Мы не можем видеть то, чего нет.
Мы не можем знать то, чего нет.
Но мы можем записать то, чего нет.
(Доктор Джи «Разумная доля безумия».)

Первые Снежинки Мэй Пин на ее потемневших щеках превращаются в капли.
Она распахивает робу, скалит зубы, оседает на землю.
И я чувствую страх.
Между ее ног, начинает расти хвост.
И хвост кричит.
Появление новой жизни пугает даже убийц.
(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

Хвост Любви.
Мы ловим его.
Мы живем на нем.
Словно Обезьянки Мау, мы вцепились в шерсть матери, стараемся не упасть.
Мы не видим хвост. Он прозрачный. И еще - длинный и тонкий. Как у Ученой Крысы.
Чтобы не слететь с него, приходится держаться друг за друга изо всех сил.
(Книга.)

Думать о снеге…
(Учитель Сё «Историй Хун-Тонга и…»)

…это тайна всех книг Хун-Тонга.
(Писатель Лао «Моя тюрьма».)

Только попробуй убить мою книгу.
(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

Качнулась и вздохнула земля, будто кто-то ударил в нее, как в гигантский бубен.
Хун-Тонг заскрипел.
Стекла полетели на пол.
Ветер и снег ворвались в Павильон Говорящих Рыб.
Раньше на Хун-Тонг не сбрасывали бомб.
Город атаковала моя армия.
Мне пора.
Пора возвращаться.
Надо отдать Майору Лоу его мундир и забрать свой.
(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

Три луны - большой срок.

На месте Цирка долго жила огромная воронка от сброшенной на Хун-Тонг Бомбы Фань.

Взрыв был так силен, что контузило пиявок в Зеленом Пруду, и они еще две луны не узнавали своего Укротителя.

Все это время Фу не отходил от пруда, разговаривал с пиявками и даже пытался поменять в пруду воду.

Мы все должны были погибнуть от этого взрыва.

«Что вас могло спасти кроме предвидения?» - улыбалась Гадалка Цай.

Построить арену Цирка прямо в воронке придумал Господин Хван. Теперь его цирк стал еще больше.

У Женщины-Пальмы скоро родится двойня от Слепого Борца Мо.

Женщина-Пальма говорит, что это близнецы, и что они уже борются внутри нее.

Адвокат Дюшлен, ставший Неспящим Чуком, снова выступает в суде. Старого Судью Нуня убаюкивает его голос. От этого слава Адвоката Дюшлена возросла еще больше. Скоро он будет защищать Мастера Ти и Писателя Лао.

Барабанщика Сона Адвокат Дюшлен представил героем сопротивления, и его арестовывать не стали.

Барабанщик Сон сделал себе новый барабан. Еще больше прежнего. И теперь, во время представления, люди на Улице Повешенного Ученика плотно закрывают окна.

Книга женился на глухой девушке с Улицы Светлой Ночи.

В город вернулись чиновники, и дела Учителя Сё пошли в гору. Теперь он писал одно прошение за другим. Он снял себе комнату и вставил железные зубы.

Клоуна Дэн Ду Мина стали узнавать на улице. Люди видели его и начинали смеяться. Дэн Ду Мин хмурился. Он не любил смех без причины.

Танцовщица Ли танцует как и прежде. Может быть, она тоже счастлива?

Гадалка Цай предсказывает будущее. Но больше не предсказывает смерть. И все, что она говорит, сбывается.

Она сказала, что втроем мы проживем еще восемь лет, а это целая вечность.

Наверное, счастлив и я. Счастлив, что есть Гадалка Цай и Танцовщица Ли, что есть я, что Следователь И, который снова стал Следователем, починил меня. Он говорит, что мне уже тысячи лет. Что сотни мастеров переделывали меня. Что, может быть, десятки кукол живут во мне вместе с куклами Наместика Тана и Невесты Лянь.

Фантазер этот Следователь И.

Из клетки на Цирк глядит новенький Аллигатор А. Он молод и не велик. Маленький Тунь без страха входит к нему в клетку и засовывает большой палец правой ноги в его еще не страшную пасть.

«Все наладится», – повторяет Господин Хван. – «Все наладится».

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

Публика тянется к хорошему финалу, как голодный к цветному пончику - это тайна всех книг Хун-Тонга.

(Писатель Лао «Моя тюрьма».)

Генерал Хо навел в Хун-Тонге казарменный порядок.

Недавно он приходил к нам вместе со своей женой, спрашивал – хорошо ли нас кормят.

Город и тюрьму восстановили быстро.

Новые стены. По ним приятно водить ногтем во время размышлений.

Привычное состояние тюремного покоя.

Мы снова с Писателем Лао сидим в одной камере. Снова под нашими окнами слышатся женские голоса: «Писатель Лао! Писатель Лао!»

«Я здесь, дорогие мои!» - кричит Писатель Лао и улыбается примерзшему к его губам Солнечному Зайчику Ю Пэ.

Наверное, хороший финал для моего рассказа.

(Мастер Ти «Четыре стены и Писатель Лао».)

Прийти в цирк в генеральском мундире еще смешнее, чем в форме майора.

Я слышу, как за моей спиной прыскает в ладошку Маленький Тунь.

Теперь от циркачей меня отделяет узкая полоска парадной ткани.

На пути Армии Генерала Хо города Хен-Чунг, Дин-Ло, Фан-Юнань, Деревня Заклинателей Облаков. А потом Ти-Тунг и снова Хун-Тонг.

Чтобы знать это – не обязательно быть гадалкой.

Почему я зашел к Танцовщице Ли? Может, потому, что у палатки был откинут полог?

Она уже готова к выступлению. Смотрится в маленькое серебряное зеркальце.

Солнце. Блестки на ее платье.

Ордена на моем мундире.

Ловлю себя на мысли, что хочется повторять за Танцовщицей Ли ее простые движения, как когда-то повторял их за Пу.

«Ты все еще носишь еду Барабанщику Сону?» - спрашиваю я.

«Сон умрет от голода, если этого не делать», - кивает она.

Наверное, все философы не умеют добывать пищу.

«Но, может быть, это не нравится Пу?»

Танцовщица Ли пожимает плечами и улыбается.

«Каждый слон», - говорит она, - «должен получить свою петарду».

Это была хорошая шутка.

Уже суетится между палаток и пробует голос Господин Хван.

Уже Сон проверяет свой новый барабан.

Женщина-Пальма натирает булавы соком Травы Ё, чтобы они не скользили в ее больших руках.

Где-то громко кудахчет Клоун Дэн Ду Мин.

Гадалка Цай садится у входа.

Представление начинается.

И хочется еще раз выйти на арену к Слепому Борцу Мо.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

Вот и все.

Я не знаю, что будет дальше.

Может еще что-то произойдет?

Не зря же мы все здесь собрались?

Можно продолжать историю.

Можно искать ответы.

Танцовщица?

Она скользит. Она парит. Она улыбается.

Легкая поступь ее не слышна.

Дыхание неуловимо.

Движения просты.

Танцовщица.

Все слова. Все жесты. Все желания. У нее много имен.

Кто-то мечтает о ней.

Кто-то всегда говорит о ней и думает, что знает о ней все.

Кто-то ловит ее на кончик пера.

Но ты успокойся.

Назови ее Танцовщицей и успокойся.

Зачем тебе больше?

Даже Танцовщица Ли может пройти по воздуху только пять шагов.

(Циркач Пу «Книга о танцовщице».)

К О Н Е Ц

У По

П О Л У Д Е Н Н Ы Й В О Р

Х У Н – Т О Н Г – Т И – Т У Н Г 3 п.н.

Предисловие.

Этот текст был найден в Ти-Тунге Почтенным Издателем Шенем вместе с экземпляром «Книг Хун-Тонга».

Дорогая и дешевая бумага, желтые и красные листья Дерева Ин – новая рукопись была вложена между страниц Книг.

Записи представляли собой самостоятельное повествование, основное действие в котором происходит спустя двадцать четыре года.

За это время выросли новые герои.

Прежние сменили имена или исчезли.

В предисловии к первому полному изданию Почтенный Шень пишет:

«Новый текст, который я назвал «Полуденный вор», помещен между страниц «Книг Хун-Тонга» не случайно. Составитель У По искал причины, по которым персонажи следовали предсказаниям Гадалки Цай, связи между их поступками и желаниями, пытался понять истоки своего счастья. Мне же милей ускользающая печаль времени, что тянется от события к событию, от одного имени к другому».

Лишние языки утверждают, что «этот старик из-за болезни пальцев уронил рукопись - рассыпал вложенные в Книги листы. От чего следствие иногда опережает причину, а пояснения путают сюжет». Что он потратил пятнадцать лун, чтобы снова составить из текста подобие истории и даже дописал некоторые главы.

«А кто сказал, что с Книгами можно иначе?» - возражает Мастер Короткого Рассказа Не До Си - автор известных многим «Кипяченых сказок» и «Желтой Кобылки Эм Ня».

«Любезный читатель», - пишет он, - «рассыпай и собирай Книги заново, выбрасывай лишнее, добавляй то, что потеряли другие. Что еще делать нам? Я не знаю».

Почтенный Издатель Шень не стал брошюровать вторую часть, а лишь пронумеровал страницы и вложил их в первую.

Говорят, что издание пользовалось популярностью среди торговцев семечками.

Им не надо было вырывать лист, чтобы сделать кулек.

Переводчик с хун Александр Гоноровский.

Мой возраст мал.

Встаю на цыпочки.

Вишу на сучьях Дерева Ин.

В вытянутого человека входит больше времени.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Полуденная кража не обогащение.

Полуденный Вор ищет необычное.

В моей жизни часто происходило необычное.

Соседская девочка, имени которой я так и не узнал, показывала себя просто так. Мальчишки, что собирались побить меня после уроков*, вдруг начинали драться между собой. Торговец Сладкими Лепешками Й мог накормить, когда я был голоден, а Портной Хень из Лоскутного Ряда - обменять мои рваные штаны на только что сшитые.

Но получить необычное и найти - это совсем не одно и то же.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

(* - В Хун-Тонге обязательное пятилетнее школьное образование. «Записки на листьях» У По начал писать уже после завершения обучения. *прим. Почтенного Издателя Шеня.*)

В жизни все тайна.

Главное – правильно запутаться в ответах.

(Дэн Ду Мин «Наставления Полуденному Вору».)

Мой учитель Полуденный Вор Дэн Ду Мин может украсть усики муравья и Храм Малого Бога.

Дэн Ду Мин может украсть все, если его не поймают.

Но Дэн Ду Мина ловили.

Кражи давались ему плохо - цирковое прошлое все еще требовало внимания публики.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Иногда Дэн Ду Мин следил за У По.

Тот старался не замечать слежки, чтобы не расстраивать учителя.

(Паленый Уй Ям «Книга Кота».) *

(* - «Книга Кота» написана в жанре книги-невидимки – автор, наблюдая за событиями и героями, остается незамеченным. *прим. Почтенного Издателя Шеня.*)

Кража слов делает меня старше.

Нахожу их в беседах с Дэн Ду Мином, говорящими рыбами, в старой подшивке газет «Лишний язык», в книгах, украденных из библиотеки Большого Кунь Ди Баня.

Вчера добавил себе год.

Теперь мне четырнадцать.

Взрослый я приду к И Лин.

Она не узнает того мальчишку, который в Театре Госпожи Фа подсвечивает разноцветными керосиновыми лампами ее тело.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Герой Фей

Я ухожу.

Госпожа Фа

Постойте.

Герой Фей

Нет.

Пора.

Со мной у вас не будет горше доли.

Госпожа Фа

Когда одежду сбрасывают с плеч,

не следует бояться моли.

(Драматург Эн Ань «Тело Госпожи Фа».)

Театр Госпожи Фа происходит от древней цирковой мистерии (396 п.н.).

Современному театру остались лишь несколько скудных описаний и пять миниатюр на шелке неизвестного мастера.

Мистерия Госпожи Фа заключалась в том, что она приглашала на арену кого-то из публики – мужчину, женщину и предлагала разделить с ней ложе.

Участники представления не стеснялись того, что происходило.

Ни своей наготы, ни раскрытых всем желаний.

Они были уверены, что, публика не видела главного, не знала, что случилось с ними на самом деле.

Но и с публикой происходило странное – каждый зритель полагал, что это он был с Госпожой Фа.

Ее тайна так и не была раскрыта.

Госпожа Фа никого не вызывала на арену второй раз.

(Большой Кунь Ди Бань «И т.д.»)

Красавица И Лин всегда играла Госпожу Фа.

Герой Фей - ее любовников.

Наверное, у И Лин не получается так же хорошо, как у настоящей Госпожи Фа.

Я слышал, как Режиссер Дань говорил ей об этом после того, как по дороге в Театр кто-то бросил в него дохлым Воробьем Пи.

Режиссеры в Театре Госпожи Фа считаются носителями Тайны Фа и отвечают за все.

«Искусству служишь не за славу, а за тумаки», - любил повторять Режиссер Дань.

Недовольные представлением часто били его.

И это тоже было традицией.

Никто из режиссеров не мог воплотить мистерию Госпожи Фа.

Все, что обещали древние тексты, не исполнялось.

Пять поколений назад Режиссера Лунь Пань Сана после спектакля «Купание Госпожи Фа» привязали к надутым бычьим желудкам и отправили вниз по течению Реки Вао Хэ.

Был слух, что режиссера выловили, славящиеся своей необузданностью, Речные Пираты Вао Хэ.

Пираты пытались поставить пьесу «Госпожа Фа доводит всех до изнеможения».

Кто играл Госпожу Фа, и куда дальше поплыло связанное тело Лунь Пань Сана неизвестно.

«Осталось еще немного. Совсем чуть», - Режиссер Дань, снял приставшее к френчу перо. – «И зрители поймут. Почувствуют. И мы тоже».

И Лин слушала, закрыв лицо ладонями.

Искала в себе это чуть.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Я просто касаюсь ваших пальцев. Зачем показывать больше?

(Книга тысячи объяснений».)

Теорию создания драматургического произведения, как путешествия по телу Госпожи Фа высказал Профессор Литературы Большой Кунь Ди Бань.

Он полагал, что любая хорошая пьеса имеет нос Госпожи Фа, губы Госпожи Фа, руки, грудь, пупок, лобок и заканчивается тайной проникновения.

Творческую общественность возмутило скандальное сравнение пьес малых академических театров со второсортными, по их представлению, пьесами Театра Госпожи Фа.

И, хотя, эта теория не была опровергнута, Профессора все же изгнали из Вечной Гильдии Критиков за упорство в неподобающих идеях.

Поступив на военную службу и получив Карабин Вен Чу, Кунь Ди Бань взял за привычку являться на собрания Вечной Гильдии Критиков и говорить правду.

(Драматург Эн Ань «Фа и Хо».)

Воинов Хун-Тонга не то чтобы не любят. Просто их слишком много.

(Большой Кунь Ди Бань «И т.д.»)

Исполнил себе пятнадцать - украл «Книги Хун-Тонга» из библиотеки Большого Кунь Ди Баня.

Бывший Профессор Литературы Рядовой Кунь Ди Бань – живая гора с дырой рта на вершине.

Ему не развернуться среди книжных шкафов.

Кажется, что он надел на свое тело несколько человек, быков, лошадей. Одна его рука весит больше чем мы с моим другом Цен Це Доком.

Цен Це Док говорил, чтобы аппетит Кунь Ди Баня не умер с голоду, тот ест детей, которые зашли к нему в библиотеку за сказками, а потом родителей, которые пришли искать своих детей, а потом бабушек, дедушек, теток и всех-всех-всех, кто родственник.

Цен Це Док делал страшные глаза:

«Они проваливаются в него, как в яму. Ага».

Дверь в библиотеку закрывалась на палочку.

Ящики, полки и мешки забиты свитками, табличками, справками, тетрадями, книгами в тонких, грубых и богатых переплетах из кожи аллигатора.

Раньше я никогда не видел столько пыли. Она накапливалась, лежала слоями.

Листы книг отсырели, изъедены.

Местные мыши болели ревматизмом.

Я слышал, как скрипят их лапки.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Довожу до Вашего сведения, Уважаемый Наместник И, что в нашей расстрельной команде пять человек.

Командир - Капитан Дэу Вэ.

Рядовой Лу Янь. (Бывший Продавец Цветных Пончиков. Поступил на службу в поисках заработка сразу после женитьбы на Красавице И Лин.)

Рядовой Кунь Ди Бань. (Бывший Профессор Литературы).

Рядовой Фан И Пак. (Бывший Учитель Труда).

И я – ваш покорный слуга.

Все рядовые в расстрельной команде, кроме меня, бывшие интеллигенты и им сочувствующие.

При попустительстве Капитана Дэу Вэ они отсиживаются на своих должностях, играют в Таракана,* растрачивают народный рис с целью прокорма.

Они беззастенчиво пользуются мягкостью характера Капитана Дэу Вэ, которая проявилась после взрыва гигантской праздничной петарды в его руках.

Расстрельная Команда бездействует со времен Теплых Дней Разделения.

Но Капитан Дэу Вэ довел слаженность её до совершенства. Это не раз было явлено на показательных выступлениях во время праздников и торжественных дат, когда мы по всем правилам каллиграфии выстреливали на теле Чучела Дак Хина народные хун-тонгские узоры, поговорки, поздравительные иероглифы.

Особым умением отличается Рядовой Кунь Ди Бань. Его вес и характер терпят лишь потому, что он может стрелять из пяти карабинов сразу.

Но будет ли наша команда исполнять приказ во время настоящего расстрела?

За это я поручиться не могу.

Всегда ваш. Бывший Писарь Канцелярии Народного Хозяйства Рядовой Би Як.

(Наместник И «Сборник любимых доносов».)

(* - Двух Тараканов Шунь скрепляют нитью длинной с указательный палец, помещают в центр круга диаметром три ладони. Выигрывает тот, чей Таракан первым выберется за круг. *прим. Почтенного Издателя Шеня.*)

Со временем традиционные наказания Хун-Тонга стали привычны.

Поколения речных пиратов, заговорщиков, растлителей малолетних приучили себя к мысли, что, рано или поздно, им отрубят ноги.

Многие заранее покупали себе ярко раскрашенные коляски, чтобы сразу после наказания иметь опору.

Держать коляски в доме стало хорошим тоном даже для обремененных властью чиновников.

Особо правильным считалось заказать коляску, в орнамент которой вписано изображение ног владельца.

Музей Колясок и ног известных исторических личностей находится на улице Спящего Судьи в доме бывшей адвокатской конторы мсье Дюшлена.

Расстрел для поддержания нового порядка более эффективен.

Смерть от случайного иероглифа на груди, определенного приговором, не самый лучший жизненный итог.

Будущая неизвестная надпись вселяла сомнение в умы потенциальных преступников.

Наибольшее беспокойство вызывал иероглиф, который читался как «и т.д.»

(Наместник И «Музей».)

Бывший Продавец Цветных Пончиков Рядовой Лу Янь всегда проводил увольнение на заднем дворе своего дома.

Смотрел в глиняную, покрытую трещинами, стену, чистил Карабин Вен Чу, который выдали ему в Расстрельной Команде.

«И Лин!» - зовет Лу Янь.

И Лин приходит.

Я вижу, как семенят ее ноги, как ткань платья стягивает колени.

Актриса Театра Госпожи Фа вне сцены должна носить узкое, сковывающие движение платье, чтобы во время представления чувствовать свободу желаний.

И Лин садится рядом с Лу Янем.

Его лицо будто отражает стену, покрывается трещинами - Лу Янь улыбается.

Он старше меня пока на двенадцать лет.

Я не слышу, о чем они говорят.

Но стоит И Лин уйти - Лу Янь зовет ее снова.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Мать Лу Яня – Госпожа Янь не хотела, чтобы ее сын был Воином Хун-Тонга.

Она прятала Лу Яня в животе, когда воины приходили забрать его в обучение.

Лу Янь исчезал, а Госпожа Янь снова становилась беременной.

Лу Янь прятался, пока ему не исполнилось восемь лет.

Он рождался сорок семь раз, и никто лучше него не умел рождаться заново.

Но теперь Лу Янь не всегда знал - на каком он свете.

(Паленый Уй Ям «Книга Кота».)

Красавица И Лин в первый раз увидела Лу Яня, когда тот кормил Птиц Тай Мухами Зу.

Никто кроме него в Хун-Тонге не умел кормить Птиц Тай.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Птицы Тай провожают умерших, чтобы на пути к Луне те не заблудились среди темных небес.

У каждой Птицы на шее звенит небесный колокольчик, чтобы путешественник не чувствовал себя одиноко.

(Орнитолог Туи Ла Му «Нелепые слухи о Птицах Тай».)

Настоящая кража - повод для встречи.

Попасться – значит найти спутника.

(Дэн Ду Мин «Наставления Полуденному Вору».)

Я познакомился с Полуденным Вором Дэн Ду Мином, когда мне было семь лет.

На пути в школу он срезал главный крючок с моих штанов.

Я не заметил, как штаны поползли вниз.

А стоящий у ворот школы Нежный Ши Фо, который на этот раз играл роль Школьного Надзирателя, заметил.

Нежный Ши Фо брался за любые роли.

В Театре Госпожи Фа он получал меньше всех.

Ши Фо хорошо вошел в образ, и мне пришлось отвести избитого Дэн Ду Мина домой.

Тощий, нескладный он был тогда в два раза выше меня.

Тело его, со следами новых и прежних побоев, не хотело держаться прямо.

Кривой нос качался как спелая слива.

Дэн Ду Мин с удовольствием наблюдал за моими стараниями, ронял болячки:

Может быть, из-за того, что я чуть не надорвался, он принял меня в обучение.

А может – просто украл.

Отец ничего не знал о Дэн Ду Мине.

Отец мало интересовался мной.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Каждую луну отец Последний Врач До По снимал с меня рубашку и, приложив к груди ухо, слушал шрам.

Он говорил, что я родился с холодным сердцем. И что он вместо него подарил мне кукольное.

Он говорил, что это тайна.

Что в Хун-Тонге не любят людей с кукольным сердцем.

Хотя у отца сердце было обыкновенным, его тоже не любили и боялись.

Боялись его взгляда.

Его тихих слов.

Острого в его руках.

Сразу после смерти каждый попадал к нему на железный стол.*

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

(* - профессия Последнего Врача считается низкой. Всё, чего боятся и чего не понимают жители Хун-Тонга, а боятся и не понимают они многого, считается низким. *прим. Почтенного Издателя Шеня.*)

Чтобы сердце куклы билось, следует разобрать ее без умерщвления. Для этого требуется точность мастера, знания хирурга или мудрость ученых крыс.

(Мастер Ти «Сборник механических чудес».)

В Хун-Тонге давно нет кукол.

Их уничтожили тринадцать лет назад во времена Теплых Дней Разделения.

Куклу приводили к моему отцу - Последнему Врачу До По.

Требовалось шесть воинов, чтобы привести одну куклу.

Обязанность отца - разобрать ее на мертвые части.

Кукол трудно отличить от людей.

Они тоже не знают, что делать с собственными переживаниями и болью.

Чтобы с куклами было легче справиться, воины забирали у них глаза, которые следовало завернуть в плотную непрозрачную ткань или положить в карман.

Воины Хун-Тонга всегда обещали куклам вернуть их, но никогда не исполняли обещанное.

Отец сам возвращал куклам глаза, когда они ложились на его стол.

Держал слово, которое не давал.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Украл касание И Лин.

Она провела пальцами по рассыпанной муке, когда стояла у прилавка Продавца Цветных Пончиков.

Раньше здесь был Цирк Господина Хвана.

Теперь воронка, где он стоял, завалена лавками тех, кто не мог заплатить за место на рынке, травяными шалашами, в которых живут все, кому не повезло - Торговцы Пандами Сун, Смотрящие В Пупок Предсказатели, Полоскальщики Ног И Подмышек.

Касание вышло легким.

Мука не пачкала ее пальцев.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Один за другим над цирком гасли фонарики.

Но ордена на груди Генерала Хо еще отражали их тусклый свет.

«Следователь И объявит вас сумасшедшим и сместит с поста», - сказала Гадалка Цай.

«Следователь И мне предан», - ответил Генерал Хо. – «Я не верю тебе, девочка».

«Тогда не следует записывать дома все, что я говорю».

Вчера Гадалке исполнилось двадцать три.

Может быть поэтому, ей было грустно.

«Что же потом?» - спросил Генерал.

«Он станет Наместником, а вы попадете в лечебницу».

«Меня вернут в заведение Доктора Джи?»

Гадалка Цай кивнула.

«Убрать Следователя И не сложно. И костей не найдут».

«Если вы будете Генералом Хо, то потеряете Капитана Чань».

«Она снова уйдет?»

«Хуже. Останется рядом».

(Паленый Уй Ям «Книга Кота».)

Мало кто помнит, что в нашем городе был Цирк.

Он сгорел в день смерти Генерала Хо.

В тот же день исчезли сын Генерала и его жена Капитан Чань.

(Наместник И «Музей».)

Следствие установит, что Генерала убила кукла, которую он сам впустил в свой кабинет. Только очень сильная кукла могла одержать верх над Генералом Хо.

Следы преступления приведут к Циркачу Пу.

Прибывшие в Цирк воины найдут в опустевших палатках лишь Клоуна Дэн Ду Мина и запасные усы Господина Хвана.

Поедание коровьей лепешки и шутки по поводу военной формы не спасут Дэн Ду Мина от ямы.

Обыск вызовет пожар, в результате которого сгорят триста двадцать семь домов.

Через пять дней за Генералом Хо последует его заместитель Полковник Ту.

Он утонет в тазу для умывания.

Перед убийством Полковника Ту будут пытать – выдавят зубы, вырвут пальцы, в мясо разобьют рот.

Еще через день за полчаса до строевого смотра Рядовой Их найдет на плацу мертвого начальника штаба Полковника Чея.

Полковник подавится собственными орденами.

Главнокомандующий армией Генерал Ун Же утроит охрану.

Но кто-то свернет ему шею в генеральской уборной.

Чтобы победить столь сильных воинов, нападавшие, казалось, должны обладать кукольной силой.

Это утвердит следствие в мысли, что в Хун-Тонге созрел кукольный заговор.

(Предсказание №6, найденное в доме Дворника Мяк Женя.)

Недовольство куклами было весьма велико.

Теплые Дни Разделения стали естественным его продолжением.

Власть в Хун-Тонге перешла к гражданскому лицу.

Наместник И стал тем, кто навел порядок в очередности смертей высшего командного состава. Расстрелы и пожары в Хун-Тонге теперь происходили точно по утвержденному плану, что вызвало в горожанах прилив патриотизма, уверенности в завтрашнем дне.

(Выдержка из интервью Полковника Мэ газете «Лишний язык».)

Через две луны Циркач Пу будет предан Гадалкой Цай.

Передан в руки Последнего Врача До По.

И разобран.

(Предсказание №7, найденное в доме Дворника Мяк Женя.)

Милая Тростинка*, вокруг слишком много любви.

(«Книга тысячи объяснений».)

(* - Милая Тростинка – распространенное в Хун-Тонге обращение к любимой. *прим. Почтенного Издателя Шеня.*)

«Стрельбы!» - Полковник Мэ мягко опустил на стол квадратные ладони. – «Слышите, как звучит? Любое представление, любая пьеса только выиграет, если в ней будут показаны Гранатомет Ань Хе, Пулемет Лу А Фэ, Система Наведения Тинь, Штурмовая Авиация Дэнь Дзу Ана Цань, Пистолет Чун… Отставить!» - сам себе скомандовал Полковник Мэ, - «Пистолет Чун - устаревшая модель со скверной кучностью. Никогда его не любил».

Слово «кучность» почему-то рассмешило меня.

Но я сдержался.

Воздух в кабинете пах забытыми приказами и ногами Полковника Мэ.

Он назначен консультантом.

Я назначен драматургом.

Воины Хун-Тонга заказали мне пьесу о легендарном Генерале Хо.

«Наши матери должны дрогнуть», - сказал Полковник Мэ. – «Должны проникнуться миссией воинов Хун-Тонга и с радостью отдавать нам своих сыновей».

Я рисовал в блокноте глаза.

Лист с удивлением смотрел на меня.

«А они погрязли в рутине и перестали проникаться. Вспомните, что говорил по этому поводу, Генерал Хо». - Полковник Мэ собрал волнами лоб, щеки, шею – задумался. – «Ведь что-то он говорил?»

Я кивнул.

Кивать – главная обязанность драматурга.

(Драматург Эн Ань «Фа и Хо».)

«Хм», - сказал Режиссер Дань.

И еще раз повторил: «Хм».

Тонкие пальцы его неравно крутили последнюю пуговицу, что еще оставалась на животе режиссерского френча.

«Полковник Мэ был весьма настойчив», - сказал я, разглядывая волоски на пальцах Режиссера Даня.

До меня давно дошел абсурд происходящего:

«Полковник видел нашу пьесу «Лев одолевает Госпожу Фа». Он говорит, что это настоящее искусство, и ни о каком другом театре слышать не хочет».

«А он бывал в других театрах?» - спросил Режиссер Дань.

«Наверное, нет», - ответил я.

«Но мы никогда не ставили подобных пьес. Мы же Театр Госпожи Фа!» - Звон режиссерского голоса пронесся над нашими головами, запутался в складках театрального занавеса, сшитого из лоскутов старых одеял и паруса джонки.

Потеряв связь с эхом, Дань тихо добавил:

«Посадят нас в яму без адреса*. Или еще чего».

Слова Режиссера Даня напугали больше, чем крик.

«Или еще чего» - обещало неведомую и неотвратимую расплату, когда каждый получит гораздо больше того, чем заслужил. И ты, идя по пути страданий, будешь знать, что впереди ждет еще большее несправедливое неизвестное.

(Драматург Эн Ань «Фа и Хо».)

(* - Ямы в Хун-Тонге расположены хаотично. Многие не внесены в тюремный реестр. Некоторые находятся в городе. Их могли вырыть непосредственно на месте ареста. Иногда посаженный в яму не знал – в тюрьме он или просто тут живет. *прим. Почтенного Издателя Шеня.*)

Первый раз расстрельная команда пересеклась с вымыслом, когда Бывший Учитель Труда Рядовой Фан И Пак показал всем Деревянный Карабин Вен Чу.

«Я вырезал его одним ножом», - сказал Фан И Пак. - «Добился точного сходства. Но при этом модель в три раза легче оригинала».

Рядовой Лу Янь перестал кормить навещавших его Птиц Тай.

Я забыл помешать рис.

«Что?!» - Глуховатый после контузии Капитан Дэу Вэ напряженно всматривался в молчание.

Все поглядели на Би Яка.

Тот отложил в сторону начищенные до блеска патроны, запустил руку в карман, почесал пах.

«Он же не стреляет», - сказал Лу Янь.

«Зато, Уважаемый Лу Янь, им легче жонглировать на праздничных выступлениях». - Фан И Пак подбросил Деревянный Карабин, ловко поймал его, крутанул вокруг тела, лихо стукнул прикладом о землю.

Все облегченно вздохнули.

«А как же я?» - забеспокоился Чучело Дак Хин.

Дак Хин оставался единственной легальной куклой в Хун-Тонге, которой разрешено жить, не покидая расстрельный двор. Но за это он должен был умирать столько раз, сколько нужно для наглядной агитации.

Дак Хин имел настоящий талант к смерти. После залпа он убедительно клокотал кровью в горле, пускал из дыр красные пузыри.

«Перед показательным расстрелом мы заменим карабины на настоящие», - сказал Фан И Пак.

«А не попахивает ли это нечаянной контрреволюцией?» - не унимался Чучело Дак Хин.

«Может и попахивает. В перспективе», - согласился я.

Правду лучше приберечь для собраний Вечной Гильдии Критиков.

«Я как лучше хотел», - нахмурился Фан И Пак.

Все опять посмотрели на Би Яка.

Рядовой Би Як взял у Фан И Пака Деревянный Карабин Вен Чу и с возможным почтением положил в костер.

(Большой Кунь Ди Бань «И т.д.»)

Воображение – и повод для кражи, и ее следствие.

(Дэн Ду Мин «Наставления Полуденному Вору».)

Иду по пустому дому И Лин.

Чтобы лишить себя запаха, полуденные воры натирают тело Мазью Молчунов Хи и думают о снеге.

В доме деревянный пол.

И Лин не любит касаться земли.

Когда она ступает по сцене, то доски не скрипят.

Под Героем Феем скрипят. И под Нежным Ши Фо.

Старые стены.

Хмурый потолок.

В доме не было места, где бы не сходились И Лин и Лу Янь.

Серая капля на полу в прихожей.

Скомканный цветной фантик от засахаренной вишни - И Лин заедает сладким Лу Яня.

Стертая спиной побелка на стене.

Потемневшая краска на подоконнике – там, где И Лин привычно упиралась руками.

Пятнышко крови на ширме - И Лин расцарапала Лу Яню плечо.

Сегодня они долго стояли посреди спальни.

Ели черствую лепешку.

Кололи ступни о твердые крошки.

Подставляли себя сквозняку и не могли остыть.

В спальне мало вещей.

Все, что нажили, хозяева носили с собой.

Низкая не застеленная кровать.

Прикладываю щеку к выбеленной простыне.

Ее материал груб.

И Лин спит на животе, согнув одну ногу и вытянув другую.

Ее губы чуть раскрыты – след слюны на подушке.

Ночью, когда Лу Янь рядом, И Лин поворачивается к нему спиной – прикрывает волосами свое лунное лицо.

Достаю из-под кровати плетеную коробку.

В ней «Книга тысячи объяснений» и Нефритовый Шарик Си Сянь - маленький, улыбчивый, с половину фаланги мизинца. Тот самый, который девушки Хун-Тонга глотают и пропускают через себя в день своего взросления.

Говорят, что Нефритовый Шарик Си-Сянь, будучи съеденным и исторгнутым, начинает понимать и любить свою хозяйку. Так человек начинает понимать и любить те печали, которые больше не повторятся.

Из «Книги тысячи объяснений» выпали рисунки.

Они походили на чертежи школьного учебника Фан И Пака «Как смастерить крылья в домашних условиях».

На рисунках была неумело изображена похожая на И Лин женщина, которую поднимают над землей, привязанные за волосы Птицы Тай.

Подражая картинкам учебника, Лу Янь нарисовал стрелки, ведущие от головы женщины вверх, сложил в подобие формулы несколько крючков, смысл которых ясен ему не был.

Из-за частых рождений Мама Янь так и не поняла, когда Лу Яня следует отдать в школу.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Вспомнил Птицу Тай, которую я когда-то видел на Улице Светлой Ночи.

Она сидела на козырьке лавки Лудильщика Ко Сая.

Птицы Тай живут сто лет и умеют улыбаться.

Лапку птицы стягивал длинный побелевший от солнца волос, который я тогда принял за Нить Лун Со.

Но порвать Лун Со невозможно.

Это был волос Танцовщицы Ли.

След танца на лавке Лудильщика Ко Сая.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Смерти нет. Любовь есть. Я открыл.

(«Книга тысячи объяснений».)

Лавка Торговца Всем Ланг Вея пестрела накладными усами всех цветов и размеров. Черные, каштановые, зеленые в красный горошек, покрытые блестящим лаком или вечной мазью от насморка.

Ланг Вей не торговал усами.

Это была коллекция.

Еще Ланг Вей собирал Нефритовые Шарики Си Сянь, которые аккуратно выкладывал передо мной в ряд:

«Девушка глотает Шарик в день, когда становится женщиной. Среди коллекционеров ценятся только те Си Сянь, которые прошли свой путь. Если такой шарик положить под язык, то можно многое узнать о хозяйке».

Ланг Вею за восемьдесят.

Темные от времени руки плохо повиновались ему.

«Смотри», - Ланг Вей провел пальцем вдоль выложенного ряда. - «Шарик не бывает идеально круглым. У каждого года своя форма. Если правильно расположить их и быстро провести по ним взглядом, то окажется, что внутри кто-то движется, будто пытается разорвать сковывающий его камень. Когда Мастер Шарика хорош, то можно увидеть и лицо того, кто внутри».

Чтобы подчеркнуть важность момента, Ланг Вей приклеил к губе закрученные вверх черные с легкой сединой усы:

«Если у тебя есть Си Сянь эпохи Наместника Тана, я дам за него хорошую цену».

Я достал Шарик Красавицы И Лин.

Ланг Вей снял усы, разочарованно постучал ими по прилавку.

Шарик И Лин был старше ее замужества на двадцать четыре года.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Вчера я проглотила Нефритовый Шарик Си Сянь.

А вы все еще заставляете себя ждать.

(«Книга тысячи объяснений».)

«Что ж, я объясню вам, Уважаемый Эн Ань, почему выбран именно Театр Госпожи Фа». - Полковник Мэ решительно хрустнул суставами пальцев. - «Во-первых», - задумался, глядя в окно.

На плацу, тренируя осанку, в полной выкладке лежал рядовой, смотрел за облака.

За стеной гремела оловянная посуда, смеялась посудомойка.

Кухня душила запахами подгоревшего масла и соевого соуса.

Не очень представительное соседство для кабинета командира.

Поговаривали, Полковник Мэ был в немилости у Наместника И. Поэтому занимался пропагандой.

«Нет. Лучше сразу - во-вторых», - сказал Полковник. – «Для того, чтобы определиться с выбором труппы, Наместник И посоветовал мне посетить Театр Госпожи Фа. И когда я увидел Красавицу И Лин. Увидел, как она позволяет быть мужественным Герою Фею, в тот момент, когда она и он… Когда… Ну, вы понимаете». - Полковник не мог подобрать нужные слова. – «А у него может быть даже и не получается. Ранение там… по ходу пьесы. А она все равно… Тогда я подумал, что настоящая женщина… Что ее участие может сделать из простого человека вовсе непростого. Чтобы… Ну… А Генерал Хо - это вам не Герой Фей. Это не писькой на сцене махать. Генерал Хо - это…» - Полковник Мэ широко развел руки, как врущий о рыбе рыбак.

(Драматург Эн Ань «Фа и Хо».)

Когда я впервые увидел член Героя Фея, то подумал, что тот вполне самостоятельно мог бы дослужиться до генерала.

Если бы Герой Фей ему не мешал.

(Большой Кунь Ди Бань «И т.д.»)

«Ах, да», - Полковник Мэ наклонился ко мне, заслонил кабинетное солнце. – «Они ведь не будут? На сцене. Это…»

Полковник потер друг о друга вытянутые указательные пальцы.

«Не будут», - ответил я. – «А надо?»

Полковник Мэ смутился:

«Нет. Наверное – нет. Матерям будущих воинов вряд ли это покажется откровением».

(Драматург Эн Ань «Фа и Хо».)

Давным-давно, на первом занятии по драматургии, мой Мастер Фэ Ён сказал:

«Труд драматурга подобен стараниям пожилой дамы из Переулка Веселых Фонарей.

Всю жизнь вам придется удовлетворять чьи-то прихоти, внимательно слушать глупость и с любовью воплощать ее в жизнь.

Прежде чем продолжить учение – сходите в Переулок, найдите ту, что берет меньше всего – старую, с выбитыми зубами, распухшими коленями, потерявшую иллюзии, женщину.

Разденьте ее и попросите станцевать».

Надо было стать поэтом.

(Драматург Эн Ань «Фа и Хо».)

Под недовольные крики он растолкал рыночную толпу, взял меня за руку.

Еще в своем детстве, я украл Цен Це Дока и с тех пор не знал, что с ним делать.

Он был в два раза старше меня.

Но ум его разрешал дружить только с детьми.

Цен Це Док не умел думать как следует.

Время легко входило в него, но не приносило с собой ни опыта, ни памяти.

На этот раз он забыл дорогу домой.

Ему надо было пройти площадь, шесть улиц и один переулок до Улицы Пяти Тысяч Ста Девяноста Семи.

«Крепко запомни», - в который раз объяснял я Цен Це Доку, – «если хочешь вернуться домой, подходишь к любому и спрашиваешь: «Скажите пожалуйста, где здесь тюрьма?» А твой дом напротив».

«Где здесь тюрьма», - старательно повторял Цен Це Док. – «Скажите пожалуйста».

«А еще лучше - не гуляй так далеко».

«Дворник Мяк Жень ищет у Мамы Лам кармашек», - сказал Цен Це Док. - «Он ищет, а я гуляю».

«Какой кармашек?» - не понял я.

«Кармашек», - повторил Цен Це Док.

Настроение его улучшилось.

Не выпуская моей руки, Цен принялся плевать в придорожные камни, пока у него не кончилась слюна.

Во дворе за глинобитным забором стояла Мама Лам.

На улице было прохладно, но Мама Лам накинула лишь легкий домашний халат.

Ей было жарко.

«Где же ты, Цен? Мяк Жень хочет с тобой поговорить!»

Мама Лам пошла вместе с нами к калитке.

Под ее ступнями хрустела печеньем высохшая трава.

Иногда Мама Лам старалась быть строгой.

Но ей мешали румянец во всю щеку и аромат летних яблок, что плыл рядом.

Тонкие руки, длинные ресницы, кожа, которая обнимала розовую невесомость внутри.

Непослушная челка Мамы Лам упала на глаза.

Она улыбнулась, дунула на нее, но челка упала снова:

«Милая Тростинка,
милый мой дружок,
ты пришла ко мне.
Я ждал».

Пела Мама Лам плохо. Не попадала в музыку. Может - от неумения. Может – от неизвестной мне радости.

«Знаешь, это Цен сочинил», - сказала.

Цен Це Док смутился, крепче сжал мою руку.

Его смущение передалось мне.

Я всегда завидовал ему из-за улыбки Мамы Лам.

Однажды я видел, как она улыбалась Площади Лишних Ног, которую только для нее вымел Дворник Мяк Жень.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Я вижу вас даже в зеркале.

(«Книга тысячи объяснений».)

Дэн Ду Мин сказал, что его отражение часто сбегает в прошлое и возвращается помолодевшим.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

С тех пор, как мне заказали пьесу про Генерала Хо, репетиции и представления стал посещать Сержант Жао.

Он никогда не бывал в театре и плохо понимал, что от него требуется.

Но приказ есть приказ.

А все вокруг уже шло не так.

Тщательно отрепетированные сцены в пьесах про Госпожу Фа совсем перестали получаться.

Режиссер Дань увеличил количество репетиций, потом запретил труппе расходиться.

Не помогло.

Нежный Ши Фо часто забывал изобразить колокольчик перед представлением. Играя роль служанки Госпожи Фа, невпопад говорил то фальцетом, то хриплым голосом борца.

Красавица И Лин вдруг перестала вызывать зримое желание Героя Фея.

Его Лев выглядел потерянным, потравленным молью, все время трогал себя.

В финальной сцене, когда Лев распахивает шкуру и впускает внутрь Госпожу Фа, Герой Фей слишком долго возился с крючками.

А с Госпожой Фа внутри Лев не мог твердо стоять на ногах.

Красавица И Лин однажды просто осталась у него на груди и не захотела выходить на поклон.

Сцена каждый раз получалась душераздирающей по-новому.

Пришлось срочно переименовать «Лев одолевает Госпожу Фа» в «Лев печалит Госпожу Фа», а вместо «Триста желанных встреч с Госпожой Фа» - «Копаем яму».

Точное название может оправдать все, что происходит на сцене. Но жизнь на подмостках дала крен.

Иногда в зале оставался спать лишь Сержант Жао.

Режиссер Дань не знал - считать ли его зрителем?

Продолжать ли спектакль?

(Драматург Эн Ань «Фа и Хо».)

Чучело Дак Хин развил в себе талант без выстрелов являть дыры от пуль.

Дак Хин все еще боялся, что деревянные карабины Рядового Фан И Пака придут на смену настоящим, что общество станет более гуманным, показательный расстрел заменят на жонглирование, а он сам попадет на стол к Последнему Врачу До По.

Капитан Дэу Вэ никак не отреагировал на новые качества Дак Хина.

И это было политической ошибкой.

Рядовой Лу Янь с интересом вкладывал пальцы в самостоятельные раны Дак Хина.

Рядовой Фан И Пак сказал, что изобразить след ножа гораздо сложнее.

А Рядовой Кунь Ди Бань заявил, что любое самое трезвое начинание, даже если речь идет о расстреле, со временем становится иллюзией.

Полагаю, Кунь Ди Баню никто не поверил. А мое упоминание о возможной контрреволюции немного охладило его пыл к философии.

Таланты Дак Хина вредны так же, как деревянный карабин Фан И Пака, вес Кунь Ди Баня и любопытство Лу Яня. Они превращают в цирк показательный процесс расстрела. Дарят зрителям ложную надежду на счастливый финал.

Всегда ваш. Бывший Писарь Канцелярии Народного Хозяйства Рядовой Би Як.

(Наместник И «Сборник любимых доносов».)

Давным-давно мы с Цен Це Доком играли в «Счастье».

Один прятал что-нибудь в кармане или за спиной.

Другой протягивал ему то, что попадается под руку и спрашивал: «Счастье?»

Камешек и пузырек с чернилами – если между вещами нет связи, нужно ответить: «Нет!»

Листок Дерева Ин и гусеница - если связь есть, нужно ответить: «Счастье».

Цен Це Дока было легко обмануть.

Он не умел прятать вещи.

Я всегда оказывался счастливей его.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Отец сказал, что возня с лампами в Театре Госпожи Фа истощает мою нервную систему, и что пора заняться образованием.

Вчера я узнал, что железный стол должен легко мыться и быть чуть наклонен, чтобы жидкости тела стекали в таз.

Когда-то давно на этом столе я получил горячее сердце.

Сегодня на столе лежала Мама Лам.

Над ней застыл легкий яблочный аромат.

Она умерла от простуды за четыре дня, хотя Цен Це Док и Дворник Мяк Жень хорошо ухаживали за ней. Делали все по книге Врача Вен Ту Сана «Уход за больными в картинках».

Нож, листовая пила, молоток, долото, пинцет, иглы, нитки, глазные, кишечные, средние ножницы, лупа, линейка…

Солнечные Зайчики Ю Пэ прыгали по стенам.

Как резать женщину, которая иногда кормила тебя сладкими лепешками и гладила по голове?

«Тело, как книга, записывает историю человека», - сказал отец. – «Синяки, зубы, состояние костей и ногтей, содержание кишечника… Вот». - Отец поднял левую руку Мамы Лам. – «Смотри. Между большим и указательным пальцем. Кожа как пергамент - след от старого ожога. Он характерен для Охотников За Яйцами Священной Птицы Ки. Представляешь - такая женщина и огнемет? А вот татуировка». – Отец провел пальцем по серому жуку у основания шеи. – «Печать хитиновой пехоты. Когда-то она была Воином Хун-Тонга. Судя по всему - офицером. У солдата на всю жизнь остаются сбитые от походов ноги».

Иногда Мяк Жень называл Маму Лам Капитаном.

Последние врачи, как и полуденные воры, читают то, что писано не для них.

Отец продолжал говорить, но я не слушал.

Челка упала на глаза Мамы Лам.

Я поправил ее.

От волос к пальцам проскочила искра.

Через два дома от железного стола сидели Цен Це Док и Дворник Мяк Жень.

Они все еще смотрели картинки в книге Врача Вен Ту Сана.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Милая Тростинка, мне очень холодно без тебя.

(«Книга тысячи объяснений».)

Посреди гримерной Красавицы И Лин шипела пламенем маленькая печка. Она долго держит тепло и нежно греет воду.

Скоро представление.

Во время него И Лин не должна мерзнуть.

А Герой Фей, чтобы не испугать холодом кожу И Лин, держит перед выходом ладони на специально нагретой подушечке с мелким речным песком.

Это маленькие секреты Театра Госпожи Фа.

На коленях И Лин - неоконченная пьеса «Генерал Хо».

«Что же будет дальше?» - спросила она.

«Еще не знаю», - ответил я.

Пот щекотал спину.

«Но Капитан Чань полюбит Генерала Хо?» - спросила И Лин.

«Вы и без меня знаете, как было на самом деле».

«Разве я спрашиваю о том, как было на самом деле?»

Я достал платок, вытер шею:

«Полюбит», - ответил я.

Хочешь сделать приятное женщине – измени для нее историю.

(Драматург Эн Ань «Фа и Хо».)

Финал пьесы.

Развалины Ти-Тунга.

На первом плане – Гранатомет Ань Хе и Пулемет Лу А Фэ.

Около пулемета – знамя.

Оторванные руки, ноги, пробитые шрапнелью каски героически разбросаны по сцене.

На вздыбленную бомбой землю, как на пьедестал, ступают Генерал Хо и Капитан Чань.

Генерал легко ранен в плечо.

В руке он все еще сжимает окровавленный Десантный Нож Су Юй.

Генерал Хо

(вытирая клинок о пук травы)

Довольно на сегодня.

Капитан Чань

Пусть земля

впитает кровь невинных и героев.

Над Ти-Тунгом пролетает эскадрилья Штурмовиков Дэнь Дзу Ана Цань.

Капитан Чань поднимает с земли знамя.

Генерал Хо опирается на его древко.

Генерал и Капитан замирают как монумент воинской славы.

(Драматург Эн Ань «Генерал Хо».)

Полковник Мэ аккуратно сложил листки пьесы, и, по своему обыкновению, пошел волнами - задумался.

Мы с Полковником сидели в пустом зале Театра Госпожи Фа.

Труппа пряталась за кулисами.

Иногда до меня долетал свистящий шепот Режиссера Даня. Он гнал от занавеса подсматривающего Ши Фо.

Сержант Жао стоял навытяжку - охранял выход.

«В пятой сцене еще сработает Система Наведения Тинь», – на всякий случай сказал я.

Полковник Мэ покивал.

«Финал жизнеутверждающий, дорогой Эн Ань. Но почему Генерал Хо не погиб? Он же в жизни умер?»

«Разумеется».

«Тогда почему он жив?»

Я привычно вытащил карандаш, положил на колени блокнот.

«Написано умело и легко», - продолжал Полковник Мэ. – «Но где героическая смерть Генерала Хо? Где его подлое убийство? Ведь он отдал жизнь за всех нас. А что такое - отдать жизнь за всех нас?»

Я нарисовал в блокноте первый глаз.

«Это значит, что больше, вроде как, никто не умрет. Кроме врагов, разумеется. Кроме врагов». - Полковник Мэ посмотрел сквозь меня. – «Помните, я говорил, что матери Хун-Тонга должны дрогнуть? Так вот – если они поймут, что больше никто не умрет, они дрогнут. А потом сделают все, что нам нужно». - Почесал ордена. – «И вообще. Пока как-то мало завлекательного-

душещипательного. И персонажей не густо». - Прислушался к звякнувшей в голове мысли, - «Вот что, привлеките, для начала, к постановке нашу расстрельную команду. Я недавно переведен из Ти-Тунга, но уже наслышан об их артистических талантах. Пусть изображают войска. А то у вас все бойцы по частям представлены. А вон та нога вообще пальцами шевелит. Она что - веселиться?! Эй!!! Кто-нибудь!!! Добейте!!!»

К ноге с лопатой в руках осторожно подошел Нежный Ши Фо.

«Кукольные части сейчас редкость», - пожаловаться я. - «Негде набрать реквизит».

«Маловато живого народу. Ма-ло-ва-то!» - Полковник встал и решительно направился к выходу. - «А в остальном – очень жизненно!»

Насладился эхом, поправил губу на лице Сержанта Жао, вышел, поскрипывая новыми противоминными сапогами.

(Драматург Эн Ань «Фа и Хо».)

Глупость побеждает всегда.

Ее больше.

Запасись глупостью, если хочешь победить.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

Туман крадет улицы.

Фах-фууу… Фах-фууу…

Мяк Жень стирал следы ночи с Площади Лишних Ног.

Фантики, собачьи кучки, отлетавший Воробей Пи.

У Мяк Женя метла на кривой палке.

Хвост у метлы крутился. То упирался в землю растопыренными прутьями, то ложился.

Мяк Жень не смотрел под ноги.

Его не увлекала история мусора.

«Кыс-кыс», - позвал Мяк Жень. - «Кыс».

Сквозь туман трудно разглядеть движение, услышать шорох кошачьих лап.

«Ну, вот и мыррр», - не сразу ответил я.

Приятно, когда тебя ждут.

(Паленый Уй Ям «Книга Кота».)

Мастер Юнь переделал меня из Неспящего Чука в Кота и подарил Генералу Хо.

Никогда не прощу Юню, что тот выковырял все огоньки, которые светили, когда я пел.

(Паленый Уй Ям «Книга Кота».)

Со третьей попытки я легко запрыгнул Мяк Женю на плечи, лег воротником:

«Сколько Гадалка Цай наговорила и все сбылось».

«Почему трясется твое грязное брюхо? Тебя тошнит?» - не переставая работать спросил Мяк Жень.

«Это я смеюсь. Она до сих пор крутит нами, как хочет. Уже пол поколения прошло, как пропала, а мы все по ее указке живем».

«Любому сражению нужен план», - сказал Мяк Жень. – «А у Гадалки был план. Он говорит, сколько лет в жизни ты будешь счастлив, а сколько – нет. Я уже был счастлив».

Туман оседал каплями на траве.

В луже отразилась утренняя звезда.

Мяк Жень смел звезду в канаву, потрепал меня по загривку, старательно вытер руку о фартук:

«Капитан Чань больше нет. А это значит, что скоро битва, Уй Ям. И в эту битву я поведу кота».

(Паленый Уй Ям «Книга Кота».)

Сегодня нашу расстрельную команду посетил Драматург Эн Ань.

Он слишком суетлив, что странно для драматурга, получившего такое ответственное поручение.

Ему приказано ввести нас в пьесу о Генерале Хо.

«Давайте попробуем. Давайте попробуем», - повторял Эн Ань. – «Нам нужна армия. Даже две».

«Но мы», - Капитан Дэу Вэ поискал слово, - «настоящие!»

Капитан Дэу Вэ имел ввиду, что воинам Хун-Тонга не следует играть воинов Хун-Тонга.

«Согласно последним постановлениям, нас интересует только правда жизни». - Ответ Драматурга Эн Аня прозвучал убедительно, но не искренне.

«Тогда мы возьмем настоящие ружья!» - сказал Капитан.

«Зачем? А, впрочем…» - Эн Ань был согласен на все.

Никто, кроме меня, не осознавал всю серьезность поставленной задачи.

Чучело Дак Хин сразу предложил себя на роль погибающих повстанцев. Он готов умирать где угодно, лишь бы не умирать.

Рядовой Лу Янь ловил для Птиц Тай Бронзовых Мух Зу.

Фан И Пак точил свой нож.

«И это после того, как сожгли мой деревянный карабин», - заметил он.

«А не попахивает ли это контрреволюцией?» - громко спросил, тренировавший осанку, Кунь Ди Бань. И сам себе ответил. – «Попахивает во всех отношениях».

Последнее время Бывший Профессор Литературы стал настолько велик, что не всякий без привычки мог понять - лежит он или стоит.

Своим вызывающим поведением отставной Профессор пытался выказать пренебрежение действующему драматургу.

В этом весь Кунь Ди Бань.

Он оказывает на команду разлагающее бездействие.

Чтобы точно воспроизводить чужие разговоры, я сшил себе крохотный блокнот и незаметно помечаю основные направления слов, держа руку в кармане.

Только один раз мое карманное письмо заметил Рядовой Лу Янь и спросил – что это я там все время трогаю.

Всегда ваш. Бывший Писарь Канцелярии Народного Хозяйства Рядовой Би Як - Мастер Карманного Письма.

(Наместник И «Сборник любимых доносов».)

Лу Янь пытался вернуть воинам Хун-Тонга Карабин Вен Чу.

Карабин не взяли.

До конца военного контракта Лу Яню оставалось еще семьдесят четыре года*.

(Паленый Уй Ям «Книга Кота».)

Чтобы больше узнать об И Лин, надо пол луны держать под языком ее Нефритовый Шарик Си Сянь.

Тан-ти-ри-тун. Тан-тан-ти-ри-тан.

Шарик был неразговорчив.

Отбивал по зубам ритм.

Но сегодня за утренним рисом, я его проглотил.

Торговец Всем Ланг Вей сказал, что женщиной я не стану, что Си Сянь - это всего лишь традиция, но, на всякий случай, посоветовал тайно посетить Переулок Веселых Фонарей и повзрослеть.

«Ты еще очень мал для Переулка*». - Чтобы скрыть улыбку, Ланг Вей приклеил к верхней губе зеленый с красными кончиками усы. - «Но кто знает, куда могут завести эти традиции?»

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

(* - совершеннолетие в Хун-Тонге наступает при достижении пятнадцати лет. Сожительство с несовершеннолетним наказывается вечной ямой. *прим. Почтенного Издателя Шеня.*)

Переулок Веселых Фонарей настолько велик, что многие принимают его за город, к которому пристроен Храм Малого Бога.

Уже в «Учебнике реальных сил Сэюмо» он упоминается как самый оживленный и многолюдный:

«Переулок Веселых Фонарей больше иных улиц. Теперь Сэюмо думает, что лишнее счастье, купленное за деньги, ничем не отличается от подаренного просто так».*

(Географ Т Сей «Иллюстрированный план Хун-Тонга с подробными комментариями», 4 п.н.)

(* - проституция в Хун-Тонге не вызывает порицания. «Встретил Бэй Ту в Переулке. Она прошла мимо, не вспомнив меня. Шел следом и думал: «Как глупо устраивать заговор, когда все,

что тебе нужно, можно получить, постучавшись к Бэй Ту». (Заговорщик Кинь Ха «Письма из Переулка» 312 п.н. *прим. Почтенного Издателя Шеня.*)

Мы с Фан И Паком сидели в зале Театра Госпожи Фа на заднем ряду.

Ждали своего выхода.

Я собирался прочитать стихотворение «Где ты, Ослик Иц Ка Шу Юк»*, а Фан И Пак решил изобразить Храм Малого Бога, на который села Бабочка Синь.

В детстве он посещал Кружок Последнего Танца.

Чучело Дак Хин стоял на сцене:

«Просто наведите на меня палец и скажите: «Ды-дых!»

Режиссер Дань нехотя навел на Дак Хина палец:

«Ды-дых».

«Грррааа!!!» - Чучело схватился за грудь, забулькал горлом, открыл раны, густо забрызгал кровью два первых ряда.

Он старался изо всех сил.

Даже Режиссеру Даню, сидевшему на четвертом ряду, досталось несколько капель.

«А еще я могу изобразить подрыв на Противопехотной Мине Цинь Де», - сказал Дак Хин отдышавшись.

«Ши Фо!» - крикнул Режиссер Дань. – «Где Ши Фо?!!»

Из-за кулис высунулась бритая голова.

«Захватите ведро и тряпку!» - Дань вытер рукавом лицо.

Загрустил.

(Большой Кунь Ди Бань «И т.д.»)

(* - Где ты, Ослик Иц Ка Шу Юк?

Я уздечку твою нашел.

Пахнет сеном она и дождем.

Где ты, детство мое?

Постой.

Что останется от тебя?

Под окном от копытца стук.

(Тын И Йо «Где ты, Ослик Иц Ка Шу Юк» 43 п.н. *прим. Почтенного Издателя Шеня.*)

Комната в Переулке Веселых Фонарей пахла засохшими цветами.

Стены завешаны яркой почти без дыр материей.

Ширма с поблекшими на солнце говорящими рыбами.

Я сел на травяную циновку около двери, уважительно потупил взгляд.

В комнате задержалось тяжелое дыхание многих мужчин и женщин.

На ум пришло число четыреста тысяч девятьсот тридцать семь.

Распахнутое настежь окно не могло выветрить плотный от желаний воздух.

Семена одуванчика висели в нем неподвижно.

Посреди комнаты на тюке с одеждой сидела девочка.

Робко поджимала ноги.

Она еще не обжила комнату.

Не распаковала вещи.

У девочки было два лица.

Правое улыбалось, левое грустило – уголки века и губ опущены вниз.

«Меня зовут Разная Сай Ду», - сказала.

Свежее платье шуршало о ее тело.

Неумело покрытые розовым лаком ногти, веснушки на кистях.

«Посещать Переулок Веселых фонарей можно только с пятнадцати лет», - сказала Разная Сай Ду. - «Вам уже исполнилось пятнадцать?»

«Скоро будет семнадцать», - ответил я.

Человек выглядит старше, если считает не прошедшие года, а наступающие.

«Семнадцать», - повторила Разная Сай Ду с сомнением. – «Мы с вами, наверное, ровесники».

Она тоже хотела казаться старше.

Я вспомнил рассказ Цен Це Дока про кармашек. И уж совсем зря - лежащую на железном столе Маму Лам.

«У вас есть деньги?» - спросила Сай Ду.

Я протянул ей монету, которую украл у отца.

Вместо того, чтобы попробовать монету на зуб, она приложила ее к щеке:

«Хорошие деньги. Теплые».

Раздеваясь, она запуталась в рукавах.

Я тянул на себя ее платье.

Она опиралась в меня острыми коленками.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Вы слишком заметны для посторонних глаз.

(«Книга тысячи объяснений».)

За стеной упал мимо кровати, пьяно засмеялся ранний посетитель.

Старые занавеси вздыбились от сквозняка, обнажили неровную, позеленевшую от влаги и времени штукатурку.

Над переулком сеял мелкий дождь.

С потолка капало.

Вода била в пол.

Высекала облачка пыли.

Моя голова лежала на коленях Сай Ду.

Иногда я терся ухом об узелок ее пупка.

«Я не самая младшая в Переулке», - сказала Сай Ду. – «Госпожа Линь Линь моложе меня на целых семь дней».

Сай Ду вспоминала свою деревню, Маму Ду, которая при рождении подарила ей два лица, речных пиратов, забиравших большую часть урожая Едкого Чеснока Тни. Они перегружали лодки и часто переворачивались на середине реки Вао Хэ. И тогда вода в реке становилась острой.

Закрываю глаза.

Трогаю ее лица.

Наощупь радость и грусть одинаково хороши.

«В школе меня дразнили Кривой Сай Ду. А Мать Переулка Госпожа Вы сказала, что здесь мои лица будут пользоваться успехом». - Закрыла платком грустное лицо, осталась с улыбкой. - «Что же – я пользовалась у вас успехом?»

«Вы мне напомнили Красавицу И Лин в пьесе «Первое свидание Госпожи Фа». Тогда еще Режиссера Даня крепко побили».

Я замолчал.

Понял, что вышло не то, что хотел сказать.

Иногда отсутствие сравнения лучше, чем разнообразие.

Дождь потерялся.

Падающие капли перестали считать время.

С опозданием пришла прохлада.

«Вам пора», - сказала Сай Ду. - «Ваша монетка остыла».

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Сегодня ночью хотел думать о Красавице И Лин, но думал об утренней Сай Ду и ее острых коленках.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Все дороги ведут к Храму Малого Бога.

Все мысли – к вам.

(«Книга тысячи объяснений».)

Капитана Дэу Вэ расстраивают вылепленные Фан И Паком Самолеты Дэнь Дзу Ана Цань на ниточках и Гранатометы Ань Хе из жеванной рисовой бумаги.

Для поддержания дисциплины он ввел три построения вместо одного.

Утреннюю перекличку.

Дневной строевой смотр.

Вечернюю поверку.

Мы в строю перед дверями Театра.

Лихо выполняем команды.

Вокруг нас, как в дни праздников, собираются зеваки.

Командный голос Капитана Дэу Вэ выводит из комы обитателей Больницы Весельчаков, что напротив. Он громче голоса Режиссера Даня, сильнее стен театра.

И все же дисциплина в расстрельной команде не та.

Бывший Профессор Литературы Рядовой Кунь Ди Бань все время ест.

Он и Бывший Учитель Труда Рядовой Фан И Пак недостаточно интересуются постановкой - день напролет играют в Таракана в дальнем конце зрительного зала.

Рядовой Лу Янь отказывается заходить в театр. Сидит на ступеньках у входа.

Лу Янь не хочет видеть И Лин в роли Госпожи Фа.

Не хочет видеть то, что знает.

Мой бывший начальник Старший Писарь Канцелярии Народного Хозяйства Почтенный Кы Жо любил говорить: «Одно дело, когда ты знаешь то, что знаешь. И совсем другое, когда ты знаешь, что так оно и есть».

Из уважения к И Лин Драматург Эн Ань придумал Лу Яню роль. Он будет стоять перед входом в театр в парадной форме Воина Хун-Тонга и проверять билеты.

Избитое решение на мой взгляд.

Лишь Чучело Дак Хин трудится с полной отдачей, и проводит политкорректно свободное от репетиций время - лежит за кулисами в сундуке для реквизита.

Я же работаю над ролью третьего воина. Нашел себе повязку на лоб с красным пятном. Зрителям будет казаться, что я ранен. А если ночью перед премьерой сколько возможно наесться острого супа из куриных потрохов, а потом напиться воды, то лицо к утру приобретет отечность раненого в голову.

Мой персонаж, несмотря на боль и потерю крови, не покидает строй, являя пример стойкости и безграничной преданности своему делу. В этой роли нет слов. Силу духа моего персонажа можно показать через чистку Карабина Вен Чу.

«Пусть у него от ранения дрожат руки», - предложил я Режиссеру Даню. – «Поэтому, он никак не может вставить на место затвор. И не хочет, чтобы кто-то ему помог».

Режиссер Дань одобрил мое решение.

Он полезен во всех отношениях.

Звуковое же оформление будущего спектакля вызывает сомнения.

Нежный Ши Фо фальшиво поет сверчком за кулисами и плохо изображает крики радости жителей Ти-Тунга.

Герой Фей не походит на роль Генерала Хо. Он слишком смазлив и хлипок.

Поставьте Героя Фея рядом с памятником Генералу Хо и вы все поймете.

С приходом нашей команды, труппа Театра Госпожи Фа переведена на военное довольствие.

Всегда ваш. Бывший Писарь Канцелярии Народного Хозяйства Рядовой Би Як - Мастер Карманного Письма и Перевоплощения.

(Наместник И «Сборник любимых доносов».)

«Ну», - сказал Полковник Мэ и сложил руки на портупее, - «Давайте посмотрим».

Герой Фей принял героическую позу.

Полковник Мэ посмотрел на Героя Фея, на памятник Генералу Хо, снова на Героя Фея, нажабил губы:

«Для Генерала Хо он слишком смазлив и хлипок», - сказал Режиссеру Даню, заглянул в бумажку, которую держал в руке, повторил. – «Слишком».

«Может быть, надеть шкуру Льва?» - робко предложил Герой Фей.

(Драматург Эн Ань «Фа и Хо».)

Каждый день пью отвар из вяленых слив.

Каждый день растираю низ живота мазью, сделанной из засушенных и растертых кишок Панды Сун - самого трусливого животного на земле.

Говорят, она готова обкакаться от страха, услышав собственный храп.

Где же Нефритовый Шарик Си Сянь?

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

В театре Госпожи Фа ночь.

Потушив лампы, я шел между рядов.

Кто-то поймал меня за руку.

У выхода сидела И Лин.

Легко притянула к себе, распахнула мой халат.

Провела пальцем по шраму.

Приложила ухо.

Возня голубей под навесом стихла.

Сквозняк затаил дыхание.

От ее волос сквозь аромат жасмина пробивался запах Дорогого Табака Чи Нир.

Мое сердце отозвалось тяжелыми ударами.

Может быть поэтому я погладил И Лин по голове.

Ладонь опустилась по щеке к шее.

Пальцы нашли крохотную родинку, пульсирующую жилку…

В животе забурчало.

Шарик Си Сянь боролся с отваром из вяленых слив.

И Лин отстранилась:

«Твой отец слишком добр к тебе».

Подтолкнула к выходу.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Жар рождал лень.

Во время послеобеденного сна на заднем дворе Театра Капитану Дэу Вэ снились показательные стрельбы.

Он глухо выкрикивал команды, ворочался, раскидывал руки.

«На месте стой!»

«На пле-чо!»

«Товсь!»

Бывший Писарь Канцелярии Народного Хозяйства Рядовой Би Як выполнял спящие команды Капитана Дэу Вэ, поглядывал с осуждением на остальных, лежавших у костра.

Никто, казалось, не обращал на Би Яка внимания.

Лу Янь приклеивал к лапкам Бронзовых Мух Зу паутинки, наблюдал за их недовольным полетом.

Бывший Профессор Литературы Рядовой Кунь Ди Бань жевал травинку. После поступления в труппу у него было особенно скверное настроение.

Бывший Учитель Труда Рядовой Фан И Пак точил нож.

Чучело Дак Хин, чтобы меньше видеть, сидел с закрытыми глазами.

«Пли! К ноо-ге!»

Лишь соседка Госпожа Ни Му благосклонно наблюдала из-за забора за крепкими шагами Би Яка.

На Госпоже Ни Му было праздничное платье, хотя никакого праздника не было.

«А давайте его утопим», - тихо предложил Бывший Профессор Литературы Рядовой Кунь Ди Бань.

«Кого?» - не понял Лу Янь.

«Стукачика нашего Би Яка. Кого же еще?» - сказал Фан И Пак.

«Зачем?» - спросил Лу Янь.

«Хороший вопрос». - Кунь Ди Бань повернулся на бок, уронил на Лу Яня тяжелую тень. – «Ну, хотя бы потому, что наказывать предателей и стукачей в литературной традиции Хун-Тонга».

«А вы кого-нибудь топили?» - спросил Лу Янь.

«Он так просто не утонет», - Фан И Пак отложил нож, пододвинул к себе обрывок газеты «Лишний язык», достал карандаш. – «Если учесть вес Би Яка, объем талии, то…» - Фан И Пак нарисовал небольшой чертеж, стрелками обозначил на нем силы, действующие на тело, погруженное в жидкость. - «Би Як, ты сколько весишь?»

Би Як не ответил.

Фан И Пак сложил в формулу несколько цифр, почесал за ухом. - «Лучше сначала его оглушить».

«А кто тогда будет писать на нас доносы?» - не открывая глаз, сказал Дак Хин. – «Кто-то должен».

Возражение Дак Хина показалось важным.

Кунь Ди Бань выплюнул травинку:

«Расстрельная команда. Даже утопить человека не можем».

«М-да», - Фан И Пак бросил чертеж в огонь.

«Шагом арш!»

Бодро вскидывая ноги ввысь, Би Як замаршировал в дальний угол двора.

«Может он и сам когда-нибудь умрет?» - сказал Фан И Пак.

«Это тоже в литературной традиции Хун-Тонга», - согласился Кунь Ди Бань.

«Я умею захлебываться», - сказал Чучело Дак Хин. – «Хотите, покажу?»

(Паленый Уй Ям «Книга Кота».)

Бывший Писарь Канцелярии Народного Хозяйства Рядовой Би Як заблудился за кулисами Театра Госпожи Фа.

Весь день мы как пение слушали его далекие крики.

(Большой Кунь Ди Бань «И т.д.»)

Закулисье Театра Госпожи Фа заполнено лабиринтом темных переходов, сотами тесных комнат артистов и кладовых.

Закулисью, как и Тайне Госпожи Фа, нужен сумрак блужданий.

Актеру, чтобы потерять лишние чувства.

Режиссеру, чтобы скрыться от рассерженных зрителей.

Здесь любой жест угадывается, прикосновение домысливается, тайные слова шепотом проникают сквозь тонкие стены, обретают и теряют смысл.

Кажется, что ты навсегда пропал в пародии Храма Малого Бога.

(Писатель Лао «Цветные Облака».)

Утреннее солнце пробиралось сквозь щели.

Сай Ду крепко прижимала меня к себе.

Спать вдвоем неудобно и жарко.

Как под тремя пуховыми одеялами.

От тесноты взмок.

Коротко стриженые волосы на лобке Сай Ду кололи ногу.

«Переулок Веселых Фонарей в сто раз лучше Театра Госпожи Фа», - сказала Сай Ду.

«Но вы никогда не были в Театре Госпожи Фа».

«Зато я видела, как Мастер Шнурков* Уи выдувает носом цветные пузыри», - сказала Сай Ду. – «Каждый раз после удовольствия он спрашивает – любят ли его? «Конечно» - отвечают ему. Ведь приходит он за этим ответом и получает то, что хочет».

«А бывает, что в Переулке кто-то получает не то, что хочет?»

«Такие обычно попадают на прием к Врачу Нижнего Пояса** Су О».

Переулок менял Сай Ду.

Она научилась шутить.

«Та, что прожила в Переулке больше двух лун с первого взгляда поймет, чего хочет и чего добьется ее любовник, даже если он пришел всего на одну ночь». - Сай Ду умело подражала голосу Госпожи Вы.

«Что же я?»

«Что же?»

«Добьюсь чего-нибудь?»

Мой вопрос застал Сай Ду врасплох.

Оба лица ее оказались растеряны.

Вокруг глаза Сай Ду кружил заблудившийся среди лиц Переулка Птенец Священной Птицы Ки.

На затылке Сай Ду ямка, покрытая легким пушком.

Если дотронуться до нее, то не хочется ни о чем говорить.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

(* - Одно из традиционных ремесел Хун-Тонга – изготовление шнурков для ботинок. Обуви в Хун-Тонге почти нет. Повешенные на стену шнурки служат образом жизненного благополучия.

** - Если речь идет о нижнем поясе, значит человек гол снизу. Если о верхнем – значит обнажен его торс.

И с поля битвы Чунь бежал.

Всем нижний пояс показал.

Цен Це Док «Бегущий Чунь», *прим. Почтенного Издателя Шеня.*)

Лишь немногие достойны того, чтобы им говорили правду.

Иные не заслуживают и нашей лжи.

(«Великий учитель №3».)

Акт второй. Действие первое.

Блиндаж.

Генерал Хо и Капитан Чань сидят за дощатым столом напротив друг друга.

У Генерала Хо туго перетянуто левое плечо.

Капитан Чань

Смолкает эхо канонады дальней.

Генерал Хо

Мне тишина вредна.

Капитан Чань

Но, иногда,

она легко заменит гром победы.

Генерал Хо

На афоризм похоже.

Капитан Чань

У тебя

я научилась кратко говорить.

Генерал Хо

Ты будто бы не рада возвращенью.

Капитан Чань

Рада.

(с чувством)

Очень.

Генерал морщится от боли, трогает стянутое бинтом плечо.

Генерал Хо

Да… я везучий…Это точно…

(усмехается)

Осколочно-фугасное везенье.

Убило многих – я, лишь, полетал.

Капитан Чань

(грустно)

Все шутишь.

Подходящий повод?

Генерал Хо

(не отрывая взгляда от Капитана Чань,
тщательно подбирая слова)

Мне кажется, что, иногда, есть связи.
В них не важны ни время, ни пространство.
Улыбка двух людей объединяет,
Хотя, меж ними десять дней пути.
Полет осы и поцелуй случайный.
Касанье счастья и игла утраты.
Наверно, это глупо, но с тех пор,
как ранено плечо, я связь ищу
с тем, что случилось где-то без меня.

Капитан Чань

Уж лучше пошути.
Я потерплю.

Тишина длится. Сгущается.

Генерал Хо

И тишина становится молчаньем...

(Драматург Эн Ань «Генерал Хо».)

Герой Фей и Красавица И Лин отложили в сторону листки, поглядели в зал.

«Госпожа И Лин хороша. Замечательный Капитан». - Полковник Мэ в задумчивости поскреб ногтем текст пьесы. – «Но о чем эта сцена?»

«Они расстаются», - объяснил Режиссер Дань.

«Почему?» - поднял бровь Полковник.

«В этой сцене Генерал Хо понимает, что Капитан Чань изменила ему с Майором Лоу», - попытался исправить положение я.

«Нет», - перебил Полковник Мэ. – «Никаких сложностей. У Генерала и Капитана должно быть все правильно. Выбросите все эти разговоры и кризисы, дорогой Эн Ань. Пусть они любят друг друга. Только любовь, и никаких Майоров Лоу! Например - Генерал спасает Чань, и она предана ему до пепла». – Полковник загибал пальцы. - «Или - она погибает, а он мстит врагам. Лучше, конечно, чтобы спасал и мстил одновременно».

«Но реальность исторической личности…» - начал Режиссер Дань.

И тут Полковник Мэ сказал то, на что возразить было невозможно:

«Реальность исторической личности в том, что нельзя представить себе Генерала, с которым даже Капитан жить не хочет».

Это был приказ.

«И почему наш Уважаемый Герой Фей вдруг забегал по сцене как голодная мышь по павильону, когда… вот тут…» – Полковник порылся в бумагах, - «ага: «не отрывая взгляда от Капитана Чань, тщательно подбирая слова». Не отрывая - как удав! Слова - сквозь зубы! И никуда она не денется».

«Я образ искал». - Герой Фей задумчиво жевал лацкан генеральского мундира.

(Драматург Эн Ань «Фа и Хо».)

Требуется актер.

Театр Госпожи Фа ищет актера для исполнения ролей Генерала Хо в патриотической постановке «Генерал Хо» и Героя Фея в пьесах о Госпоже Фа.

Для предварительного собеседования следует обратиться лично к Полковнику Мэ. Кабинет допросов и легких пыток №321.

(Объявление, расклеенное на улицах Хун-Тонга.)

Лаковый ноготок Сай Ду чертил дорожку на моей груди:

«Если бы Герой Фей не поругался с Режиссером Данем, то смог остаться хотя бы Героем Феем».

«А Полковник Мэ сказал, что наш театральный скандал - государственная тайна», - удивился я.

«А Госпожа Вы говорит, что женщины Переулка как Птицы Тай. Стоит узнать одной - и обсуждают все», - сказала Сай Ду.

«Наверное, Герой Фей посещает одну из ваших подруг?»

«Режиссер Дань посещает. Госпожа Линь Линь рассказывала, что он любит играть с ней в Героя Фея и Госпожу Фа».

«Не могу представить Режиссера Даня в роли Героя Фея».

«Обычно, он играет Госпожу Фа. Может быть, ищет ее тайну». - Сай Ду прижалась ко мне грустным лицом. – «Почему вы не смеетесь над хорошей шуткой? Люблю, когда вы смеетесь».

С закрытыми глазами я мог пересчитать веснушки на кистях ее рук, определить настроение по выступающей нижней губе, поймать в толпе три запаха ее волос - ромашковый, мятный, пряный…

Знал, что если разом дотронуться до ее сосков, то два лица Сай Ду улыбнуться.

«Тайна Госпожи Фа», - повторила Сай Ду. – «Ее знает только один человек».

Я открыл правый глаз:

«Кто же?»

«Госпожа Фа разумеется. Так что - не торопитесь одеваться и спешить к И Лин за ответом».

Меня кольнула ирония Сай Ду, и я попытался ответить тем же:

«Все еще повторяете шутки Госпожи Вы?»

«Ну и что?» – Сай Ду откинулась на спину, потянулась до дрожи в кончиках пальцев. – «Какой интерес делать на, полной сквозняков, сцене то, что можно получить в уюте? Хотела бы я посмотреть на ту, что согласилась покинуть Переулок ради Театра».

«Вам так хорошо здесь?» - спросил я.

«Вы здесь», - просто ответила Сай Ду.

И я не знал – ее это слова, или эхо моего желания их услышать.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Милая Тростинка, не заставляй быть без тебя.

Засыпать и просыпаться в Саду Шорохов.

Слышать, как падают и увядают листья.

Бояться времени.

Я живу только в тебе.

Твоим дыханием.

Глазами.

Словами.

Крохотным огоньком твоего сердца.

Милая Тростинка, не лишай меня дома.

Не лишай тепла.

Я боюсь света без тебя, боюсь своих мыслей, уводящих в молчание и пустоту.

Что можно выбрать вместо ожидания встречи, горечи поцелуя, вместо первого утреннего крика продавцов цветных пончиков?

Что можно выбрать вместо жизни?

Милая Тростинка, не оставляй меня.

Ведь тогда все изменится.

Ты станешь другой.

Под кожей твоей, под тонким мрамором век, под языком поселится холодок определенности.

Ты поймешь печаль выбора.

Узнаешь плавность суждений.

И Луна потухнет на лице твоем.

(«Книга тысячи объяснений».)

Выстрел никто не услышал.

Нежный Ши Фо и Герой Фей были посланы в походную кухню за едой.

У По заправлял керосином лампы.

Лу Янь, как обычно, сидел у входа в Театр.

Драматург Эн Ань отпросился домой, чтобы исправить в пьесе указанные Полковником Мэ недочеты.

Капитан Дэу Вэ на сцене лепил правильные самолетики в масштабе один к сорока трем.

Бывший Учитель Труда Рядовой Фан И Пак натужно смеялся, выигрывая в Таракана у Бывшего Профессора Литературы Рядового Кунь Ди Баня.

Лоб Кунь Ди Баня красен.

У игроков не было денег.

Они уже привыкли играть на щелбаны.

Сержант Жао показал им арестованного таракана, но его снова не взяли в игру.

Не обращая внимания на ставший привычным шум, Режиссер Дань беседовал со мной о героическом образе Генерала Хо.

«Он легко может убить человека», - говорил Дань. – «Но переживания Генерала Хо гораздо интереснее, чем их проявления. Он не будет плакать, не будет смеяться, а зритель должен понять, что вот сейчас он плачет, смеется, проявляет твердость духа и исполняет свой долг».

«Но когда-то Генерал Хо заплачет по-настоящему?» - спросит я. – «Слеза. Одна».

«Никогда». - Режиссер Дань улыбнулся моему вопросу, хлопнул по плечу.

Это был самый громкий звук, который я слышал.

И тогда из-за кулис на сцену выбежал испуганный Чучело Дак Хин.

«Там. Там. Там», - повторял он.

Капитан Дэу Вэ, Би Як и Режиссер Дань прошли за Дак Хином.

Красавица И Лин лежала посреди своей гримерной с маленькой дырочкой в груди.

В комнате медленно кружил утиный пух.

Его было так много, что казалось, будто идет цветной снег.

Убийца выстрелил И Лин в сердце сквозь подушку для сидения.

При падении колени И Лин разорвали тесную ткань платья.

Дэу Вэ прикрыл ноги И Лин платком, которыми отдавал приказы к расстрелу.

«Аккуратно», - сказал, заглянув в пулевое отверстие. – «И крови немного».

Раньше я никогда не слышал, чтобы он говорил так тихо.

Капитан Дэу Вэ провел пальцем по щеке И Лин.

Ноги Режиссера Даня подогнулись.

Я успел подхватить его.

«Дверь была приоткрыта», - сказал Чучело Дак Хин, - «Я вылез из сундука с реквизитом и увидел».

«Ты что-нибудь слышал?» - спросил Дак Хина Капитан Дэу Вэ.

«Чтобы ничего не слышать, я сны смотрю».

Все были растеряны.

Дэу Вэ не знал, куда деть руки.

Чучело Дак Хин не заметил перо, которое опустилось ему на уголок губ.

Режиссер Дань уткнулся лбом в стену.

Тихо, будто боясь разбудить смерть, мы стали выходить из комнаты.

Всегда ваш. Бывший Писарь Канцелярии Народного Хозяйства Рядовой Би Як – Ищущий Мастер Карманного Письма и Перевоплощения.

(Наместник И «Сборник любимых доносов».)

Когда сердце начинает биться медленнее в триста раз.

Когда песочные минуты перестают течь.

Миг растворяется.

Но ты еще здесь.

Ты еще не утратила надежды на будущее.

На возвращение имени.

Ты будто задержала дыхание, присела на камень за Хун-Тонгом.

И все еще кажется, что можно выбрать – вернуться или сделать первый шаг к Луне, закрытой от тебя слепотой горизонта.

Это мгновение не терпит суеты, не любит людей, которые торопливо вгоняют тебе иглы под кожу, бьют кулаком в грудь. Это мгновение боится человека с острым ножом, который разрезает тебя от подбородка до паха.

Раскрывает словно сундук.

Достает из тебя то, что тут же теряет цену и красоту.

Не жди.

Делай шаг.

(«Небесные вешки или Путешествие Полной Луны».)

Пахло Дорогим Табаком Чин Ир.

Наместник И сидел посреди зала Театра Госпожи Фа.

Кружившие вокруг его головы Птенцы Священной Птицы Ки не давали разглядеть обширные залысины, морщины в уголках глаз.

У входа замерли лишние жены Наместника.

Мы во главе с Сержантом Жао стояли у стены в пяти шагах от него. Выполняли приказ Полковника Мэ - закрывали дыру в стене. Давным-давно ее проломили зрители головой Режиссера Даня.

Перед Наместником И на стуле, следуя протоколу, стоял Режиссер Дань. Так ставят выступающих малышей на детских представлениях в честь Повешенного Ученика.

От волнения Режиссер Дань заикался:

«Пок-казать?»

«Что?» - Наместник И не сразу отвлекся от своих мыслей.

Голос его был слаб, тих, дарил уверенность, что в этой жизни уже ничего к лучшему не изменить.

«Ком-мнату, где убили К-кра-асавицу И Лин», - ответил Режиссер Дань.

«Вы заикаетесь?»

«Н-нет».

«Тогда – не заикайтесь».

Наместник И посмотрел на Полковника Мэ.

Готовясь к ответу, Полковник встал на соседний с Режиссером Данем стул.

«Где остальные? А. Вот». – Наместник И только заметил нас.

От его взгляда под ногами забегали мурашки.

«Кто-то из вас виноват», - сказал Наместник. – «И я не промахнусь, если накажу всех».

На висках Чучела Дак Хина выступил пот.

Перед Театром на камне громыхнула повозка.

В Больнице Весельчаков, несогласно закричал больной, который обнаружил, что ему отпилили сгнившую руку.

Наместник И прикрыл веки:

«Но я подожду справедливости».

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Нельзя облегчать участь преступника групповой казнью.

Она ведет и его, и законопослушного зрителя к мысли, что казненные не печальное исключение, а люди, следующие иным правилам.

И правила эти могут показаться ему ничуть не хуже общепринятых.

(Наместник И «Музей».)

Вечером И Лин лежала на железном столе отца.

Приоткрыв дверь, я увидел узкие ступни.

На правой отец уже вывел иероглиф «И», на левой - «Лин».

Так пепел И Лин не забудет свое имя.

Я смотрел на розовые пятки И Лин, на неровно положенную туш иероглифов.

Когда-то я хотел знать об И Лин все.

Сейчас хотел знать еще больше.

Хотел увидеть ее изнутри.

Потрогать руками.

Хотел испугаться.

Хотел, чтобы меня вырвало.

Чем страшнее, тем лучше.

Наверное, потому, что я вдруг не нашел в себе горя утраты.

Утром вместе с отцом мы должны были достать пулю, оценить состояние органов, разобрать содержимое желудка.

Но утром И Лин исчезла.

На земляном полу, на траве около дома не было ее следов.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Жизнь утешает ребенка.

Обещает превратить его печаль в сладкую память детства.

(«Великий учитель №3».)

Дальше была ночь.

Остался позади свет облаков.

Птица Тай улыбнулась мне последний раз и пропала.

Луна стала ближе.

«Я ждала тебя», - сказал кто-то рядом.

Я обернулась и ничего не увидела.

«Чтобы увидеть – надо знать, что увидеть можно все, что угодно», - сказал голос.

Я присмотрелась и увидела Ногу.

Но Нога не продолжалась.

У нее не было и колена.

«Да, колена мне не хватает», - улыбнулась Нога. Как она это сделала? – «Но, зато, какие пальцы».

Нога пошевелила пальцами.

И еще раз пошевелила.

Для большего эффекта.

«Разве я сказала о колене вслух?»

«Все об этом думают. Почему-то». - Нога вздохнула. Как она это сделала? - «Что ж, пора. Путь предстоит долгий и лишняя нога тебе не повредит».

Это была хорошая шутка.

(«Небесные вешки или Путешествие Полной Луны».)

Волосы у Следователя Пына росли только на пальцах и ушах.

Он сидел за нашим железным столом, на котором стояли чашка и глиняный термос с танцующим чаем.

Только очень одинокий человек носит танцующий чай в термосе.

У стены ждали два воина.

Удивленное Солнце заглядывало в окно.

«Значит, здесь она и лежала?» - Пын провел ладонью по столу, понюхал руку. - «А теперь, значит, не лежит. Что-нибудь добавить желаете?»

«Нет», - ответил отец.

«Мертвые иногда ходят», - сказал первый Воин и, на всякий случай, встал ближе к двери.

«От мертвого человека всего можно ожидать», - сказал второй.

Пын строго посмотрел на подчиненных:

«Вас кто спрашивал?»

Воины замолчали.

Пын снова повернулся к отцу:

«Вечером на допрос».

Взгляд Следователя переполз на меня:

«А это кто?»

«Сын».

Пын, бережно допил чай:

«Не похож».

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Поиск врага – одна из составляющих спокойствия Хун-Тонга. Таков главный парадокс политического равновесия.

Уменьшив кукол, мы подвергли себя большей опасности.

Страх в людях не находит ответа на вопрос «Кто виноват?» и становится неуправляем.

Исчезновение охотника за яйцами Священной Птицы Ки, драка торговцев цветными пончиками, ночной крик Пьяного Че Ле Кука - любое событие может привести к брожению умов и смене идеалов.

С идеалами в Хун-Тонге всегда так.

Никто не знает – каковы они.

Но их смена всегда болезненна и кровава.

(Наместник И «Музей».)

«Кто такой этот Следователь Пын? Я Последний Врач и у меня есть нож». – Отец хотел пошутить, но его страх был сильнее хорошей шутки.

Ночью, на Пустыре Тайных Встреч мы с отцом копали яму.

Прятали живые кукольные останки, что были сложены в завязанный на тугой узел мешок.

От работы болела спина.

Ухало в груди.

Я продолжил копать - не хотел перед страхами отца показать и свою слабость:

«Что было на допросе?»

«Где родился? Что делал до Теплых Дней Разделения? Знал ли Красавицу И Лин?»

«А где ты родился?»

«Все. Хватит глубины». - Отец отложил лопату.

Разобранная кукла занимает меньше места, чем целая.

Кидали останки в яму.

Кукла не хотела, чтобы ее хоронили.

Шевельнулся палец.

Вздрогнул кишечник.

Разговор помогал меньше думать о том, что мы делали.

«Не хватает ноги и сердца», - сказал я.

Отец с одобрением качнул головой:

«Ты не по возрасту внимателен».

«И голова слишком тяжелая».

«В ней два мозга. Это древняя кукла. Странная».

«А если бы Пын нашел ее у нас дома?»

«Его бы повысили в должности». - Отец сел на край, посмотрел на дно ямы.

Кукольная кисть пыталась выбраться, хваталась за корешки, сорвалась вниз.

Легкие куклы дышали часто и тяжело - хотели запомнить воздух.

Я накрыл сброшенные останки мешковиной, столкнул первый ком.

Небольшой холм затоптали, закидали мусором и сухими ветками.

«И не вздумай ни о чем жалеть», – сказал отец.

Я закивал.

Отвел взгляд.

Отец вытер грязь с ладоней:

«Подойди», - сказал непривычно мягко. – «Я хочу послушать твое сердце».

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

«Все боятся смерти», – сказала Нога. - «А она только там - на небесах первого дня. Разве можно бояться того, кто пускает на представление?»

«Похоже, на Луне еще есть места», - пошутила я. – «Да и билеты стоят не дорого».

«Когда как», - сказала Нога. - «Тебе повезло. Твоя смерть была легкой как утиное перо».

«Не помню, чтобы рассказывала тебе про нее».

«Я тоже».

Это была хорошая шутка.

Нога остановилась, перевела дух.

Полет к Луне утомил ее.

Все это время я держалась за Ногу и потому не устала.

Серп Луны как сачок для Бабочек Синь.

Цветные облака мешались с эхом колокольчиков Птиц Тай.

Платье больше не сдерживало моих желаний.

Я подняла руку.

Звезды потянулись к ней.

Отразились в кончиках пальцев.

Бедро.

Поворот.

Улыбка.

«Скоро я снова смогу записать каждое движение твоего танца», - сказала Нога. – «И для этого мне придется смотреть на тебя вечность».

«Я узнала тебя», - сказала я.

«Чтобы узнать, надо помнить, что узнать можно все, что угодно», - кивнула Нога. Как она то сделала?

Кисть.

Плечо.

Шея.

Тан-ти-ри-тонг-тан.

Легче всего находить опору в пустоте.

«Ты хорошо знаешь дорогу?»

«А что еще могут знать ноги?»

(«Небесные вешки или Путешествие Полной Луны».)

Дезертир

Рядовой Лу Янь покинул расположение расстрельной команды Хун-Тонга во время выполнения важной, возложенной на нее, мирной миссии.

Он так же подозревается в убийстве своей жены Красавицы И Лин.

Особые приметы дезертира:

1. Рост средний.

2. Глаза карие.

3. Карабин Вен Чу.

За информацию о Лу Яне определена награда в 30 ся.

(Объявление, расклеенное на улицах Хун-Тонга.)

Каждому в расстрельной команде выдали дополнительную коробку с боеприпасами и сухой паек на три дня.

«Зачем нам столько патронов?». - Бывший Учитель Труда Рядовой Фан И Пак отправил в рот последние крошки пайка.

«На случай, если потребуется расстрелять дезертира», - ответил Капитан Дэу Вэ.

«А паек?» - не унимался Фан И Пак.

«Чтобы потом успокоить нервы», - сострил Бывший Профессор Литературы Рядовой Кунь Ди Бань.

Он давно уже все съел.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Допрос №8240.

Следователь Пын: Не волнуйтесь, Уважаемый Дэн Ду Мин.

Дэн Ду Мин: Я не волнуюсь.

Следователь Пын: Сколько вы просидели в яме во времена Теплых Дней Разделения? Ведь вас подозревали в убийстве Генерала Хо?

Дэн Ду Мин: Пять лет.

Следователь Пын: Срок не малый. (пауза) Поговорим?

Дэн Ду Мин кивает.

Следователь Пын: У По ваш ученик?

Дэн Ду Мин кивает.

Следователь Пын: Здесь не любят молчунов.

Дэн Ду Мин: Как-то (пауза) я увидел малыша, которому Портной Хень из Лоскутного Ряда обменял рваные штаны на только что сшитые. Ни с того ни с сего. А Портной Хень был весьма жадным человеком. У него и обрывка нитки на чистку зубов не выпросишь. Я стал наблюдать за У По и понял, что вся жизнь его состоит из множества мало объяснимых совпадений. Странно было даже то, что он жив. (пауза) Вокруг него все… (делает неопределенный жест рукой) вращается. Портной Хень. Мы с вами. Наместник И.

Следователь Пын: Хм. Странная история. (пауза) Почему вы так легко все это выложили?

Дэн Ду Мин: Думаете, это что-то изменит?

(Следователь И «Избранные протоколы допросов». Седьмое издание, переработанное и дополненное Наместником Мэ.)

Милый мой милый теплая монетка.

Я купила два бумажных фонарика.

Хотела поиграть с вами в звезды*.

Я ждала вас, а вы не пришли.

Госпожа Вы оказалась права - два лица моих пользуются популярностью.

И, наверное, я должна быть рада.

Но вы расстроили, и на весь вечер оставили меня.

Прощаю вас и жду.

Оставляю свободной следующую ночь.

И еще одну, что через день.

Ваша Сай Ду.

(Записка Сай Ду, написанная на листке, вырванном из книги Драматурга Эн Аня «Пьесы о Госпоже Фа».)

(* - Игра в звезды. Двое в ночи зажигают фонарики, садятся в отдалении. Побеждает тот, чей свет угасает последним. *прим. Почтенного Издателя Шеня.*)

Спектакли отменили.

Но в Театре стало больше зрителей.

Рядом с Сержантом Жао теперь спал Следователь Пын – вел следствие.

Когда я проходил мимо, он открыл глаза, поманил пальцем.

Крепко взял меня за руки.

Посмотрел на ладони.

Понюхал.

Свежие мозоли.

Запах земли.

Сержант Жао вежливо перестал храпеть.

Следователь выпустил мои руки, закрыл глаза.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Ночью я снова пришел на Пустырь Тайных Встреч.

Решил сжечь Книги.

Крепкая хватка Следователя Пына не давала уснуть.

Собрал в кучу сухие ветки, траву, сверху положил книгу.

От моих записей она недовольно нахохлилась, будто Птица Тай на ветру.

Огненный брусок искрил, но костер не разгорался.

Я вырвал страницу, скомкал, сунул под сучья.

Пламя фыркнуло, обняло текст.

Хотел подумать что-нибудь подходящее, но не успел.

Получил метлой по уху.

Дворник Мяк Жень затоптал костер и дал мне по уху еще раз.

«Хочешь, чтобы все здесь сгорело?» - метлой как боевым жезлом Мяк Жень очертил широкий круг, указал на чахлые кусты, валявшийся повсюду мусор.

Я хотел убежать, но Мяк Жень поймал меня за шиворот:

«Ты что-то забыл». - Сунул мне в руки дымящуюся книгу. - «Сначала допиши, а потом жги».

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Рукописи горят.

Пусть горят.

Но рукопись должна еще дорасти до огня.

(Большой Кунь Ди Бань «И т.д.»)

«Меня мало кто замечает, уважаемый Би Як», - сказал Нежный Ши Фо. - «Даже на сцене».

«В театре всегда так», - сказал я. – «Всегда есть тот, кто незаметен, но нужен как воздух».

«Режиссер Дань увидел меня недавно в коридоре и спросил: «Почему в театре посторонний?»

«В жизни вы бываете очень разный. Из-за этого теряете себя». - Мысль показалась мне важной. Я подчеркнул ее в своем тайном блокноте.

Со мной многие говорят начистоту.

Людям не хватает сочувствия.

Они могут знать, что я шпионю для Наместника И, и рассказать все. Потому что рассказывать больше некому.

Нос Ши Фо покраснел от расстройства и кружевного платка:

«Каждый раз, когда выхожу на сцену и гляжу в зал, не могу поймать ни одного взгляда. Все обращены на И Лин. Были».

«И вы из зависти убили ее?»

«О-о», - Ши Фо улыбнулся - «Об этом я не подумал. О-о. Зависть», - одобрительно покачал головой. - «Не мог я ее убить/ В тот день мы с Героем Феем ходили за обедом для труппы. У походной кухни было много народу. Я стоял в очереди с ротным термосом и был все время на виду у Героя Фея. Пришлось ждать. А когда вернулись, то И Лин уже…» - Ши Фо вел пальцем по потемневшему от времени узору халата. - «На сцене она думала лишь о Герое Фее и с каждым словом становится ближе к тому, что вот-вот произойдет. Однажды я скопил денег и попытался купить роль у Героя Фея во «Льве». Попросил его, чтобы он сказался больным. Один спектакль. Герой Фей всегда был добр. Но на этот раз он схватил меня за нос». - Нежный Ши Фо смутился, - «Молчал и крутил. А я даже крикнуть боялся».

«Где сейчас Фей?»

«У себя в гримерке. Спит. С тех пор почти все время спит или пьет».

«Переживает смерть И Лин?»

«Потерю ролей. Свое место он знал».

«Место?»

Ши Фо уловил мой интерес, но медлил с ответом.

«Не томите, Уважаемый Ши Фо».

Ши Фо театрально поднял указательный палец:

«Еще мой учитель Актер Ни Ву говорил, что лучше всего мне удаются паузы и поднятый палец». - Ши Фо поднял палец еще выше. – «Недавно Герою Фею дали понять, что если он начнет ухаживать за Красавицей И Лин вне сцены, то играть на спектакле ему будет нечем. Я слышал, как он говорил это Герою Фею сам. Я за дверью стоял».

«Кто он?»

Ши Фо с удовольствием смотрел на свой указательный палец.

«Не томите».

Ши Фо молчал, сколько мог:

«Это был… Наместник И».

«Вы хорошо держите паузу, Уважаемый Ши Фо», - не сразу сказал я.

(Из записок Би Яка, найденных при обыске в доме Госпожи Ни Му.)

Я не так глуп, чтобы отправлять Наместнику И донос на него самого.

Вряд ли Наместнику будет приятно иметь под боком свидетелей его слабости.

А если И Лин убили по его приказу, то убийцу следует не искать, а назначать.

(Запись Би Яка на обратной стороне неотправленного доноса.)

Однажды Наместник И тайно пригласит Красавицу И Лин на танцующий чай.

Но танцующий чай так и останется танцующим чаем.

А Наместник И – Наместником И.

Даже когда он вытянет губы для поцелуя.

Творческие люди слишком требовательны к счастью, чтобы получить его просто так.

(Предсказание №14, найденное в доме Дворника Мяк Женя.)

Мы вышли во двор.

Лишь стоявшая под крышей глиняные горшки отличали дом Дэн Ду Мина от остальных.

Когда шел дождь, в горшки стекала вода.

Дэн Ду Мин ловил облака.

Бить за такую кражу было некому, а это значит, что сам проект мог закончиться необычно.

«Ты все еще хочешь писать Книги?» - спросил Дэн Ду Мин.

«Да», - ответил я.

«И ты позволишь чтобы твоему желанию помешал человек, у которого волосы растут не на голове, а на ушах?»

«Вы знакомы со Следователем Пын?»

Дэн Ду Мин вытащил из облачного горшка утонувшую Бабочку Синь.

Узор на ее неживых крыльях все так же горел синим.

«Ты все время торопишься, У По. Помнишь, что я говорил тебе про три кражи? После трех краж надо остановиться и подумать. Иначе можно потерять больше чем взял. Ты же вместо трех лет украл десять. Сколько тебе теперь?»

Я постеснялся сказать Дэн Ду Мину, что украл не десять, а пятнадцать.

Дэн Ду Мин положил бабочку обратно в горшок, с удовольствием вдохнул сырой воздух.

Он умел не отдавать воздух, который вдохнул.

«Тайны, тайны», - сказал. – «Без них мы так ничего бы и не узнали».

Это была хорошая шутка.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

(* - В «Учебнике реальных сил Сэюмо» сказано: «Луна сложена из пепла потерянных Землей людей, зверей, домов и желаний». *прим. Почтенного Издателя Шеня.*)

Нога коснулась Луны.

Я опустилась рядом.

Под мягкий звон колокольчиков Луна плыла сквозь темноту.

Серый пепел до горизонта.

«Мы путешествуем от одной пустоты в другую», - сказала я.

«Здесь совсем не пусто», - возразила Нога. - «Ты можешь вылепить все, что захочешь. Любую память».

Нога стала загребать лунный пепел, подняла вокруг себя плотное облако.

Когда оно рассеялось, передо мной открылся Цирк Господина Хвана.

Я вышла на арену.

Пустые скамьи.

Вместо Солнца над горизонтом застыла печать Земли.

Дальний бой барабана.

«Всё, что мы потеряли на Земле, обязательно появится на Луне», - сказала Нога. – «И все, кто Луна, ждут, что скоро здесь будет лучше, чем там».

«Все?»

«Все».

(«Небесные вешки или Путешествие Полной Луны».)

Требуется актриса.

Театр Госпожи Фа ищет актрису для исполнения роли Капитана Чань в пьесе «Генерал Хо» и активного участия во всех театральных постановках.

С предложениями обращаться к Режиссеру Даню или Бывшему Писарю Канцелярии Народного Хозяйства Рядовому Расстрельной Команды Би Яку.

(Объявление, расклеенное на улицах Хун-Тонга.)

«Я с ней так и не поговорил. Жаль».

Кто-то снял с рукава Полковника Мэ одну из трех звезд.

Подполковник Мэ достойно переносил свое неполное положение:

«Пьеса почти готова», - сказал я. – «Скоро покажу вам новый финал».

Подполковник Мэ покивал.

«Мне кажется», - сказал он. – «Кажется мне, что… Что мне кажется?» - Волны на шее и лбу Подполковника достигли уровня штормового предупреждения. – «Что Генерал Хо не должен погибнуть».

«Как же?» - удивился я. – «Вы же сами… Он же у меня теперь умирает. Как вы и заказыва…»

«Заказывал», - согласился Подполковник Мэ. – «Да. Но. В свете непредвиденного насилия в труппе Генерал Хо умереть не может. Он незаменим. Он оплот. Он вроде как умер и не умер

одновременно». - Подполковник Мэ удивился сказанному, посмотрел на меня с мрачной надеждой. – «Сможете?»

(Драматург Эн Ань «Фа и Хо».)

Акт первый. Действие первое.

На сцену тяжело выходит Генерал Хо.

Генерал Хо

(публике, командным голосом)

А ну встать!

Зрители в испуге встают. (Необходимо подготовить массовку.)

Генерал Хо

Подтянуть животы!
Проспали жизнь мою?!

(тише)

Измена.

(пауза)

Что б вам
до пятого колена
по полю топать
в боевом строю.

(пауза)

Что это было?
Смерть?
А может – роды?

Зрители пытаются сесть.

Генерал Хо

(возвышая командный голос)

Стоять!
Приказ - стоять столбом!
Я здесь
для вашей силы
и свободы!

(тише)

Меня убьют
когда-нибудь
потом.

(Драматург Эн Ань «Генерал Хо».)

«А Наместник И тоже встанет?» - спросил Подполковник Мэ.

«Нет», - ответил я. – «Мы его предупредим».

«Хорошо», - сказал Подполковник Мэ. – «Это хорошо».

В соседнем ряду Следователь Пын заскрипел стульями – перевернулся на другой бок.

(Драматург Эн Ань «Фа и Хо».)

Исчезновение Птиц Тай из Сада Шорохов до сих пор остается загадкой.

Если идти по следам оставленного Птицами Тай помета, то становится ясно, что они неожиданно покинули пределы своего привычного обитания и мигрировали на восток со скоростью пять улиц в день.

С каждым днем помета становилось все меньше.

(Орнитолог Туи Ла Му статья «Исчезновение птиц», «Орнитологический вестник №2937»)

Любить куклу так же глупо, как любить вечность или Невидимую Звезду Пэй Пэй.

Слава Малым Богам, я никогда не была умной.

(«Книга тысячи объяснений». Запрещенная редакция.)

У входа в Театр меня ждала Разная Сай Ду.

«А я думаю, где это мой У По? Почему не приходит? Скучала». - Сай Ду прятала под платком грустное лицо, но ее тихий голос не мог скрыть волнения. – «Эй, посмотрите, как я стала хороша».

Улыбчивое лицо Сай Ду выбелено, а грустное покрыто угольным маслом.

Между пальцами ног вставлены пыльные ромашки.

Купленные у старьевщика украшения походили на древние хитиновые доспехи воина Хун-Тонга.

Сейчас Сай Ду напоминала большую куклу Невесты Лянь, которую уже второй год не мог продать Торговец Всем Ланг Вей.

«Я болел». - Вспомнил, что так оправдывался перед своей Учительницей Госпожой Ги Ди Онь, когда прогуливал урок.

«Это из-за колена, которое вы поранили, перелезая через забор?» - Преодолев сопротивление украшений, Сай Ду присела, ощупала мое левое колено. - «Надо было пописать на тряпочку и приложить. Мама так лечила все мои синяки».

Прохожие оглядывались на нас.

«Нет. Не из-за колена», - сказал я. – «Просто болел».

Сай Ду смотрела на меня снизу вверх.

Сидеть ей было легче, чем стоять.

Украшения слишком тяжелы.

«Где тут в актрисы берут?»

«Вы же не любите Театр».

«Не любите», - повторила Сай Ду. - «Мне сказали - в Театре хорошо платят».

Мы оба почувствовали ее детскую ложь.

«Режиссер Дань как раз сейчас выбирает актрису», - сказал я.

Сай Ду попыталась встать, но не смогла.

Я поймал себя на мысли, что ее неловкость приятна мне.

Протянул руку.

Крепко сжав мои пальцы, Сай Ду прошептала:

«Чувствуете – будто Мороженщик Ща положил между нами льдинку?»

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

«Что вы умеете?» - спросил Режиссер Дань.

«Все». - Качая тонкими бедрами, под звон украшений Сай Ду легко прошла по сцене.

Вправо. Вправо. Вправо.

Влево. Влево. Влево.

Когда она шла направо - мы видели ее грусть.

Когда шла налево - улыбку.

Режиссер Дань повернулся к Рядовому Би Яку:

«Что у нее с лицом?»

«Может – укусил кто? У моей Тети Ле была пасека, и каждый укус на ней вырастал в еще одну грудь. Иногда Тетя сама путалась, чем кормить моего двоюродного брата Чая…»

«Прочтите нам что-нибудь!» - предложил Режиссер Дань.

«Я умею читать», - сказала Сай Ду.

«Фу-уфф», - выдохнул Режиссер Дань. – «Маловата она для Капитана Чань».

«Больше никого нет», - сказал Би Як. – «Была одна. Но я ее отпустил».

«То есть как?»

«Ей внука в школу вести».

(Паленый Уй Ям «Книга Кота».)

Драматург Эн Ань ругался с Режиссером Данем.

Прошу простить мне мою вольность, Уважаемый Наместник И, но для большей документальности донесения я решил записать их ссору как сцену из пьесы.

Действующие лица:

Драматург Эн Ань. Нервный. Творческий. 39 лет.

Режиссер Дань. Нервный. Творческий. 42 года.

Следователь Пын. Лысый. Все время спит.

Сержант Жао. Спит рядом со Следователем Пыном, прикрывая фуражкой рот.

Драматург Эн Ань

То есть как вы ее взяли?! Она же…

(вертит растопыренными

пальцами вокруг лица)

Перекошена.

Режиссер Дань

(язвительно)

А что прикажете…

(повышая голос)

…самому Капитана Чань играть?!

Драматург Эн Ань

С Госпожой Сынь из Малого Театра

говорили?!

Режиссер Дань

Не считайте меня глупее вас!

Говорил. Она не сможет на сцене.

В гримерке – сколько угодно, а не сцене…

Она не Фа!

Драматург Эн Ань

(кричит)

При чем тут Фа?!

Режиссер Дань

При том! Какой основной вопрос

вашей пьесы про Генерала Хо?

Режиссер Дань

(замешкавшись)

Основной?

Режиссер Дань

(перебивая)

Основной вопрос пьесы – любит ли Капитан Чань Генерала Хо?

Сержант Жао

(храпит фуражкой)

Хрррр…

Режиссер Дань принимается бегать между рядов.

Режиссер Дань

Зритель будет следить не за стрельбой этого вашего Гранатомета Ань Хе, не за работой Системы Наведения Тинь.
Он будет ждать ответа на вопрос:

(чеканя каждое слово)

«Лю-бит ли Капи-тан Чань Гене-рала Хо!»
Даже если героиня - Капитан Чань, все равно важно, какая она Фа!

(тише)

Да и двух актрис наш бюджет не потянет!

Следователь Пын

(храпит)

Хрррр…

Драматург Эн Ань протягивает Режиссеру Даню измятый листок.

Драматург Эн Ань

Вот. Я список написал!

Режиссер Дань

Какой?

Драматург Эн Ань

Актрис!

Режиссер Дань берет бумагу, не заглядывает в нее, начинает обмахиваться ею как веером.

Режиссер Дань

Что я ваших актрис не знаю?

Драматург Эн Ань выхватывает у Режиссера Даня бумагу.

Драматург Эн Ань

Дайте карандаш, я забыл вписать
Госпожу Хей До!

Режиссер Дань

(устало)

А-ха-ха!!! Ей впору Генерала Хо
играть!

Драматург Эн Ань

Она монументальна! Да!

Режиссер Дань

Вот и лепите ее в глине!

Драматург Эн Ань

(повышая голос до
крика утопающего
в Реке Вао Хэ)

Дайте карандаш!!!

Режиссер Дань

(зло, с издевкой)

А нету!

Мне представляется, Уважаемый Наместник И, что драматург не тот человек, кому рады в Театре. Ему улыбаются, льстят, его хлопают по плечу, но воспринимают лишь как начало той муки, которая всем предстоит.

Всегда ваш. Бывший Писарь Канцелярии Народного Хозяйства Рядовой-Спасатель Би Як – Ищущий Мастер Художественного Письма и Перевоплощения.

(Наместник И «Сборник любимых доносов».)

В темноте, в шелесте крыльев над домами поднимется тень женщины.

К ее рукам и волосам будут привязаны птицы.

Она будет повиноваться их движениям, танцевать.

Тень зацепится ногой за ветви Тополя Второго Неба.

Тополь не сразу отпустит ее.

Не разу позволит окунуться в облака.

(Предсказание №21, найденное в доме Дворника Мяк Женя.)

Сэюмо говорит: «Душа человека в девятьсот семьдесят три раза легче его тела. Для того, чтобы отправить ее на Луну, нужна одна Птица Тай. Сколько Птиц Тай нужно, чтобы отправить к Луне человека?»

Рассказывают, что 22 п.н. некий Унь Мао, чтобы оживить убитую им возлюбленную Ий Тен, связал воедино полторы тысячи Птиц Тай и отправил тело вдогонку за отлетевшей душой.

Говорят, тогда вместе с ожившей Ий Тэн на землю вернулись полторы тысячи душ. Но их тела давно истлели.

И им пришлось рождаться заново.

Говорят, в тот день родил даже один Воин Хун-Тонга. Безносый рубака Сержант Ень сорока трех лет отроду.

Этот слух был слухом еще 22 п.н.

Рассказы о том, что Птицы Тай могут поднять человека за небеса седьмого дня больше похожи на сказку.

(Орнитолог Туи Ла Му «Нелепые слухи о Птицах Тай».)

Я выставил свет.

Один из керосиновых Зайчиков Ю Пэ устроился на затылке Режиссера Даня.

Тот недовольно отмахнулся:

«На сцену, У По! На сцену!»

На сцене - Сай Ду.

«Выучили текст финала?» - спросил Режиссер Дань.

«Да», - ответила Сай Ду.

«Разденьтесь!»

Сай Ду сняла и аккуратно сложила костюм Госпожи Фа из «Льва…»

Обстоятельность вдруг сделала ее похожей на Чучело Дак Хина, которого во время праздников раздевался у стены перед показательным расстрелом.

Лишь свет моих ламп добавлял теплоты ее коже.

Надо будет подсветить снизу грудь, чтобы она казалась полнее.

«Ши Фо!!!» - крикнул Дань.

На сцену, чиркая когтями, в костюме Льва вышел Нежный Ши Фо.

Не дойдя до Сай Ду пяти шагов, Лев остановился.

Долго смотрел криво пришитыми оловянными глазами на новую Госпожу Фа.

«Ну, Ши Фо?» - не выдержал Дань. – «Реплика!»

Лев повернулся.

Ушел за кулисы.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Унижение женщины зрелище весьма привлекательное.

(Большой Кунь Ди Бань «И т.д.»)

В бывшей гримерке Красавицы И Лин натоплено.

Я сел ближе к дверному сквозняку.

Сай Ду устроилась около печки.

После обнажения на сцене ей все еще было холодно.

На стене около двери - настоящее зеркальце. Старое с черными щербинами в помутневшей фольге.

Грубые глиняные стены без ниш.

На стоявшем рядом столике для танцующего чая сложены женские склянки Красавицы И Лин: Медовая Помада Фа для терпкого поцелуя; Капли Фа, дарящие глубину зрачков; Мазь Для Сосков…

Сай Ду разбирала сценические костюмы.

Оба лица ее были недовольны.

«Смотрите сколько дыр», – просунула палец сквозь ткань. – «И Лин совсем не следила за собой».

«Режиссер Дань не давал денег на новые платья. Говорил, что если достичь совершенства, то зрители перестанут замечать и дыры».

Сай Ду нашла новую дыру, цокнула языком.

«У меня есть теплая монетка», - хотел сказать я, но промолчал.

Сай Ду отложила платье. Нижняя губа ее оттопырилась, выдавая обиду:

«Хотите я напишу рекомендательное письмо в Переулок к Госпоже Линь Линь? Госпожа Линь Линь очень нежна. И кончик языка у нее раздвоен».

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Нельзя дарить свою грусть кому попало.

(«Книга тысячи объяснений».)

Сержант Жао первым услышал, как пятки Режиссера Даня мелко застучали за кулисами по бамбуковой перегородке.

Вытащить из петли живого Даня сложнее, чем мертвого.

Он толкался, пинался, укусил Сержанта Жао за нос, расцарапал мне щеку и правую руку.

Потом Дань долго сидел на земляном полу, вытирал мокрое лицо рукавом своего полувоенного френча, плевал кровью.

«Накрылся Театр», - наконец сказал он. – «А ведь еще немного. Еще чуть. Вы же видели, как И Лин могла. Просто стоять. Ничего не делать. И в то же время отзываться на любое касание, на мысль. Вот здесь было». - Дань вздохнул тяжело. - «Самое печальное, когда понимаешь, что сделал все, а какой-то малости не хватило».

«Все у вас получится», - успокаивал его я, – «если не будете часто вешаться».

Сержант Жао поправил Режиссеру Даню скошенную на бок голову.

Представление об искусстве для Сержанта принимало все более изощренные формы.

«Надо было ноги помыть», - Режиссер Дань, наверное, пришел в себя.

Интеллигенции Хун-Тонга, с ее страхами и предчувствиями, легче умереть, чем жить. Жаль, что умирать красиво она еще не научилась.

Всегда ваш. Бывший Писарь Канцелярии Народного Хозяйства Рядовой-Спасатель Би Як – Ищущий Мастер Художественного Письма и Перевоплощения.

(Наместник И «Сборник любимых доносов».)

Человек, осознавший сон как чудо, не сможет заснуть.

(Дэн Ду Мин «Наставления Полуденному Вору».)

«И в Переулке Веселых Фонарей Разная Сай Ду выглядела спорно», - сказал я.

«А сценический костюм ее сегодня видели?» - Фан И Пак ловил отблеск луны на лезвие ножа. – «Дыра на дыре. И Лин себе такого не позволяла».

Задний двор моей библиотеки.

Мы с Бывшим Учителем Труда Рядовым Фан И Паком лежали на книгах посреди звезд.

Для сна и отдыха я сдал ему четыреста тридцать семь томов «Всеобъемлющей Политической Энциклопедии» под редакцией Наместника Чвык Ё Хана.

В мире нет уютней опоры, чем чужая глупость.

«Странно», - сказал Фан И Пак.

«Что?»

«Выстрел. И никто не заметил».

«За кулисами, если особо не шуметь, можно уложить сотню человек», - ответил я.

«Тоже верно. Но почему - И Лин?»

«Таков сюжет».

«Какой сюжет?»

«Если я надуваю живот, то закат наступает быстрее». – Попытался сменить тему.

Мне не хотелось говорить очевидное.

Но Фан И Пак ждал.

«Посудите сами, Уважаемый Фан И Пак. Сначала я был Профессором, вы - Учителем, потом мы стали рядовыми, скоро будем второсортной массовкой в отвратительной пьесе. А тут еще в Театре убивают единственную актрису, которая играет главную роль. Вам не кажется, что нами движет сила, которая доводит до абсурда все, чем мы занимаемся? Что словосочетание «цепь событий» вдруг перестало быть метафорой?»

«И кто же в этой цепи главное звено?»

«Наместник И, разумеется».

«Хм».

«Это совсем просто, уважаемый Фан И Пак. Пьесу мы ставим не про какого-нибудь гражданского Наместника Хен Лай Пина, а про Генерала Хо. А Генерал Хо – это армия. С чего бы вдруг?»

Фан И Пак порылся в щетине, выловил и раздавил Малого Бога Тху:

«Заговор военных?»

«О-очень может быть». - Я потянулся сладко до скрипа в переплетах. - «И эта пьеса тоже похожа на тело Госпожи Фа. Сейчас мы пока в районе ее рта, когда самое время внимательно слушать и строить догадки. Но очень скоро мы достигнем груди, когда начнем замечать необычное, пупка, лобка, а затем и тайны проникновения».

«Тогда нас всех извергнут», - закончил Фан И Пак.

Это была хорошая шутка.

Звезды над Хун-Тонгом падали в пух облаков.

Время, отходя ко сну, растянулось.

Я задремал.

«Заговор – это что? Заговор – это тьфу», - сказал Фан И Пак. – «Для нас Би Як хуже погрома».

Сон пропал.

«Вы полагаете?»

«Все, что сейчас происходит в Театре, на руку только Би Яку», - сказал Фан И Пак. – «Вон как попер. И на Генерала Хо пробуется, и на Героя Фея. А кто ему помешает или не понравится, на того и настучит».

Фан И Пак был прав.

Творческие люди безжалостнее стукачей.

(Большой Кунь Ди Бань «И т.д.»)

Голоса друзей давно растворились в ночи.

Лу Янь лежал на крыше библиотеки Большого Кунь Ди Баня.

Ждал.

Когда Луна раскрыла облака, над Хун-Тонгом появилась темная тень.

Сложенные из Птиц крылья.

Распущенные волосы.

Раскинутые для полета руки.

Над городом летела И Лин.

Лу Янь спустился на землю, побежал следом.

Казалось, И Лин танцевала.

Ее танец был легок и спокоен.

Движения плавны.

Рука.

Кисть.

Локоть.

Поворот головы.

Вращение.

И Лин пугала редких прохожих, то поднималась над крышами, то опускалась так низко, что пальцы ее ног оставляли тонкий след в дорожной пыли.

Переулок имени Системы Наведения Тинь, Улица Борцов На Пальцах, черные рыночные палатки…

На Аллее Немощных Лу Янь споткнулся о, лежащего посреди дороги, Пьяного Че Ле Кука.

Земля ударила Лу Яня в лоб.

И Лин пропала за кронами Тополей Второго Неба.

«Если бежишь, тоска кажется меньше». - Че Ле Кук сплюнул себе на подбородок. - «Переверни меня лицом вниз».

Когда Че Ле Кук уставал от неба, он всегда просил перевернуть его лицом вниз.

Лу Янь повернул Че Ле Кука.

Тот был тяжел и тверд, как покойник.

«Я помню ее… Танцовщица». - Че Ле Кук говорил медленно. Каждое слово его превращалось в облачко дорожной пыли. - «А ты дурак. Никуда она не улетит. Ни на какую Луну».

«Нужно больше птиц», - сказал Лу Янь.

«Больше птиц», - передразнил Че Ле Кук. – «Неужели не знаешь?»

Где-то мерно застучала колотушка сторожа.

Над переулком Веселых Фонарей задрожал призрачный свет.

«Мог бы и догадаться». - Че Ле Кук захрапел.

Лу Янь несильно пнул его из сна.

«Чтобы Танцовщица Ли поднялась над ареной в Цирке Господина Хвана зажигали масляные факелы», - сказал Че Ле Кук. – «Они боятся огня. Глупые птицы».

(Паленый Уй Ям «Книга Кота».)

В комнате Госпожи Линь Линь был слишком мягкий диван.

«Не смуфяйтесь, это не фтрафно». - Из-за раздвоенного языка Госпожа Линь Линь плохо произносила некоторые буквы.

Я представил, как Госпожа Линь Линь изображает Героя Фея перед Режиссером Данем.

«Фефяс фсе наладифся». - Госпожа Линь Линь наклонилась над чашкой с треснутым боком, выдохнула.

Чашка густо загудела.

«Гофорят, фразу после падения, ее голоф стал рождать желание», - сказала Госпожа Линь Линь.

Но я уже вышел на улицу.

Чашка все еще гудела, когда я перешел на противоположную сторону Переулка.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

«Это был последний, славный, но весьма рискованный поход Генерала Хо». – Подполковник Мэ принялся чертить пальцем по карте. – «Из Хун-Тонга на Хен-Чунг, потом - Дин-Ло, Фан-Юнань, Деревня Заклинателей Облаков. Дерррevня», - повторил с чувством. – «Воинам всегда лучше куда-то идти. Но я до сих пор не вижу логики в этом марше. Гораздо проще было двинуть на Мин-Лей, сходу разбить основные силы повстанцев, прервать их коммуникации и через Фан-Юнань на Ти-Тунг».

«Мной обнаружены некоторые занятные совпадения», - ответил я. – «В Хен-Чунге был лучший рынок тканей, рядом с Дин-Ло – музыкальные водопады, а путь к Деревне Заклинателей Облаков лежал через Фан-Юнань».

«И что же такого интересно было в Деревне Заклинателей Облаков?»

«В ней родилась Капитан Чань».

«Мне не нравится эта логика», - сказал Подполковник Мэ. – «Она ведет не туда».

«Как же - не туда? А куда?»

«Не туда», - повторил Подполковник Мэ. – «По вашему выходит, что Генерал Хо командовал войсками, а Капитан Чань командовала Генералом Хо?»

Подполковник Мэ ждал ответа.

Я молчал.

«Нам нужна пьеса о том, как Генерал Хо побеждает врага!» - Подполковник Мэ возвысил голос. – «Решительно! Смело! Благородно! Ну и немножко о любви, а не наоборот».

«Безумие любви самое важное в драматургии», - наконец, сказал я. – «Его расстрельной командой не заменишь».

Я впервые возразил Подполковнику Мэ.

Подполковник не стал кричать, идти волнами, багроветь лицом.

«Вы слишком приблизились к Генералу Хо», - устало сказал он. - «И совершенно разучились рисовать глаза».

(Драматург Эн Ань «Фа и Хо».)

В первое утро похода на Хен-Чунг войска выступили с примкнутыми штыками. Противник был от нас в трех днях пути. Но штыки блестели от росы. И это придавало войску особый боевой дух.

Тяжелая поступь тысяч пехотинцев.

Шелест дороги под ногами.

Скрип ремней и хитиновых нагрудников.

Дыхание лошадей.

Камень подбросил колесо повозки – вздрогнули ящики со снарядами.

Крикнул возница.

Щелкнул кнут.

И в такт общему движению молодой упругий голос Хен Сян Хена запел нашу песню, которая была сложена всего из двух слов:

Мы идем.

Мы идем.

Подхваченная хриплыми глотками, песня поплыла над штыками.

«Держать строй!» - крикнул я.

«Держать строй», - эхом отозвались офицеры.

Капитан Чань улыбнулась.

Никогда не понимал, почему ее забавляла эта команда.

В реве и крике воины тянулись к горизонту.

Любовь – странный мотив для войны.

Но все остальные - безумны.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

Акт первый. Действие второе.

Штаб армии.

Палатка Генерала Хо.

В палатке - Генерал Хо и Капитан Чань.

Капитан Чань целует Генерала Хо.

Генерал Хо

Что это было?

Капитан Чань

Поцелуй.

Маневр сложный…

(улыбается мягко)

…не для генералов.

(Драматург Эн Ань «Генерал Хо».)

Ты думаешь, что можешь украсть поцелуй. Но поцелуй может украсть тебя.

(Дэн Ду Мин «Наставления Полуденному Вору».)

Поцелуй в Хун-Тонге появился лишь в середине лишней* истории.

Госпожа Фа обходилась без него - дарила дыхание**.

Нет его и на древних эротических гравюрах в Библиотеке Наместников.

Первое упоминание о поцелуе я встретил все в том же «Учебнике реальных сил Сэюмо»: «Странное слово «поцелуй» слышал сегодня Сэюмо в торговых рядах. Он покупал новую соломенную шляпу. Теперь Сэюмо всегда вспоминает это лишенное смысла слово, когда проводит пальцами по ее соломке».

Наверное, ценность поцелуя состоит в его необязательности и полной ненужности.

Желать ненужного, искать в этом опору - чисто человеческое, мешающее порядку, свойство.

(Наместник И «Музей».)

(* - Лишняя история – термин, введенный Наместником И, утверждавшим, что «лишнюю историю, как и лишнюю жену, не всегда полезно выставлять напоказ. Жителю Хун-Тонга вовсе не обязательно путаться в том, что когда-то случилось, если на свете существует газета «Лишний Язык».

** - дарить дыхание – ласка в Хун-Тонге более древняя, чем поцелуй. Короткий выдох у лица любимого.

прим. Почтенного Издателя Шеня.)

Сегодня целовал Разную Сай Ду.

Я - Генерал Хо, она – Капитан Чань.

Это была первая настоящая репетиция, и мне важно поделиться с вами впечатлениями, Уважаемый Наместник И.

Поцелуй не получался.

Гимнастерка велика Сай Ду.

Новая актриса ниже и моложе Красавицы И Лин.

Никак не мог отделаться от ощущения, что целую ребенка.

Прижимая Капитана Чань к себе, чувствовал лишь неудобство от твердых армейских пуговиц.

«Ну! Целуйтесь же! Целуйтесь! Йо!!!» - кричал из зала Режиссер Дань. – «Это что? Поцелуй?!»

«Очень странно целоваться на людях», – шепнула Сай Ду.

На щеках ее азартный румянец.

Целоваться и дарить дыхание публично не принято даже среди обитательниц Переулка Веселых Фонарей.

«Просто я… Просто Генерал Хо растерян», - говорю Режиссеру Даню. – «Очень растерян».

«Конечно, растерян», - согласился Дань. – «Только что в его жизни было все правильно. Пистолеты. Минометы. А тут вдруг такое! Но ведь он же целуется все равно. Це-лу-е-тся!!! А потом спрашивает у Капитана Чань: «Что это было?» Он будто бомбой по каске получил. Вы же, дорогой Би Як, сначала получаете бомбой, а уж потом… И вы слишком хватаетесь».

«Он хорошо хватается», - попыталась защитить меня Сай Ду.

Режиссер Дань нервно прошелся между рядов:

«Когда я хочу посмотреть, как хватаются, то покупаю билет на представление борцов!»

Он не любил, когда ему возражала новая актриса.

Мне же, Уважаемый Наместник И, мешало все: бестолковый свет ламп Осветителя У По, требовательный голос Режиссера Даня, игроки в дальнем конце зала, которые выглядывали из-за спинок стульев, понимающая улыбка спящего Следователя Пына, Капитан Дэу Вэ, смотревший на сцену во все свои контуженые глаза.

И два лица Сай Ду – я не мог понять, какого ребенка целую.

Снова целуемся и снова не то.

«Кунь Ди Бань! Фан И Пак! Капитан! Сержант!» - фальцетом позвал Дань.

Он хотел позвать еще кого-то, но, видимо, забыл имя.

Из-за кулис появилась и исчезла голова Нежного Ши Фо.

Режиссер Дань указал на нас:

«Свяжите!»

«Как связать?» - не понял Капитан Дэу Вэ.

«Веревкой!»

Я и Разная Сай Ду дали себя связать.

Нас крепко упеленали в веревки, прислонили лицом друг к другу.

Я чувствовал дыхание Сай Ду у себя на груди.

Связанные мы напоминали две куколки, которые никак не превратятся в Бабочек Синь.

Шло время.

Краем глаза я видел, как посреди зала Режиссер Дань ковыряет во рту зубной палочкой.

От пряди волос над ухом Сай Ду пахло ромашкой.

Утром она, должно быть, мыла голову.

А потом, глядя в таз с дождевой водой, долго укладывала непослушные жесткие волосы.

У Сай Ду маленькое, похожее на короткий лабиринт, ухо.

Я попытался выбраться из него и не смог.

Вдруг мне стало все равно, смотрит ли на нас Режиссер Дань, сидит ли еще на первом ряду Капитан Дэу Вэ, и что поделывают игроки в дальнем конце зала.

Тогда я поцеловал.

Теперь я буду играть и Льва, и Генерала Хо.

Всегда ваш. Бывший Писарь Канцелярии Народного Хозяйства Рядовой-Спасатель Би Як – Наблюдающий, Сочувствующий, Ищущий Мастер Художественного Письма и Лев Перевоплощения.

(Наместник И «Сборник любимых доносов».)

Подкараулил Сай Ду в коридоре, по пути в ее комнату.

Мы оказались в луче света, что пробивался сквозь дыру в крыше.

С лица Сай Ду был смыт грим - легкие веснушки возле носа.

«Что же, вы посетили Госпожу Линь Линь?» - спросила Сай Ду.

«Госпожа Линь Линь умеет вызывать желание», - ответил я.

«Желание», - по своему обыкновению. Повторила Сай Ду. - «От чего же вы тогда покинули Госпожу Линь Линь так скоро?» - Смешливые искорки проскочили в ее глазах. - «Кстати, все чашки, сделанные на Фабрике Господина Но, гудят. У Торговца Всем Ланг Вея - четверть ся за пару».

Сай Ду хотела пройти мимо.

Я задержал ее.

Поцеловал локоть, плечо, полез под платье.

Теплый бок.

Холодная попа.

Сай Ду оттолкнула меня, чуть не упала, обняла.

Я торопился.

Скрип бамбуковой перегородки, в которую она упиралась руками, передался ее телу.

Потом долго сидели у стены - слушали, как в темноте растворяется шорох наших тел.

«Вы за мной ухаживаете?» - спросила Сай Ду.

Я промолчал.

«Вы за мной ухаживаете», - сказала Сай Ду.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Акт первый. Действие второе.

Генерал Хо перед строем.

Генерал Хо

(командует)

По порядку рассчитайсь!

Первый Воин

(звонко)

Первый!

Второй Воин

(звонко)

Второй!

Третий Воин

(звонко)

Третий!

Четвертый Воин

(звонко)

Четвертый!

Пятый Воин

(звонко)

Пятый!

Шестой Воин

(звонко)

Шестой!

Седьмой Воин

(звонко)

Седьмой!

Расчет окончен!

«Окончен», - повторил за пером Подполковник Мэ.

В тиши кабинета посреди звона Комаров Ёнь, шепота, долетавших с плаца, ночных команд, стука грязной посуды на кухне, он переписывал пьесу Драматурга Эн Аня.

«Сам не сделаешь – никто не сделает. Ох, Эн Ань, Эн Ань, кто ж так пишет?» - Подполковник разорвал и выбросил под ноги еще один лист.

(Паленый Уй Ям «Книга Кота».)

Пепел холодил пальцы.

Я сидела посреди арены, прижав колени к подбородку.

Нога устроилась рядом.

«Луна похожа на очень большой ящик в кладовке Последнего Врача До По», - сказала она. - «После уменьшения, мы долго лежали в таком, учились видеть небо первого дня. Доски запертой крышки были плохо выструганы, и от нашего неба могли остаться занозы. Чаще всего мы говорили о тебе. Левая рука была остроумна, легкие все ставили под сомнение, а кишка так и осталась непроходимой тупицей. Как-то глаза сказали, что мы были всего лишь еще одним цветным облаком, по которому ты когда-то ступала. И в этом надо искать утешение. Но каждому из нас хотелось большего».

Пепел слетал с нашей кожи.

Кружил.

Мы рассыпались в Луну.

«Потом искали тебя в словах. Перестраивая иероглифы твоего прежнего имени, мы сложили тысячу двести семьдесят девять слов. Среди них оказались те, значения которых каждый понимал по-своему. Но даже глупая кишка не хотела верить глазам».

Это была хорошая шутка.

«Как можно сложить тысячу двести семьдесят девять слов из иероглифа «Ли»?» - спросила я.

«Ты забыла про «Танцовщицу», - сказала Нога. – «В нашем ящике не было иероглифа лучше».

Пепел смешивал слова и мысли.

«Почему ты перестала танцевать?» - спросила Нога.

«Не перестала», - ответила я. – «Просто танец - не всегда танец».

Раскрыла и подняла ладонь.

Заплела пепел в плотную черную косу.

И мы увидели человека, в которого она продолжалась.

Он сидел на заднем дворе дома, чистил ружье.

Пахло рыбой, оружейным маслом, вчерашним дождем.

Чтобы видеть – нужно знать, что увидеть можно все, что угодно.

(«Небесные вешки или Путешествие Полной Луны».)

Время проходит быстрее, чем наши желания.

(«Книга тысячи объяснений».)

Странное желание искупаться в пруду посетило меня после чтения пьесы, которую переписал Подполковник Мэ.

Оно пришло после того как я разложил его рукопись на берегу.

Лист к листу.

Вытянул белую дорожку к Луне.

На каждом листе дорожки стояла Полковая Печать и подпись Подполковника Мэ.

А мысли все еще требовали собраться.

Любит ли Капитан Чань Генерала Хо? Режиссер Дань прав - это главный вопрос. За суетой написания, я чуть не упустил главное.

Но какой теперь в этом толк?

Мое лицо как кочка торчало из ряски.

Лицу радовались комары, телу - пиявки.

Я будто умер и плыл под звездами, а новая жизнь уже пила мою лишнюю кровь.

Твой текст – это всего лишь слова, глядя на которые ты чувствуешь, что чувствуешь только ты. Потому что между автором и тем, кто готов хоть что-то понять, стоят заказчики, режиссер, актеры и прочая сволочь… И у каждого - своя глупость. «Мы тоже хотим чувствовать. Мы тоже хотим думать. Мы можем». Они говорят, бегают по сцене, повторяют и переиначивают твои мысли. Раньше я радовался результату. Но почему я не радуюсь этому теперь? Время. Потому что время. Оно толкает, стрелки часов. Оно говорит: «Ты ничего не сделал, Эн Ань. Всю жизнь ты просто складывал иероглифы в дырявый бумажный кулек».

Скоро комары и пиявки остановят мое сердце.

Я писал пьесу о Генерале Хо и вслед за ним схожу с ума, умираю.

Это была хорошая шутка.

Горы мглой окружены.
Свет уходит из долин.
Ждет меня мой Господин
В небесах седьмого дня.

Смерть поет скверным безликим голосом. Она наводит грусть уже тем, что ты услышал ее.

Она раскрывает перед тобой покрасневшее от огня облако.

Спускает ко мне женщину с крыльями из пламени.

Надо мной летят горящие Птицы Тай.

Они летят все быстрее - стараясь сбить охвативший их огонь.

Роняют пепел.

Я узнал И Лин.

В ее глазах отражалась белая дорожка бумаги, которую я выстелил на берегу.

(Драматург Эн Ань «Фа и Хо».)

Лишь одна звезда блестела на рукаве Бывшего Подполковника Мэ:

«Как поживаете, Уважаемый Эн Ань?»

«Прекрасно», - ответил Драматург. – «Здесь замечательный стол. Правда, есть без рук несколько затруднительно».

Эн Ань был заботливо упакован в смирительную рубашку.

Свертку в Больнице Весельчаков была выделена отдельная палата с большим зарешеченным, обращенным к Театру Госпожи Фа, окном.

«Хотите, я прикажу, чтобы вас распаковали?» - спросил Майор Мэ.

«Нет. Не сейчас, пожалуй», - отозвался Эн Ань. – «Иначе, очень трудно будет собраться».

«Я распоряжусь, чтобы вам принесли бумагу, перья и…» - Майор Мэ снял фуражку, вытер, набежавшие на кожаную подкладку, капли. - «Приношу вам свои извинения. Был не прав».

«Вы о чем?»

«Я не полагал, что моя переработка пьесы так вас расстроит».

«Пустяки. Рабочие моменты», - ответил Драматург Эн Ань. - «Знаете, когда я прочитал ваш вариант, то после успокоительных уколов подумал вдруг, что хорошо бы переделать пьесу в документальное произведение».

«Где же вы найдете столько документов?»

«Документ – это не бумажка с печатью, дорогой Подполковник Мэ».

«Майор», - поправил Мэ.

«Майор», - согласился Эн Ань. – «Документ - это еще одна возможность отвлечения от того, что происходит на сцене. У меня даже возникла идея документальной пьесы для Театра Госпожи Фа. Представьте себе какую-нибудь настоящую Швею, которая выходит на сцену и рассказывает своими словами о трудной судьбе, о сбежавшем лишнем муже, который унес собой ее любимую швейную машинку, об одиночестве… я не знаю… об аллергии на нитки. А потом к ней выходит Герой Фей, и овладевает…» – Эн Ань почесал спину о подоконник. – «Возможно, так мы уйдем от завышенных ожиданий зрителя, который хочет слишком многого от Госпожи Фа. А тут нате вам – Швея».

В палате для душевнобольных Эн Ань чувствовал себя гораздо свободнее, чем в кабинете Майора Мэ.

«Вы предлагаете в пьесе о Генерале Хо выпустить под конец Героя Фея?» - Майор Мэ был готов ко многому, чтобы понять хоть что-нибудь. – «И кого же он там?..»

«Какой вы смешной с этой своей фуражкой, Уважаемый Подполковник Мэ».

«Майор», - поправил Мэ.

«Майор».

Кто-то за стеной скреб стену ногтем.

«Значит, у вас есть все, что нужно?» - спросил Майор Мэ. – «Воины Хун-Тонга оплатят ваше лечение».

В палату вошел Доктор Цзю Го:

«Ну, как мы поживаем?» - спросил бодро.

Слово «мы» не понравилось Майору Мэ.

Он засобирался.

(Паленый Уй Ям «Книга Кота».)

Репетиция.

Гимнастерка Капитана Чань аккуратно сложена на досках.

Би Як и Режиссер Дань внимательно разглядывали кожу Сай Ду.

Грудь ее побелела от холода.

В зале тишина.

Лишь иногда всхрапнет Сержант Жао.

Режиссер Дань сложил руку чашечкой, чуть приподнял грудь Сай Ду, опустил, задумался.

Оба лица Сай Ду нахмурились.

«Как вам ее грудь?» - обратился к Би Яку Режиссер Дань.

«Хорошая», - сказал Би Як.

«Да», - Режиссер Дань оказался доволен. – «Замечательная грудь. Лучше и не надо». - Он прошелся по сцене, с наслаждением поскрипел половицами. – «Совершенная форма не остановит взгляд зрителя. Если актриса идеальна, то она выставит на обозрение лишь оболочку, а не суть. Она не поделиться своими комплексами, недостатками, которое скрывало ее платье. Не подарит публике и Герою Фею свой стыд. А такой дар может вызвать и желание, и чувство. Коснитесь Сай Ду, уважаемый Би Як».

Би Як протянул руку.

«Нет-нет. Вы слишком далеко. Так тянутся дети за Сливами Пи Эй. Смотрите». - Режиссер Дань подошел к Сай Ду, встал так близко, что от его дыхания заколыхалась непослушная кудряшка у виска и, не разгибая руку в локте, легко провел костяшкам пальцев по левому соску.

Сосок набух.

Кружок вокруг него потемнел.

Би Яку было неприятно, что кто-то волнует Сай Ду вместо него.

Режиссер Дань заметил его недовольство, в усмешке сузил глаза:

«Хорошо. Очень хорошо».

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Акт второй. Действие четвертое.

Капитан Чань

Я слабая женщина. Слабая. Слабая.
Не смотрите на меня. На наготу мою.
На грудь мою. На лобок мой.
Страхи мои и желания мои
набухают венами.
Лопнет кожа и увидите все.

(Сумасшедший Драматург Эн Ань «Генерал Хо». Черновик, написанный в Больнице Весельчаков».)

На Сай Ду узкое, стягивающее колени, синее платье.

Она принесла мне цветной пончик.

Пончик свежий.

Чтобы купить такой, надо пройти семь улиц до Храма Малого Бога.

Сыпал дождь.

Мы сидели под навесом на заднем дворе Тетра.

На сложенных горкой дровах из пьесы «Госпожа Фа и свидание на дереве».

Смотрели как дождь нехотя стекал по желобу на ржавые камни.

Из-за забора слышался детский смех.

Госпожа Ни Му купала под дождем дочь и пела.

Как-то Би Як подарил ее дочери кулек засахаренных вишен и остался с Госпожой Ни Му до утра.

Она не стала его лишней женой, но, с тех пор, когда шел дождь, купала дочь перед своим домом, показывая, какая та веселая и здоровая.

Из-за дождливого лета эту историю скоро узнали все.

И при случае любили послушать пение Госпожи Ни Му.

Лишь Би Як старался в дождь не бывать на заднем дворе Театра Госпожи Фа.

«Когда Би Як касается вас», - сказал я, – «у него на шее появляются красные пятна. И мне приходится менять освещение».

«А вы не меняйте», - вдруг сказала Сай Ду. – «Зачем прятать живое?»

«Твои волосы как пух
знают ласку нежных рук.
Солнца зайчики Ю Пэ
в волосах живут»,

- пела Госпожа Ни Му.

«Почему вы принесли этот пончик мне, а не Би Яку?» - спросил я.

«Почему», - повторила Сай Ду.

Хотел дотронуться до ее груди, чтобы оба лица Сай Ду улыбнулись.

Но пальцы мои блестели от масла.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Акт второй. Действие четвертое.

Генерал Хо

Я исчезаю без ее любви.

Мне кажется, а может быть и правда,
что я один,
что нас объединить не сможет
и минута.
Она лишь пустота, в которой я
жду слов, касаний и, раскинув руки,
плыву.

(Сумасшедший Драматург Эн Ань «Генерал Хо». Черновик, написанный в Больнице Весельчаков».)

«Разве вы не будете рисовать глаза в блокноте, Уважаемый Би Як?» - спросил Майор Мэ.

«Зачем?»

«Драматург Эн Ань всегда рисовал глаза».

«Но я же не драма…»

«В настоящее время», - прервал меня Майор Мэ, – «на вас ложится ответственность в написании финального варианта пьесы».

«А Наместник И в курсе?»

«Он лично отдал приказ. Сказал, что вы... хм… рождены для письма». – В голосе Майора Мэ появилось сомнение. – «И у драматурга должен быть блокнот».

«Собственно…» - Я достал из кармана тайный блокнот.

Мне показалось, что это ирония судьбы над вашим преданным осведомителем, Уважаемый Наместник И. Достаточно было достать из кармана то, что служило доносу, чтобы стать драматургом в глазах Майора Мэ.

Всегда ваш. Бывший Писарь Канцелярии Народного Хозяйства Рядовой-Спасатель Би Як - Наблюдающий, Сочувствующий, Ищущий Мастер Художественной Записи, Лев Перевоплощения. Соавтор Драматурга Эн Аня.

(Наместник И «Сборник любимых доносов».)

«Весь свет на Би Яка!» - скомандовал Режиссер Дань. – «У По!!!»

Пятки У По торопливо застучали по скрипучим ступенькам балкона.

Стало светлее.

«Ну, Уважаемый Би Як, как вы хотите взять нашу Сай Ду?» - спросил Режиссер Дань.

Расстрельная команда с интересом выглянула из-за кресел.

Следователь Пын открыл глаза, Герой Фей – закрыл.

Я стоял на сцене со спущенными генеральскими штанами.

Сай Ду куталась в теплое утиное одеяло.

Прятала оба лица.

«Дорогой Би Як, вы слышите меня?» - громче спросил Режиссер Дань. – «Как вы хотите поставить нашу Сай Ду?»

«Да, пока никак!» - ехидно заметил Рядовой Кунь Ди Бань.

«Молчаааать!!!» - голос Режиссера Даня обрел силу.

С потолка посыпался голубиный помет.

«Если я… Если мой персонаж любит Госпожу Фа, то он не может просто так подойти, сказать, «нагнись-ка».

«Вы сейчас думаете как актер или как начинающий драматург?» - Режиссер Дань язвил.

«Любовь должна быть продолжением чего-то».

«А без чего-то вы ее не хотите?»

«Хочу! Но только ее слово, ее действия могут меня…» - я запнулся.

Трудно высказывать свое мнение, стоя на сцене голым по нижний пояс.

«Вот что, Би Як, выбирайтесь из своих лампасов и идите к Сай Ду под одеяло», - сказал Режиссер Дань.

«И что мне там делать?»

«Греться».

«Можно с головой?»

«Можно».

Одеяло не пропускало света ламп.

Чтобы поместиться под ним, мне пришлось обнять Сай Ду.

От нашего дыхания стало жарко.

«Ноги у вас холодные и руки, и он тоже холодный», - Сай Ду поежилась.

«Как вас взять?»

«Как хотите, так и берите». - Она была не в духе.

«Вам все равно?»

«Грейтесь, раз велено».

Я сбросил одеяло.

Пошел за кулисы.

(Из записок Би Яка, найденных при обыске в доме Госпожи Ни Му.)

«Хорошо, что он ушел», - сказал я.

«Вы так сильно рады неудаче Би Яка?», - спросил Фан И Пак.

«Я рад страстям».

Фан И Пак и Сержант Жао смотрели не понимая.

Мои друзья далеки от творческой логики.

«Когда зритель видит постановку», - попытался объяснить я. – «он воспринимает лишь результат усилий. Ему не дано радоваться тому пути, который пройден. Варианты пьесы, вычеркнутые сцены, отношения актеров за кулисами, рефлексия режиссера и сумасшествие

драматурга. Зритель лишен главного. Он вынужден разглядывать завязанный глаз борца на пальцах, вместо того, чтобы наблюдать за трехчасовым поединком».

Я выдержал подобающую мысли паузу, но мои друзья продолжали молчать.

Надо было выразиться яснее.

«Би Як одолеет Сай Ду. Будьте уверены», – сказал я.

«Следуя литературной традиции Хун-Тонга?» - оживился Фан И Пак.

«Со смертью И Лин мы все что-то потеряли», - сказал Сержант Жао. – «Только я никак не могу понять – что».

(Большой Кунь Ди Бань «И т.д.»)

Покажи муки брата моего. Покажи мать с сыном посреди чумы. Покажи червей в глазах моих. Терзает меня любовь.

(«Книга тысячи объяснений»)

Поздним вечером около главного входа в Театр поймал за ухо У По.

Он не вырывался.

«Сколько тебе лет?» - спросил я.

«Сколько надо».

Я выкрутил ему ухо до крови, но У По лишь наклонил голову.

В этом не было смысла, но я вдруг подумал, что если У По закричит или заплачет, то и его чувства к Сай Ду, и мои потеряют цену.

От этой мысли растерялся, и еще сильнее выкрутил ухо:

«Тебе всего тринадцать. И если Следователь Пын узнает, что ты повзрослел раньше положенного законом срока, то Сай Ду навсегда посадят в яму».

«Не посадят».

«Это почему?»

«Потому что ты никому не скажешь».

Будто не я держал У По за ухо, а он меня.

(Из записок Би Яка, найденных при обыске в доме Госпожи Ни Му.)

Я придумал побег.

Свои вещи мы оставили в комнате Госпожи Линь Линь и окунулись в шум рынка.

Сай Ду расшила стягивающее колени синее платье.

Моя ладонь лежала на ее бедре.

От быстрого шага рука скользила по тонкой ткани вверх вниз.

Я заметил, что бедра Сай Ду теряют детскую худобу и жесткость.

Становятся густыми, как гул чашек Господина Но.

Мужчины узнавали Сай Ду, кивали мне.

«Почему они улыбаются?» - спросил я.

«Потому что каждый из них думает, что лучше, чем он, у меня никого не было», - сказала Сай Ду. – «Это тайна Переулка Веселых Фонарей».

«Я тоже думал, что лучше меня у вас никого не было».

«И у меня никого не будет лучше вас», - сказала Сай Ду.

Мы купили цветных пончиков, засахаренных вишен и деревянный Самолет Дэнь Дзу Ана Цань.

Самолет надо было тянуть за собой на веревке.

Его прыжки и перевертыши на камнях смешили.

В толпе никто не обращал внимания на наше веселье.

Нас толкали.

Пинали самолетик.

Но я лишь крепче прижимался к Сай Ду.

От рынка.

До Храма Малого Бога.

К окраине.

Там, где когда-то стоял Цирк Господина Хвана мы устроили салют из вишен, которые уже не могли съесть.

Город кончился.

Звенели цикады.

Дорога сливалась с полем.

Деревянный Самолет замер на ее краю готовый к разбегу.

«А в Ти-Тунге есть Театр Госпожи Фа?» - спросила Сай Ду.

В Ти-Тунге не было Театра Госпожи Фа.

Чем дольше мы стояли, тем меньше становился смысл следующего шага.

Сай Ду накрыла платком грустное лиц:

«Я забыла захватить бумажные фонарики для игры в звезды. В поле играть лучше, чем на Пустыре Тайных Встреч».

Я подумал вдруг, что иногда она прячет под платком грустное лицо, не для того, чтобы показать радость, а для того, чтобы скрыть грусть.

Разговор угас.

Ветер швырнул песок нам в глаза.

Я принялся стирать песчинки с ее век.

Слюнявил кончик пальца и убирал их одну за другой.

Сай Ду послушно вытянула шею.

Она была рада, что я впервые касаюсь ее просто так.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Милый-мой-милый, мне уже нечего сказать.

Ты узнал все мои тайны.

(«Книга тысячи объяснений».)

Следователь Пын поманил меня пальцем.

Опухший ото следственного сна он сидел посреди утреннего рынка на досках Буфета Госпожи Иль.

Наливал танцующий чай в свой глиняный термос.

Только очень одинокий человек будет заполнять термос танцующим чаем в Буфете Госпожи Иль.

«Вчера на рынке я видел тебя и Сай Ду», - сказал Пын. – «Но она уже Капитаном Чань, а ты еще долго останешься в том возрасте, когда человек не умеет как следует любить».

«И вы тоже», - ответил я.

Это была хорошая шутка.

Пын даже обжог от удовольствия руку:

«Кем ты себя возомнил, У По?»

«Осветителем».

«А мне хочется стать Старшим Следователем».

Он был в прекрасном расположении духа.

Заткнул глиняный термос пробкой, для верности придавил ее кулаком.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Ловя любопытные взгляды, я вышел на сцену в парадном мундире Генерала Хо.

Из одеяла, в которое все так же была укутана Сай Ду, виден нос и непослушный завиток надо лбом.

Распахнул китель, расстегнул три пуговицы на брюках.

Сай Ду сбросила одеяло.

Вытерла о бедра вспотевшие ладони.

Она хотела что-то сказать.

Я взял ее за волосы, поставил на колени, прижал к паху.

Сай Ду открыла рот.

Но я заставил ее вылизывать меня сквозь коротко расстегнутую ширинку.

Крепко держал за волосы.

Развернул ее голову так, чтобы она была хорошо освещена.

Лампы У По слепили.

Зубы Сай Ду царапнули.

Моя сила высекла слезы из ее глаз.

Раньше никогда не думал о том, что лица женщин со мной во рту кажутся послушнее, чем на самом деле.

Мокрый пах.

Покорная старательность Сай Ду.

Судорожное сглатывание.

Оттолкнул.

Жалость.

Стыд.

Тишина.

«Всем спасибо!» - сказал Режиссер Дань.

(Из записок Би Яка, найденных при обыске в доме Госпожи Ни Му.)

Счастье не остановить, не задержать, не припрятать впрок. И если ты о нем вспомнил, значит, оно закончилось - пыфф.

(«Книга тысячи объяснений».)

Акт третий. Действие пятое.

На сцене две куклы-злодея.

Первая кукла

Убийство Генерала Хо достойно риска?
Всегда найдется новая замена
на важный пост.

Вторая кукла

Убийство Генерала - это фокус,
феерия, которая любым народам
так дорога.
Но вместо Птицы Тай, зеркал и лент
из рукава ты вынимаешь Смерть
и говоришь: «Смотрите! Удивляйтесь!
Кто власть имел – оборотился в прах.
Его легко и беззаботно с трона
сквозняк сдувает».

Первая кукла

Значит,
мы жизнь положим ради утвержденья -
что миром управляют сквозняки?

(Сумасшедший Драматург Эн Ань «Генерал Хо». Черновик, написанный в Больнице Весельчаков».)

Я привычно запрыгнул на плечи Мяк Женя, лег воротником:

«Почему ты всегда работаешь ночью?»

«Ночью мне меньше задают глупых вопросов», - Мяк Жень оперся подбородком о ручку метлы. В темноте блеснули острые белки глаз. - «Драматург Эн Ань уже написал диалог двух кукол».

«Откуда знаешь?»

«Спросил».

«Значит, мы скоро погибнем. А мне раздавят голову».

Брюхо предательски дрогнуло.

«Перестань щекотать мне шею», - сказал Мяк Жень. – «Гибнуть тебе, не обязательно».

«Но предсказание говорит…» - начал я.

«Предсказание говорит», - перебил Мяк Жень, - «что я смогу подойти к Наместнику И на расстояние удара. Остальное поправим».

«Что же станет с Цен Це Доком?»

«Убогих в Хун-Тонге не обижают». - Мяк Жень махнул метлой так, что прутья отлетели от древка, пропали в тумане. – «А Генерал Хо не может пропасть среди мусора».

(Паленый Уй Ям «Книга Кота».)

Чувство свободы возникает тогда, когда нет необходимости его проявлять.

(Дэн Ду Мин «Наставления Полуденному Вору».)

Сегодня я чуть не погиб, Уважаемый Наместник И.

После поздней репетиции решил лечь в дальнем углу зала.

По ночному Театру Госпожи Фа бродил храп Сержанта Жао.

На балконе тускло светили три керосиновых лампы.

Оставлять лампы зажженными запрещено.

И они упали на меня.

Плеснули огнем.

Меж рядов спал Следователь Пын.

Он успел, развернуть уже горевшее одеяло, сбить пламя с моих ног, со стульев.

Я лишь опалил штаны и не получил ни одного ожога.

Утром, улучив момент, я осмотрел место падения ламп.

Осколки стекла.

Черные выжженные пятна.

На ножке одного из стульев, что стоял рядом с проходом, остался легкий след от огня, будто здесь была привязана сгоревшая, пропитанная маслом, нить.

Она была протянута поперек прохода, чтобы ее можно было легко задеть ногой.

На одной из упавших ламп сохранился черный от огня узелок.

«Лобок», - сказал Бывший Профессор Литературы Рядовой Кунь Ди Бань.

Всегда ваш. Бывший Писарь Канцелярии Народного Хозяйства Рядовой-Спасатель Би Як - Наблюдающий, Сочувствующий, Ищущий Мастер Художественной Записи, Лев Перевоплощения. Соавтор Драматурга Эн Аня.

(Наместник И «Сборник любимых доносов».)

Происшествие с Би Яком увеличило число игроков в Таракана на Героя Фея и Капитана Дэу Вэ.

Общее дело несло ощущение безопасности, единства, бытовой обустроенности.

Чучело Дак Хин на всякий случай попросил себя арестовать.

Но вместо него Следователь Пын арестовал У По и его отца – Последнего Врача До По.

После падения ламп, в их доме провели обыск и нашли подозрительную рукопись.

(Большой Кунь Ди Бань «И т.д.»)

При избиении необходимо задать своему телу правильное положение. Если рядом есть стена, то следует сесть около нее на корточки, плотно прижаться лопатками и поясницей, защищая почки и копчик, сомкнуть колени, выставить вперед локти, закрыть голову руками.

Поза Спящий Журавль Ща - быстрее всего изматывает нападающих. Им либо приходиться нагибаться, либо толкать друг друга, чтобы достать избиваемого ногами.

Гораздо сложнее, когда ты пойман посреди улицы.

Необходимо лечь на правый бок, прикрывая печень, и свернуться Змеей Уль. Недостаток позы Задумчивая Змея Уль – незащищенные селезенка, почки, затылок. Чтобы хоть как-то уменьшить потери здоровья, необходимо все время разворачиваться спиной к наиболее слабому из нападающих, незаметно менять положение рук и ног, блокируя наиболее болезненные удары. Нельзя защищаться энергично, демонстрируя остаток сил.

Не давайте нападающим пищу для азарта.

(Дэн Ду Мин «Наставления Полуденному Вору».)

Допрос №9424.

Старший Следователь Пын: Теперь нам известно, что у вас нет родного сына, что зовут вас не Последний Врач До По, а Весельчак Ни Мон Ку. Что в Больнице Весельчаков вы, вместе с неким Же Менем, занимались преступной практикой - меняли человеческие органы на кукольные. Во Времена Теплых Дней Разделения ваша деятельность получила огласку, но арестовать удалось только Же Меня.

Последний Врач До По: Что с ним стало?

Старший Следователь Пын: Понятия не имею.

Последний Врач До По: К чему эти старые истории? Вины на мне и без того достаточно. А где зарыта кукла, я не скажу.

Старший Следователь Пын: Чтобы забрать у вашего приемного сына сердце, нам не нужно искать всю куклу. Только ваше чистосердечное признание сохранит ему жизнь. (пауза) Может быть.

Последний Врач До По (не сразу): Да, меня зовут Ни Мон Ку. Я раздобыл документы Последнего Врача До По и был им уже три дня, когда воины Хун-Тонга принесли беременную. Она была без сознания после удара.

Старший Следователь Пын: Почему живую женщину принесли к вам?

Последний Врач До По: Воины Хун-Тонга не знают, что такое пульс.

Старший Следователь Пын: Как ее звали?

Последний Врач До По: Гадалка Цай. (пауза) На столе она пришла в себя. Стала рожать. Сказала, что знает мое настоящее имя, что донесет, если я не возьму ребенка. И что сердце куклы, которую скоро приведут для уменьшения, подойдет ему как родное. Говорила, что зачала ребенка от этой куклы. Зачать от куклы невозможно. Полагаю, она бредила. Была сразу Танцовщицей Ли, Невестой Лянь, Генералом Хо, своим сыном, которого еще не родила и даже вами.

Старший Следователь Пын: Мной?

Последний Врач До По: Вы очень боялись кошек.

Старший Следователь Пын: Но я не боюсь кошек.

До По пожимает плечами.

Старший Следователь Пын: Что же потом?

Последний Врач До По: Ушла. После родов я даже не успел ее осмотреть.

Старший Следователь Пын: Встречали ее после?

Последний Врач До По: Нет.

Старший Следователь Пын: Почему вы оставили у себя ребенка? (пауза) Достаточно было дать Гадалке умереть.

Последний Врач До По: Я думал об этом.

Старший Следователь Пын: И что же?

Последний Врач До По: Я подумал: «Да, ладно».

(Следователь И «Избранные протоколы допросов». Седьмое издание, переработанное и дополненное Наместником Мэ.)

Если ты знаешь, что было, что будет, сможешь ли тогда отличить хорошее от плохого?

Как ответить за свое неумение?

Богу свойственно прятаться.

Там, где его никогда не будут искать.

(«Великий учитель №3».)

Меня определили в кукольную одиночку, которая пустовала многие годы.

Глухие стены, низкий потолок, игрушечная дверь.

На второй день появился Следователь Пын.

Он стал Старшим Следователем Пыном и уже носил на рукаве барельеф Сурка Чи.

Для того, чтобы пробраться в камеру, ему пришлось встать на четвереньки.

В руке Следователя был мой экземпляр «Книг Хун-Тонга» с вложенными в него листьями Дерева Ин.

«В твоих записках упомянут некий Дворник Мяк Жень, который помешал тебе сжечь рукопись. Вы с ним знакомы?»

«Я встречал его у Мамы Лам».

«Ты часто общался с Мяк Женем?»

«В детстве он учил нас с Цен Це Доком подметать дождь».

«Как же он узнал, что ты собираешься сжечь Книги? Как оказался ночью на Пустыре Тайных Встреч? За три улицы от Площади, которую убирал и за пять от дома, в котором жил?»

Я не знал.

«Тебе всегда незаслуженно и крепко везло. Правда? А теперь будет везти мне. Иначе…» - Пын говорил не мне, а в воздух, который должен был понять значимость его слов.

Я не понял.

«Твою судьбу я решу позже», - Старший Следователь Пын бодро пополз в коридор. - «У меня есть еще пара желаний».

Он думал, что это была хорошая шутка.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

У ворот Старшего Следователя ждала Сай Ду.

Пын отряхнул с колен тюремную пыль:

«Вы плохо выглядите. Сейчас вам не дашь и четырнадцати».

Вчера он выяснил, что Сай Ду четырнадцать.

Чтобы попасть в Переулок Веселых Фонарей, она украла полтора года.

Пын достал глиняный термос с танцующим чаем:

«Не следует волноваться перед премьерой. После нее я лично попрошу Наместника И о помиловании У По».

Чай остыл.

Пын поморщился, протянул термос Сай Ду.

Она послушно сделала глоток.

«Потом вы уйдете из Театра. Мне бы не хотелось, чтобы моя лишняя жена была актрисой».

Забирая термос, Пын коснулся ее груди.

Касание вышло неловким.

Так тянутся дети за Сливами Пи Эй.

(Паленый Уй Ям «Книга Кота».)

На третий день заключения меня вывели на Пустырь Тайных Встреч, чтобы я показал, где мы с отцом зарыли живые останки куклы.

Я показал.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

На пятый день я стоял посреди лишнего кабинета Наместника И.

У операционного стола лежали хирургические инструменты.

Ножи, иглы, пинцеты, зажимы…

Ими давно не пользовались.

Кто-то не сведущий иногда протирал их влажной тряпкой, путал порядок, оставлял разводы на блестящих поверхностях.

У Наместника И холодные пальцы, обкусанные ногти.

Я дал себя осмотреть.

Широко распахивал веки, чтобы Наместнику было удобно разглядеть уголки глаз.

Показывал руки, чтобы он мог легко провести иглой по линиям на ладонях.

Приседал.

Кашлял, чтобы Наместник мог услышать эхо в моей груди.

Птенцы Священной Птицы Ки, что кружили вокруг его головы, кололи мне шею.

«Зачем ты хотел сжечь Би Яка?» - спросил Наместник И.

«Я не хотел сжечь Би Яка. Я хотел сжечь Театр».

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Вечер.

Репетиция.

Впервые играем всю пьесу.

Финал.

Мне кажется, что Сай Ду не учит текст - сразу считает его своим.

Капитан Чань

Сегодня ждать вас начала в ночи.
Как непослушные глаза открыла
и спать уж не могла.
А вы лишь днем прийти должны –
вот мука.

Вот пытка сладкая.
Так жаждут света,
во тьме покоясь.

Генерал Хо

Я к вам спешил.
Ведь вечером,
коль верить предсказанью,
меня убьют.

Сай Ду приближается.

Смотрит в глаза.

Видит то, что я не хочу прятать.

Капитан Чань

Не верьте предсказаниям гадалок.
До ночи вас не отпущу за двери.
Пусть сбудутся сегодня лишь мои
желанья.

Сай Ду обнимает меня.

Дарит дыхание.

Аплодисменты.

Хлопают все. Режиссер Дань. Старший Следователь Пын. Кунь Ди Бань, Фан И Пак, Капитан Дэу Вэ, Нежный Ши Фо, Сержант Жао в бутафорских мундирах воинов Хун-Тонга.

Довольный Майор Мэ гладит себя по коленям.

Мы готовы к премьере.

Занавес.

(Из записок Би Яка, найденных при обыске в доме Госпожи Ни Му.)

«Записки на листьях» Осветителя У По оказали существенную помощь следствию.

Нам удалось выйти на след Дворника Мяк Женя.

Но он сломал шеи трем воинам и избежал ареста.

Во время обыска в его доме на Улице Больных Глаз под третьей половицей от порога были найдены рукопись книги «Беседы перед проигранной битвой» и тридцать два предсказания Гадалки Цай.

Наряду с некоторыми сбывшимися событиями, в предсказаниях обнаружилось подробное описание будущего покушения Дворника Мяк Женя и Паленого Уй Яма на Наместника И.

Покушение должно произойти во время премьеры пьесы «Генерал Хо».

Копия предсказания прилагается.

(Служебная записка Старшего Следователя Пына в следственную канцелярию Наместника И.)

Акт третий. Действие пятое.

На сцене сойдутся две куклы-злодея. Под раскрашенным лицом будет трудно узнать Бывшего Учителя Труда Фан И Пака, а Бывшего Профессора Литературы Рядового Кунь Ди Баня выдаст только его вес и распахнутая на животе гимнастерка.

Как только Кунь Ди Бань произнесет:

…мы жизнь положим ради утвержденья -

что миром управляют сквозняки?

Из прикрытой ковром дыры в стене, на сидящих потянет сквозняком.

Из-за ковра выберутся Мяк Жень и Паленый Уй Ям.

Зрители примут это за продолжение спектакля.

Когда Наместник И окажется на расстоянии вытянутой руки, Мяк Жень достанет Нож Бывшего Учителя Труда Фан И Пака. На лапе Паленого Уй Яма блеснет красным отравленный коготь.

Уй Ям прыгнет…

…и будет пойман за горло одной из лишних жен Наместника И.

Она раздавит коту голову.

Пять лишних жен повалят Мяк Женя на пол, выбьют зубы, вывернут суставы рук и ног.

Наместник И поднимет ладони, три раза хлопнет испуганным актерам.

Зал послушно зааплодирует.

(Предсказание №29, найденное в доме Дворника Мяк Женя.)

Заговор в Хун-Тонге.

Следственным органам стало известно о готовящемся покушении на Наместника И.

Имена заговорщиков: Дворник Мяк Жень с Площади Лишних Ног и Паленый Уй Ям - Кот с обгоревшим лицом.

Любая информация о них принимается бесплатно во всех почтовых отделениях Хун-Тонга.

(Объявление, расклеенное на улицах Хун-Тонга.)

Над городом, от суеты Воинов, скопилось лишнее атмосферное электричество.

(Паленый Уй Ям «Книга Кота».)

«Донос – детская попытка принять неизбежное», - сказал Кунь Ди Бань. – «Если в Хун-Тонге застрочии доносы, значит, неизбежное близко».

«Что же близко?» - спросил Сержант Жао.

«Не знаю», - пожал плечами Кунь Ди Бань. – «Но перед тем как к власти пришел Наместник И, доносы писали даже в школе вместо диктантов».

«Пе-ре-ме-ны», - по слогам произнес Фан И Пак. – «Звучит заманчиво и обещает свободу».

«Перемены обещают не свободу, а тайну проникновения», - заметил Кунь Ди Бань.

Это была хорошая шутка.

(Паленый Уй Ям «Книга Кота».)

Керосиновая лампа в кабинете Старшего Следователя Пына.

По примеру Наместника И, Следователь приучится курить Дорогой Табак Чи Нир.

Перед Пыном - листки предсказаний, найденные в доме Дворника Мяк Женя.

«Хм», - скажет вдруг Следователь.

Пальцы его дрогнут.

Страх в человека входит через кончики пальцев.

Последний столбец иероглифов ему придется перечитать еще раз:

«Старший Следователь Пын засмотрелся на кота, споткнулся, упал, ударится головой о камень и умер».

(Предсказание №30, найденное в доме Дворника Мяк Женя.)

Майор Мэ выложил передо мной лист свежей рисовой бумаги.

«Поступило распоряжение – поместить этот текст в пьесу».

«Но она закончена», - попытался возразить я.

«Закончите, когда прикажут», - Майор Мэ не принимал возражений.

На бумаге - диалог кукол-заговорщиков.

Почерк Сумасшедшего Драматурга Эн Аня приобрел в Больнице Весельчаков важную легкость.

«Что миром управляют сквозняки?» - Текст диалога с точки зрения цензуры был спорен. Он содержал иронию не только над заговором, но и над властью. – «А не попахивает ли это нечаянной контрреволю…»

«Делайте, то, что велено», - оборвал меня Майор Мэ. - «О контрреволюциях мы как-нибудь сами…»

Пришлось подождать, пока кровь отольет от фуражки Майора Мэ.

Идея использования в роли кукол-заговорщиков Кунь Ди Баня и Фан И Пака показалась мне интересной.

Всегда ваш. Бывший Писарь Канцелярии Народного Хозяйства Рядовой-Спасатель Би Як – Наблюдающий, Сочувствующий, Ищущий Мастер Художественной Записи, Лев Перевоплощения. Соавтор Драматурга Эн Аня.

(Наместник И «Сборник любимых доносов».)

Премьера спектакля «Генерал Хо»!

Вам, матери Воинов Хун-Тонга, посвящается труд Режиссера Даня, драматургов Эн Аня, Би Яка, труппы Театра Госпожи Фа.

Беспримерный патриотизм, любовь к Родине и просто любовь помогут вам увидеть настоящий Хун-Тонг, настоящую историю, настоящих героев и врагов.

(Из объявления, написанного пиявкой, напившейся крови Вола Ту Ай.)

Из матерей на премьеру была приглашена лишь Мать Переулка Веселых Фонарей Госпожа Вы.

(Паленый Уй Ям «Книга Кота».)

На третий день седьмой луны зал Театра Госпожи Фа наполнила богато разодетая публика.

Женщинам было непривычно находиться здесь*.

Они оглядывались, улыбались растерянно, прикрывали ладошкой чернь зубов.

На первом ряду в окружении лишних жен расположился Наместник И, а на двенадцатом - Театральный Критик Фих Фих Ёй.

Он был инициатором изгнания меня из Вечной Гильдии Критиков Хун-Тонга.

«Представляю, что Фих Фих Ёй напишет обо мне после премьеры», - сказал я Фан И Паку.

«Хвалить будет без меры», - ответил Фан И Пак. – «Майор Мэ не любит критики».

«Это еще противнее», - сказал я.

Настроение было скверным.

Пуговица на животе гимнастерки грозила оторваться.

Военный Портной Унь Ми неверно рассчитал мою талию, да еще пожаловался Капитану Дэу Вэ, что я расту быстрее, чем он шьет.

(Большой Кунь Ди Бань «И т.д.»)

(* - посещать Театр Госпожи Фа разрешалось только мужчинам или женщинам в мужском платье. *прим. Почтенного Издателя Шеня.*)

Публика рассаживалась по неровно расставленным стульям.

Шум зала напоминал рокот и дрожь прибоя в пойме Реки Вао Хэ, когда она уже стала шире, но ей еще далеко до пены соленых волн Тихого Моря.

За кулисами полумрак.

«Я свой текст забыл», - сказал Капитан Дэу Вэ.

«В атаку, братья», - подсказал ему Кунь Ди Бань.

«В атаку, братья», - послушно повторил Дэу Вэ.

Мы с Сай Ду сидели рядом.

Я ни разу не разговаривал с ней вне сцены.

У Сай Ду треснувшая губа, слишком тонкая для гимнастерки шея.

Сай Ду забыла ушить воротник.

Он все еще был впору И Лин.

(Из записок Би Яка, найденных при обыске в доме Госпожи Ни Му.)

Настало время напутственного слова.

Встал Режиссер Дань.

Сейчас он походил на заговорщика из постановки «К Госпоже Фа опять пришел не тот».

«Знаете, почему у Генерала Хо и Капитан Чань в пьесе всего один поцелуй?» - негромко спросил он. – «Потому что больше не надо. Потому что потом, вы все можете стрелять, кричать, бегать, убивать друг друга по пять раз, а поцелуй победить не сможете. Просто не забывайте об этом. Иначе…»

Режиссер Дань замолчал.

Он не знал, что иначе.

«Кто-нибудь видел мой нож?» - спросил Фан И Пак.

Нежный Ши Фо третий раз изобразил звон колокольчика.

Зал стих.

(Большой Кунь Ди Бань «И т.д.»)

Я вышел к зрителям.

Подмостки опасно скрипели под тяжестью Генерала Хо.

Сосчитал до трех.

Вдохнул.

«А ну встать!» - крикнул грозно. – «Подтянуть животы!»

Встал даже, сидевший в первом ряду, Наместник И.

Майор Мэ забыл его предупредить.

(Из записок Би Яка, найденных при обыске в доме Госпожи Ни Му.)

Сквозь зарешеченное окно в палате были слышны доносившиеся со сцены крики атакующей армии Генерала Хо, вой самолетов Эскадрильи Дэнь Дзу Ана Цань, хлопки выстрелов.

Взрыв бутафорской Бомбы Фань выбил облако пыли из стен Театра, заставил задрожать стекла Больницы Весельчаков.

Гвалд боя перекрывали крики раненого Чучела Дак Хина.

Он играл то пробитого осколками повстанца, то патриота, попавшего под танк.

Нет ничего более шумного, чем, патриот, попавший под танк.

(Драматург Эн Ань «Фа и Хо».)

Постановка изобиловала плотским боевым натиском, неослабеваемым стремлением воинов Хун-Тонга к победе и любви. Меньше всех к победе и любви стремился бывший Профессор

Литературы Рядовой Кунь Ди Бань, который, как и многие участники труппы, играл сразу несколько ролей. Но и его огромный живот был благосклонно встречен публикой.

Открытием премьеры стали Бывший Писарь Канцелярии Народного Хозяйства Рядовой Би Як, исполнивший роль Генерала Хо и Госпожа Сай Ду, сыгравшая Капитана Чань. Их дебют можно сравнить, разве что, с выходом на сцену легендарного Господина Ы Фай и Госпожи Ти Ан в классической пьесе Драматурга Ё Э Лана «Пропавшее лунное лицо Господина О» (7 п.н.).

Тонкость рисунка персонажа Госпожи Сай Ду. Игра двух лиц, как явленных миру потаенных желаний героини, сцена прощания Генерала Хо и Капитана Чань, когда Госпожа Сай Ду среди тусклых декораций достала ярко желтый с крупным узором платок и закрыла лицо. Весь зал не мог оторвать взгляда от платка. Но шло время. И зритель вдруг начинал его чувствовать, как собственную потерю.

Сцена встречи Генерала Хо и Капитана Чань в четвертом действии третьего акта вышла наиболее сильной.

Долгий путь Генерала к возлюбленной был награжден и страстью, и нежностью. В этой сцене темп диалога был мастерски изменен драматургами на бытовую речь. На протяжении всей сцены герои не подошли друг к другу и на расстояние вытянутой руки.

Но путь битв, смертей, лишений был оправдан улыбкой Капитана Чань.

(Театральный Критик Фих Фих Ёй «Премьера и покушение». Вестник Вечной Гильдии Критиков Хун-Тонга №367.)

Акт третий. Действие четвертое.

Я чищу ранцевый пулемет Капитана Чань.

Сай Ду сидит на стуле посреди сцены.

Зрители видят улыбку ее правого лица.

Они думают, что она всегда ждала меня.

Но другое лицо, обращенное ко мне, печально.

Она не спешила подойти.

Все это время она думала о Майоре Лоу.

Пауза затягивалась.

Режиссер Дань из-за кулис свистящим шепотом подсказывал текст.

Режиссер Дань

Спускаются по двое в подземелье.

А ты одна.

Би Як! Ну же!

Спу-ска-ю-тся по-дво-е…

Я

Ты переделала огнемет?

Заговорил от себя, сбил ритм.

Сай Ду не удивилась.

Сай Ду

Уменьшила дальность. Увеличила количество выстрелов. В Храме не нужна дальность.

Я

В подземелье не спукаются по одиночке. Кто твоя пара?

Сай Ду положила руку на округлый живот.

Сай Ду

Он.

Таял разговор.

Я

Почему ты ушла?

Сай Ду

Потому что в тот день, когда ты выбил плечо, я была не только с тобой.

Я

Майор Лоу. Мы стрелялись через ширму в его доме под Ти-Тунгом.

Сай Ду

В этом был смысл?

Я

Мы не искали смысла.

Из-за занавеса с любопытством выглядывали куклы-заговорщики Кунь Ди Бань и Фан И Пак.

И весь путь к Капитану Чань показался мне вдруг тяжким испытанием верности самому себе.

Нужно было оставаться никчемным клоуном Би Яком, потешать публику, стоя перед ней голым по нижний пояс.

Но я был Генералом Хо и делился своей слабостью с залом, который этого не заслужил.

(Из записок Би Яка, найденных при обыске в доме Госпожи Ни Му.)

Покушение на Наместника И случилось во время четвертого действия третьего акта.

Наместник И сидел первом ряду в окружении лишних жен.

Шла сцена, на которой настоял Майор Мэ.

В свете ламп громко шептались Ши Фо и Кунь Ди Бань.

Оба, сговорившись, нацепили на себя множество перьев и напоминали Павлинов Хы.

На реплике Кунь Ди Баня «мы жизнь положим ради утвержденья, что миром управляют сквозняки», в зале возникли беспокойство, возня.

По головам публики побежал кот.

«Хватайте меня! Эге-гей!» – кричал кот. – «Pousser mon dernier tête de! Mais j'ai toujours ivre et gai! Meow!!!»*

Публика все еще думала, что это спектакль.

Лишние жены Наместника И бросились за котом.

В этот миг перед Наместником встал Дворник Мяк Жень, махнул ножом Фан И Пака, но лишь полоснул Наместника И по щеке.

Нежный Ши Фо, который играл роль Продавца Орехов Чо, успел опрокинуть Дворника наземь.

Продавец был невелик ростом, но плоский затылок и натянутая на плечах ткань выдавали в нем борца.

Из-под разорвавшегося халата была видна летняя форма Воина Хун-Тонга.

Хруст суставов Мяк Женя был слышен и в последних рядах.

Генерал закричал.

Его командный голос поставил смирно всех воинов Хун-Тонга за три улицы до Театра Госпожи Фа.

Глаза кота блеснули над толпой и погасли.

В наступившей вдруг тишине Наместник И поднял ладони, три раза хлопнул растерянно стоявшим на сцене актерам.

Зал послушно зааплодировал.

(Из записок Би Яка, найденных при обыске в доме Госпожи Ни Му.)

(* - «Давите мою последнюю голову! Но я все равно пьян и весел! Мяу!!!» *прим. Почтенного Издателя Шеня.*)

Никто не может сравниться со Смертью в законченности сюжета. И тот, кто рискует жизнью ради блага народа – играет на ее просторной сцене! Наместник И не изменил себе! Сидя в первом ряду партера, он все так же противостоял врагам, все так же защищал Хун-Тонг! А те, кто покушался на его жизнь – не просто враги Хун-Тонга! Это враги искусства! И мы критики Вечной Гильдии требуем, чтобы их судили по самым суровым законам нашего мирного времени!

(Театральный Критик Фих Фих Ёй «Премьера и покушение». Вестник Вечной Гильдии Критиков Хун-Тонга №367.)

«Дворника Мяк Женя приговорили к расстрелу!» - некстати громко сказал Капитан Дэу Вэ.

Загнал тараканов в центр круга.

«Вот это - здрасьте», - сказал Бывший Учитель Труда Рядовой Фан И Пак.

«Неожиданный финал», – у меня вошло в привычку поигрывать полученной за премьеру, медалью.

Каждый, кто участвовал в постановке, получил медаль «За отвагу и выслугу лет».

Кроме Ши Фо.

Тот, за спасение Наместника И, получил две.

«Не верю, что Дворник – это Генерал Хо», - сказал Герой Фей.

«Все это может поставить нас в весьма неловкое положение», - сказал Фан И Пак.

«Расстрел всегда весьма неловкое положение», - вставил Чучело Дак Хин.

(Большой Кунь Ди Бань «И т.д.»)

Иногда бесценные вещи вдруг начинают иметь цену. И ты сразу задумываешься - стоит ли их покупать.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

Утро было жарким.

«Пальцы мокрые», - сказал Бывший Учитель Труда Рядовой Фан И Пак.

«И пот глаза застилает», - сказал Бывший Учитель Литературы Рядовой Кунь Ди Бань.

«Зарядить не забудьте». - Бывший Писарь Канцелярии Народного Хозяйства Рядовой Би Як передернул затвор.

«Ах да. Привычка». – Кунь Ди Бань вытащил из винтовки холостой патрон, вставил боевой.

Его примеру последовали Герой Фей и Режиссер Дань.

«Я не умею стрелять», - сказал Нежный Ши Фо.

Роль рядового Расстрельной Команды он исполнял впервые.

Его слов, казалось, никто не услышал.

Труппу прикомандировали к расстрельной команде для полной комплектации.

«Мы же смогли объединить расстрельную команду и Театр», - сказал Капитан Мэ. – «Зачем разбивать коллектив?»

Расстрельный двор комендатуры Хун-Тонга непривычно пуст.

Расстрел был не показательным.

Обыкновенным.

Без зрителей, петард, цветных пончиков.

Без школьников из Кружка Последнего Танца.

Чучело Дак Хин под присмотром Сержанта Жао складывал погребальный костер.

У стены стоял Дворник Мяк Жень.

Годы труда и серая арестантская роба не могли скрыть его генеральской выправки.

Мяк Женя старались не замечать.

«Какой иероглиф?» - спросил Би Як Капитана Дэу Вэ.

Капитан Дэу Вэ сверился с текстом приговора, высморкался в белый платок, которым на показательных выступлениях давал команду к выстрелу:

«Здесь ничего нет про иероглиф».

«Без иероглифа нельзя», - сказал Нежный Ши Фо.

С гимнастерки на животе Кунь Ди Баня слетела вторая пуговица.

«Становись!» - скомандовал Капитан Дэу Вэ.

Шестеро встали перед Генералом Хо.

Разглядывая расстрельную команду, Генерал недовольно покачал головой:

«Цай, Цай… Получше никого не нашлось?»

«Товсь!» - Капитан достал платок.

Вскинули ружья.

Сержант Жао расправил плечи, поднял руку к козырьку, замер, отдавая честь Генералу Хо.

«Пли!»

Выстрел.

Команда закинула карабины за спину и, не соблюдая строй, пошла со двора.

На груди Генерала Хо не вышло иероглифа.

Все пули попали в сердце.

(Паленый Уй Ям «Книга Кота».)

Господин Хван шел по ночному цирку, постукивал палкой по брезенту палаток.

Он любил смотреть, как катятся вниз, оставшиеся после дождя, капли.

Увидел блеск орденов на моей груди.

Поклонился.

Сырость в палатке Гадалки Цай.

Большой живот ее укутан теплым платком.

Гадалка не спешила опускать полог.

«И все, что произойдет, случится из-за вашего сына?» - спросил я.

«Помните детскую игру в «Счастье»?» - ответила Цай. – «Она учит детей, что есть совпадения, которые приходится принимать».

«Но совпадение со своим поражением я не приму».

Гадалка задумалась.

Тронула губы.

«Почему вы донесете на Циркача Пу?» - спросил я.

Уже давно все в цирке знали, что он предпочитает Танцовщицу Ли. И за восемь лет Цай не смогла это изменить.

«Он ударит меня», - перебила мои мысли Цай.

«Но Циркач Пу ударит вас во время своего ареста. Уже после того, как вы донесете на него».

«А это важно?»

Счастье прячется в неведении.

И я перестал задавать вопросы.

(Генерал Хо «Беседы перед проигранной битвой».)

Когда двое расстаются, даже прошлое их становится разным.

(«Книга тысячи объяснений».)

Старший Следователь Пын несколько раз вызывал меня на допрос.

Он хотел, чтобы я донес на Капитана Мэ.

Пын подозревал его в заговоре против Наместника И.

Собирал доказательства.

Пьесу «Генерал Хо» повзводно посмотрели все воины Хун-Тонга.

Но матери Хун-Тонга в театр не пошли.

Разная Сай Ду покинула труппу.

Проявила непонятное послушание перед Старшим Следователем Пыном.

Режиссер Дань снова пытался повеситься.

На этот раз Режиссеру никто не мешал.

И он остался жив.

(Из записок Би Яка, найденных при обыске в доме Госпожи Ни Му.)

Я встретил Сай Ду на рынке.

В руках у нее была корзинка с кульком засахаренных вишен и глиняным термосом, в который Следователь наливал танцующий чай.

Только очень одинокий человек носит танцующий чай в термосе.

Мы долго стояли друг против друга.

Так и не придумали, что сказать.

Через пол луны после встречи с Сай Ду я снова стал навещать Госпожу Ни Му.

(Из записок Би Яка, найденных при обыске в доме Госпожи Ни Му.)

Ми Со (54 п.н.) в записке «Об ином» говорит: «Отсутствие любви – чувство более полное, чем любовь.

Оно реально, ибо ты чувствуешь, когда любви нет.

Когда любовь есть – ты никогда не знаешь, что происходит на самом деле».

(Наместник И «Музей».)

«Я рад, что вы, наконец, пришли, Уважаемый Би Як». - Герой Фей выглядел усталым.

Краски на его лице поблекли.

Он давно не умывался.

Я разлил по чашкам рисовую водку.

Выпили.

«В день убийства вы отправились за едой вместе с Нежным Ши Фо», - сказал я. – «Очередь за полковым обедом всегда самая шумная и путаная. Ши Фо был уверен, что вы рядом и видите его. Но он не видел вас. Пока Ши Фо стоял в толпе, вы вернулись в Театр и выстрелили Красавице И Лин в сердце. Вы не могли пережить разлуки».

Разлили.

Выпили.

«Поначалу мы просто учились», - сказал Герой Фей. – «Так же как вы и Разная Сай Ду. Потом – первое представление. Свет. Зрители. Наверное, свет виноват. Да. Свет». – Чашка для Фея на один глоток. – «И чем дальше, тем сложнее это прекратить. И когда Полковник Мэ... Капитан Мэ сказал, что я больше не Герой Фей…» - Он поднял над собою бутылку, перевернул горлышком вниз. – «Я ведь потом у Режиссера Даня прощения попросил. Чтобы он вернул меня в Театр Госпожи Фа. Бог с ним, с Генералом. Лишь бы в Театр. На колени встал. А он не простил».

«Зрители не очень вас принимали».

«А вас?» - Герой Фей бережно поставил на пол пустую бутылку. - «Кто вообще эти зрители? И кто знает, что они будут рассказывать о нас, о своих переживаниях через двадцать пять лет?»

Госпожа Фа была умна. Чтобы не довести человека до крайности, она никого не приглашала к себе второй раз.

(Из записок Би Яка, найденных при обыске в доме Госпожи Ни Му.)

После тебя лишь неверные колебания воздуха.

Где ты проходила.

Но я все еще дышу им.

Поворот шеи.

Прикосновение.

Улыбка, которая предназначалась другому.

Сказанное и тут же забытое слово.

Ты ушла.

В Хун-Тонге занимается новый день. Он будет повторяться снова и снова.

Утром, привычно заметая за собою следы, пойдут спать дворники.

Улицы города наполнятся.

Заспешат по своим делам чиновники и адвокаты.

Вечером ветер понесет над крышами гортанные крики заступающих на пост Воинов Хун-Тонга.

А в Театре Госпожи Фа кто-то опять будет искать очевидное.

Хун-Тонг любит движение и определенность.

Каждый день он говорит, что забрал тебя, что я больше тебя не увижу.

Наверное, только смерть не разлучит нас.

Это хорошая шутка.

И я смеюсь.

Над собой.

Над тобой.

Над глупым воздухом.

Над Хун-Тонгом.

И иду к соседке, есть засахаренные вишни.

(«Книга тысячи объяснений».)

Довожу до вашего сведения, что Бывший Писарь Канцелярии Народного Хозяйства Рядовой Би Як бесследно исчез, поставив в тупик следствие по делу Капитана Мэ.

Госпожа Ни Му, с которой Би Як проживал последнее время, любезно предоставила свой дом для обыска и сообщила, что он обязательно вернется, когда на то будет возможность.

После ухода из труппы Госпожи Сай Ду и исчезновения Би Яка, постановка «Генерал Хо» была закрыта.

Театр Госпожи Фа упразднен.

(Из донесения Старшего Следователя Пына в канцелярию Наместника И.)

«Мур».

Старший Следователь Пын испуганно сел в кровати.

«Кыс-кыс», - позвал темноту.

Тишина.

(Паленый Уй Ям «Книга Кота».)

Птицы Тай вернулись в Сад Шорохов через две луны.

Их возвращение совпало с пиком рождаемости.

Многие роженицы, как в известной сказке об Ий Тен и Унь Мао, утверждали, что беременны не были.

Полагаю, массовая вера в небылицы лишь следствие однообразного течения жизни в Хун-Тонге.

После моего доклада в Орнитологическом Обществе, это совпадение принято именовать Феноменом Туи Ла Му.

(Орнитолог Туи Ла Му «Нелепые слухи о Птицах Тай».)

Если пепел, достигший Луны, может выбирать - остаться или вернуться, то не кажется ли вам глупостью возвращение Й Тэн к убившему ее Унь Мао?

(Орнитолог Туи Ла Му «Нелепые слухи о Птицах Тай».)

Смерти нет. Потери есть. Правда смешно?

(«Книга тысячи объяснений».)

Меня выпустили из тюрьмы через два с половиной года после смерти Наместника И.

Говорили, что лишние жены Наместника вступили в обещания с Капитаном Мэ. И тот не больно задушил Наместника И.

Народ соскучился по железной руке.

И Капитан Мэ стал Наместником Мэ.

В Хун-Тонге снова ходили строем и писали доносы.

Наверное из-за тяги к порядку почтовых отправлений.

После смерти Наместника И в его покоях были найдены живые останки куклы.

Все части тела кроме ноги и сердца.

Наместник И пытался сложить их.

Но кукла не захотела, чтобы ее складывали.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Горячий песок обжигал пятки.

У ворот тюрьмы я встретил Полуденного Вора Дэн Ду Мина и Цен Це Дока.

С метлой в руках и шапочке дворника Цен Це Док стал похож на Мяк Женя.

Улица Пяти Тысяч Ста Девяноста Семи, которую ему разрешили убирать, была самой чистой в городе.

Потемневший от времени Дэн Ду Мин походил на сломанный сук Тополя Второго Неба.

Торговцы в Хун-Тонге слишком хорошо выучили его уловки.

Красть еду он уже не мог, а выпрашивать не умел.

Уже несколько лун Дэн Ду Мин ел траву, листья, землю и был жив только потому, что запивал все это облаками, что попадались в его горшки.

Я разделил между друзьями черствую лепешку, которую выдавали всем, кого выпускали за ворота.

Получив свою половину, Дэн Ду Мин сразу забыл обо мне.

Лепешка для него была сейчас самым необычным в жизни.

«Скажите, пожалуйста, как пройти к тюрьме?» - спросил меня Цен Це Док с набитым ртом.

Это была хорошая шутка.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Отец пропал.

В канцелярии Наместника И мне выдали справку, что заключенный по имени До По в тюремных списках не значится.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Мать Переулка Веселых фонарей Госпожа Вы, не глядя на страницы, для приличия листала Книгу Свиданий:

«Госпожа Сай Ду уехала».

«Когда же она вернется?»

«Госпожа Сай Ду уехала не одна». - Госпожа Вы перешла на доверительный шепот. - «Старший Следователь Пын был весьма привязан к Госпоже Сай Ду. Но перемена власти в Хун-Тонге потребовала его бегства. Он оказался не очень дружен с Наместником Мэ».

(У По «Записки на листьях».)

Сай Ду жила в доме на дальней окраине Переулка Веселых Фонарей.

На окраине жили те, кто отошел от дел или больше не хотел дарить счастье всем подряд.

У двери Сай Ду дежурил Воин Хун-Тонга.

Он не пропустил меня:

«Здесь уже никто не живет».

«Я просто хотел осмотреть дом», - сказал я.

«Дом под следствием», - ответил Воин.

(У По «Записки на листьях».)

«А кто тебя знает?»

«Да никто».

«А кто тебя ищет?»

«Да никто».

«А кто тебя любит?»

«Да никто».

«Э, брат, да ты - человек».

(Песня Цен Це Дока. Исполняется на два голоса бродячими актерами.)

На следующий день после моего посещения Переулка, в дверь постучали.

На пороге стоял мальчишка-посыльный с серыми от пыли ушами.

«Это тебе», - протянул плотно упакованный в старую синюю ткань, сверток.

Из такой ткани когда-то было сшито выходное платье Сай Ду, что так же плотно стягивало ее колени.

Хранило желание.

В свертке лежали «Книги Хун-Тонга».

К моим записям на Листьях Дерева Ин были добавлены листы рисовой бумаги.

Допросы, пахнущие Дорогим Табаком Чи Нир, исторические заметки, фрагменты неизвестных мне книг, сделанные старательным неверным почерком, вложены между страниц.

На одной из страниц был загнут уголок.

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Милый мой милый теплая монетка.

У меня было время прочитать ваши Книги.

У меня было время дополнить их.

Вы настоящий Полуденный Вор.

Вы украли слова, которые плыли мимо.

Мысли, которые прятались за бумагой.

Вы украли меня.

Тело мое, и все что внутри.

Милый мой милый.

Сладостны были мгновения наши.

И не важно сколько длились, зачем начались, почему закончились.

Даже когда Земля изменит своему бегу.

Расплавится в объятиях солнца.

Когда обратится в пепел Хун-Тонг.

Сгорят ваши Книги.

Исчезнут последние радости, печали, шепоты, страхи.

Останется Она.

У нее не будет имен.

Ее некому будет ждать.

И тогда покажется, что Она не принадлежала нам.

Лишь была рядом.

Кружила вокруг.

Наполняла, как наполняет вода подставленные ладони.

В тот последний миг жара и наступающего небытия Она освободится.

Расправит паруса-крылья.

Весело взмахнет колючим хвостом.

Полетит в темные свои небеса.

Пусть летит.

Мы все еще стоим там у начала дороги в Ти-Тунг.

И вы снимаете песчинки с моих век.

(Записка Сай Ду, написанная на странице с загнутым уголком.)

«Еще ничего не закончилось», - сказала Нога. – «И поэтому мы, должно быть, счастливы. Правда?»

Маленький Тунь и Аллигатор А закивали в ответ.

(«Небесные вешки или Путешествие Полной Луны».)

Дорога вздрогнула, и я проснулся.

Крепкая, переделанная из трех пушечных лафетов, повозка, для удобства была выстелена сеном.

«Доброе утро, уважаемый Кунь Ди Бань», - сказал Фан И Пак.

На моей груди – учебник Фан И Пака «Как смастерить крылья в домашних условиях».

Я так и не удосужился его прочитать, но шелест страниц доставлял моему другу удовольствие.

Графики зависимости подъемной силы от размаха крыльев, рисунки летящего человечка с указанием действующих на него сил, специальные упражнения для развития грудных мышц.

«Ни разу не видел, как вы мастерите крылья в домашних условиях», - сказал я.

«У нас же нет дома», - ответил Фан И Пак.

Он правил волами Ту Ай.

Крепкие животные еле справлялись с моим новым весом.

Чтобы сдвинуть меня с места, нужны усилия восьми воинов. А на мою гимнастерку уходит сукна, как на пошив обмундирования для всей расстрельной команды.

Врач Джун Ке сказал, что это нервы.

Что я подсознательно хочу превратиться в дом, который потерял.

Мою библиотеку смыло во время наводнения.

Предсказатель Погоды Бо Най сказал, что такие наводнения в Хун-Тонге случаются один раз за пятьдесят поколений.

Мои книги плыли по улицам. А люди тянули на крыши свои матрацы, горшки с Едким Чесноком Тни, старые халаты, мешки с углем... Бухгалтер Тыр вынес на крышу всю налоговую отчетность за тридцать восемь лет.

Фан И Пак лениво опустил на спину Вола бамбуковую палку со вставленными в нее шипами Розы Тэй - зажмурился от удовольствия пути.

Расстрельная команда направлялась на гастроли в Ти-Тунг.

Впереди на муле ехал Капитан Дэу Вэ.

«Держать строй», - иногда кричал он.

Но повозки ехали как ехали.

Вол качнулся вместе со степью, сделал новый шаг.

Легкий, настоянный на пряных травах ветер путал мысли, клонил в сон.

Стрекот цикад нашептывал:

«Ти-Тунг. Ти-Тунг».

«Если едешь в Ти-Тунг – услышишь «Ти-Тунг».

Если едешь в Хун-Тонг – услышишь «Хун-Тонг».

Песни цикад ловлю, чтоб не сбиться с пути».

Говорят, эти строчки принадлежат Драматургу Эн Аню.

После излечения он бросил писать пьесы и устроился работать курьером на почтовую линию Хун-Тонг – Ти-Тунг.

(Большой Кунь Ди Бань «И т.д.»)

В Ти-Тунге случилось странное.

Наша повозка отстала.

Мы заблудились.

На Улице Женщины Зеркала я увидел Лу Яня.

Он не заметил нас.

Сидел во дворе небольшого дома, около покрытой трещинами глиняной стены.

«И Лин!» - позвал Лу Янь.

И она пришла.

Я видел, как семенят ее ноги.

Как ткань платья лишает И Лин свободы движения.

Сдерживает желание.

Повозка завернула за угол, и я потерял их из вида.

Фан И Пак клевал носом.

А я думал о тайне проникновения.

Где она?

Почему так просто ускользает от нас?

Она, как Нежный Ши Фо, снова поднимает палец, выдерживает паузу – смотрите-смотрите, это еще не все.

Впереди был трудный день.

Строевая подготовка.

Жонглирование тремя Карабинами Вен Чу.

Расстрел Чучела Дак Хина.

Последнее время он чудил.

То отказывался умирать сразу.

То превращал свою кровь в вино.

Но мне вдруг стало радостно и свободно.

Не буду улыбаться.

Буду серьезен.

Улыбка выпускает счастье наружу.

А мне не хочется отдавать его просто так.

(Большой Кунь Ди Бань «И т.д.»)

Все наши заветные желания исполняются.

И от этого никуда не деться.

(«Книга тысячи объяснений».)

Странное произошло со мной вчера.

Последнее время я мучился животом.

«Старый желудок, что старый дырявый мешок», - писал в своей книге Сэюмо – «его уже не так интересно наполнять, и ты все больше озабочен тем, что из него выходит».

Вчера после бессонной ночи боли и массажа, на свет вдруг выбрался и улыбнулся мне Нефритовый Шарик Си Сянь.

Потемневший, уставший, но все такой же счастливый.

Закончилось его долгое путешествие.

И боль ушла.

Может быть, это знак, что завершен и мой труд.

Смогу ли я с этим смириться?

Голова седа.

Глаза почти слепы.

Древний У По.

Восемьдесят девять лет – это хорошая шутка.

Насмешка над моей детской торопливостью, стремлением получить то, что и так мое.

За несколько вдохов пролетает детство, юность, а дальше ты просто не успеваешь надышаться.

Новый Наместник, потом еще один, и еще, Вечер Весенней Резни, Восстание Борцов На Пальцах, Гражданская Война Г Уль, ополчение, ранение, отъезд в Ти-Тунг, возвращение в Хун-Тонг, аромат яблок, любовь, женитьба, снова любовь...

У меня было четырнадцать лишних жен.

Я помню их по именам.

Помню руками.

Губами.

Кончиком языка.

Человеку хочется больше любви.

Но ее всегда ровно столько.

Ни больше.

Ни меньше.

В Саду Шорохов живет осень.

В Саду Шорохов всегда осень.

Моя учительница Госпожа Ги Ди Онь говорила, что листья Дерева Ин пытаются подражать солнцу.

Поэтому им ближе не зеленый, а желтый и красный.

Поэтому они не любят висеть на ветке.

Хотят летать.

Сквозь ветви Дерева Ин мне улыбаются Птицы Тай.

Внимательно смотрит отец.

Мама Цай ведет меня за руку, оберегая от колючек Терновника Шим.

Трется о ноги Паленый Уй Ям.

Цен Це Док ищет тюрьму. А я так и не понял, зачем украл его тогда в детстве.

Привык носить Книги с собой.

Мой единственный труд напоминает гербарий нерадивого школьника.

И уже не понять - вложены эти листья в книгу, или выросли в ней сами.

Я соединил записи двух книг, имена.

И вот уже Танцовщица И Лин слушает мое сердце.

Генерал Жень учит подметать дождь.

Капитан Мама Лам сдувает со лба непослушную челку.

А Разная Сай Ду шепчет: «Милый-мой-милый-теплая монетка».

И не закрывает платком лица.

Они рады моему времени.

Они знают, что в старости человек бережно хранит любую подаренную ему не меркнущую радость.

Почему же мне грустно?

Грусть прячется между листьев.

Подкатывает к горлу.

Говорит: «Постой, задержи дыхание. Ведь я тоже жизнь. Насладись мной. Не забывай меня. Все… Все остается с тобой, пока, загораясь красным и желтым, ты плавно летишь к земле, не нарушая покой воздуха».

(Полуденный Вор У По «Записки на листьях».)

Старший Следователь Пын засмотрелся на меня, споткнулся, упал, ударился головой о камень и умер.

(Паленый Уй Ям «Книга Кота».)

К О Н Е Ц

***АВТОР**: Гоноровский Александр Александрович,*
тел. моб. +7 903 546 1420,
e-mail: gonor2000@gmail.com